

БАЖЖЕНОВ

Вадим
Пигалёв

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга о выдающемся русском зодчем XVIII века Василии Баженове.

- [Вадим Алексеевич Пигалев](#)
 -
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [НАДЕЖДЫ](#)
 - [ПОЖАР](#)
 - [НАСЛЕДНИКИ](#)
 - [ЭПИЗОДЫ](#)
 - [МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ](#)
 - [НА ЗАНЯТИЯХ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [АРХИТЕКТУРНЫЙ ПАСЬЯНС](#)
 - [ПОД ОБЩИМ ЗНАМЕНАТЕЛЕМ](#)
 - [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ](#)
 - [БЕЛЫЕ НОЧИ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [В ПАРИЖЕ](#)
 - [НЕНАПИСАННЫЕ ПИСЬМА](#)
 - [«ЭКЗАМЕНАЦИЯ»](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [НА РОДИНЕ](#)
 - [ЕЩЕ ОДИН ЭКЗАМЕН](#)
 - [ПРОЖЕКТЫ](#)
 - [НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ](#)
 - [«БАЖЕНОВ! НАЧИНАЙ. УСТУПИТ ЕСТЕСТВО»](#)
 - [«И КРЕМЛЬ УКРАСИТСЯ СВОЕЮ НОВОЙ ДОЛЕЙ»\[3\]](#)
 - [ЗАНАВЕС ОПУСКАЕТСЯ](#)
 - [«КАТОК»](#)
 - [РЕПЛИКИ, МНЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ](#)

- [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [БАЖЕНОВ И НОВИКОВ...](#)
 - [ХОДЫНСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА](#)
- [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [НОВЫЙ ЗАКАЗ](#)
 - [ПАУТИНА «БРАТСТВА»](#)
 - [СУДЬБА АНСАМБЛЯ](#)
- [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ОРДЕНСКИЕ ИНТРИГИ](#)
 - [ТРЕВОГА АРХИТЕКТОРА](#)
- [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ, В ОПАЛЕ](#)
- [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [СНОВА В ПЕТЕРБУРГЕ](#)
 - [МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК](#)
 - [ЕЩЕ ОДИН НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ПРОЕКТ](#)
 - [«ПРИМЕЧАНИЕ» ЗОДЧЕГО И ЕГО ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. И. БАЖЕНОВА](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ, ЛИТЕРАТУРА О В. И. БАЖЕНОВЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Вадим Алексеевич Пигалев БАЖЕНОВ

Некоторые думают то, что и архитектура, как одежда, входит и выходит из моды, но как логика, физика и математика не подвержены моде, так и архитектура; ибо она подвержена основательным правилам, а не моде.

В. И. Баженов

Василій Ивановичъ
Жуковскій

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАДЕЖДЫ

Весна выдалась несуразная: то дожди проливные, то неожиданные заморозки, то оттепели. В такую-то пору лучше дома отсидеться, дожждаться, пока дороги подсохнут. Но Ивану Баженову, служившему в небольшой церквушке в селе Дольском Малоярославского уезда Калужской губернии, не терпелось переселиться в Москву. Это была его давнишняя мечта. Такой случай представился: его пригласили на должность псаломщика в Кремлевскую церковь, «что у Иоанна Предтечи за Золотой решеткой».

«Повышение не ахти какое, но все-таки, — думал Иван Баженов. — А другого-то случая может и не быть. Медлить нельзя, в суетной-то городской жизни о маленьком человеке и данных ему обещаниях и позабыть недолго. Ну, ежели не позабыть, то передумать... Мало ли чего...

Бог знает как все сложится. В Дольском, конечно, не рай, но все-таки... крыша над головой, какие ни на есть, но запасы, соленья разные, покой, уют...» Неизвестное будущее в первопрестольной столице манило и в то же время пугало его. Но виду Иван Баженов не подавай. Был непривычно весел, энергичен, возбужден. Временами, правда, ворчал на жену, велел бережливее укладывать в обоз иконы, ведь дорога маслом не смазана, что вещи надобно беречь, ибо бог весть когда еще придется наживать добро.

Бросить насиженное место и с младенцем на руках, которому от роду всего три месяца, отправиться в дорогу — дело рискованное. Но уж больно долго Иван ждал этой минуты. К тому же находил своему безрассудству оправдание. Пытаясь успокоить жену, говорил, что сына надобно в люди выводить, а для сего

желательно быть ближе к первопрестольной, где люди ученостью блещут.

Ехали медленно. Телега, нагруженная скарбом, часто застревала в рытвинах. В низинах земля еще не просохла. Наконец благополучно выбрались на возвышенность. Здесь дорога была получше, лишь кое-где лужицы. Остановились. Иван Федорович отошел от повозки, вытер широким рукавом пот со лба, неторопливо перекрестился, глядя на знакомый пейзаж, покосившиеся избы, сельскую церквушку...

ПОЖАР

Это случилось накануне Троицы, в последних числах мая 1737 года. Фиолетово-черные тучи дыма стелились над соборами и церквами, беспомощно устремленными в небо крестами, полыхающими деревьями. Загорелась церковь Иоанна Предтечи. Огонь перекинулся на терема, дворцы, служилые дома, избы, торговые палаты до самого Лефортова. Гудело разбушевавшееся пламя, трещали и с грохотом падали обгоревшие бревна, разбрасывая вокруг себя ослепительно яркие искры. Не успевали тушить. Под порывами ветра огненные языки, минуя рвы и каменные стены, расползлись по Тверской и Сретенке, Никитской и Покровке, Мясницкой и Арбату, захватили Китай-город. Клубы дыма заволокли Казанский, Заиконоспасский и Покровский соборы. Горели Сибирский приказ и его богатые пушные склады... Тревожно звенели колокола. Пожар продолжался несколько дней. Он то затихал и прекращался, то вспыхивал с новой силой. Казалось, ему не будет конца.

Иван Баженов подолгу смотрел на уцелевшие купола и молился.

— Господи, — шептал он, — чем провинился перед тобой сей град первопрестольный?.. За что немилость твоя... Спаси, господи, души бренные, убереги раба своего...

Жена ни в чем своего Ивана не упрекала. Она лишь изредка всхлипывала, прижимая к груди младенца Василия. «Так богу угодно», — говорили в народе о пожаре. Считали, что город пострадал не случайно — «много разврату и бесстыдства развелось».

— Бывало, при Петре Великом, — судачили мужики, — хоть и мрачно жили, все больше в страхе и

беспокойстве, но зато бога не гневил. Господа драли шкуру почем зря, но и сами жили в заботах и хлопотах. А нынче поди разбери, что к чему...

Другие думали иначе. Эти, другие, были довольны, что бесконечные реформы отошли в прошлое, что петровские чудачества и произвол миновали, что наконец-то вновь на Руси установилось спокойствие.

НАСЛЕДНИКИ

У царского двора забот прибавилось. Императрица Елизавета Петровна решила не спеша готовить себе замену.

Умер Карл-Фридрих, герцог Шлезвиг-Голштинский. Он приходился по матери племянником королю шведскому Карлу XII и имел права на шведскую корону. К тому же он был женат на старшей дочери Петра Великого, и у них родился сын, который мог претендовать и на российскую императорскую корону.

Дальше события развивались так, как того хотела Елизавета. Было объявлено, что юный принц, наследник двух северных корон Карл-Петр Ульрих, отказался от шведского престола в пользу своего опекуна Адольфа-Фридриха, правителя Голштинии. Юный принц «принял греческую веру, получил имя Петра и был провозглашен наследником всея России и преемником императрицы Елизаветы с титулом великого князя». Само по себе известие не стало большой неожиданностью, многие восприняли его как само собой разумеющееся. Проблема заключалась в другом: кто станет партнером великого князя? Страсти разгорелись именно вокруг этого. Сообщения из России встревожили Христиана-Августа Цербстского и его жену Иоганну-Елизавету Голштинскую, которые боялись просчитаться и были обеспокоены тем, чтобы найти достойную партию для своей четырнадцатилетней дочери. Родители и их друзья, наиболее доверенные лица, спешили преподать юной принцессе Ангальт-Цербстской уроки тщеславия.

Любопытно, что юная принцесса, не испытывая к своему будущему мужу никаких чувств (она его видела до этого всего один раз в Эйтине, в резиденции епископа Любекского, когда Карлу-Петру Ульриху было

одиннадцать лет), тем не менее покорно отнеслась к известию о том, что ей, возможно, надлежит стать женой великого князя России. И дело тут не только в том, что родителям по тем временам принадлежало решающее слово. Просто она слишком много наследовала от них. От матери — тщеславие, женскую мудрость, неутомимость в достижении цели, страсть к расточительству во имя самоутверждения, веселый нрав и общительность; от отца — трезвый ум, расчетливость, рационализм, выдержку, умение анализировать события, предугадывать будущее. Разумеется, не все в равной степени разовьется в ней. Но фундамент был заложен прочный.

Если верить «Автобиографическим запискам» Екатерины, то «...при русском дворе были тогда две партии, одна — это графа Бестужева, которая хотела женить русского великого князя на Саксонской принцессе, дочери Августа II, короля Польского, и именно на той, которая вышла впоследствии за курфюрста Баварского. Другая партия была та, которую называли французской; к ней принадлежали обер-гофмаршал великого князя Брюммер, граф Лесток, генерал Румянцев и много других — все друзья маркиза де Шетарди, французского посланника. Последний желал бы лучше ввести в Россию одну из дочерей французского короля, но его друзья не смели выставиться с предложением подобной идеи, к которой питали отвращение императрица и граф Бестужев, оказывавший большое влияние на ее ум и отклонявший ее от этого». Выход, однако, был найден. В январе 1744 года Иоганна-Елизавета получила письмо от герцога Голштинского, тогда великого князя России, в котором речь шла о ее дочери.

«...они выбрали средство к примирению, которое состояло в том, чтобы предложить меня императрице Елизавете. Посланник Прусского короля, и

следовательно, и его государь были посвящены в эту тайну. По-видимому, чтобы поладить с гр. Бестужевым и чтобы он не думал, что это делалось с непременным намерением ему противоречить, как это и было в действительности, распространили слух, что меня вызвали без ведома Шетарди, души этой партии, чтобы избежать брака великого князя с одной из французских принцесс. Но в действительности этот посланник позволил себе думать обо мне только тогда, как он потерял надежду на успех с одной из дочерей короля, своего государя».

В Риге юную принцессу и ее мать встречали: представители Рижского магистрата, обер-егермейстер Семен Кириллович Нарышкин, гвардейский поручик Овцын и те, кому надлежало в дальнейшем обслуживать почетных гостей. Нарышкин от имени императрицы преподнес юной Ангальт и ее матери соболиные шубы. В Петербург отправились на дорогих экипажах.

Проезжали через Дерпт, где еще можно было видеть следы бомбардировки, «которую выдержал этот город, когда его завоевывал Петр I». В Петербург прибыли через несколько дней к полудню. Палили пушки. В Зимнем дворце гостей встречали придворные дамы, генерал-лейтенант князь Василий Никитич Репнин, сенатор Юсупов, граф Михаил Петрович Бестужев и другие вельможные лица. После церемониальных знакомств и длительного обеда отправились осматривать город, кататься на санках, смотреть снежные бои. Была масленица. Однако в Петербурге пробыли недолго. Надо было спешить в Москву, чтобы подоспеть к десятому февраля, дню рождения великого князя.

Ехали довольно быстро, дороги были укатаны, снегу не очень много. Приключенческие рассказы Нарышкина о минувших войнах, сдобренные грубой фантазией, нисколько не забавляли юную Ангальт. Она рассеянно смотрела по сторонам и предавалась мечтаниям. Ей

хотелось представить себя в роли царицы этой «дикой» страны, которая будоражила любопытство, манила своей загадочностью.

Во Всесвятском сделали передышку. Туда прибыли камер-юнкер двора Сиверс и бывший секретарь посольства в Берлине Шривер. Сиверс — с заботами о том, как лучше выехать, чтобы прибыть в Москву в назначенное Елизаветой время. Шривер — с секретной бумажкой, которая «содержала характеристику почти что всех самых значительных особ при дворе... и степени фавора разных любимцев». Ангальт делала вид, что бумага ее нисколько не интересует. К отъезду Ангальт надела «узкое платье без панье из розового муара с серебром».

Вскоре выехали в направлении Анненгофского дворца, который занимал тогда двор. Прибыли в назначенное время, около восьми часов вечера 9 февраля 1744 года. У входа во дворец и в нижних залах встречала придворная знать. Императрица ожидала гостей в своих покоях, в парадной спальне. Ее платье из серебряной парчи с золотым позументом; на голове приколото сбоку черное перо, стоявшее совсем прямо, прическа — из своих волос со множеством бриллиантов. Императрица волновалась. Из писем Иоганны Цербстской Елизавета Петровна знала, что Ангальт — хорошо воспитанная девочка, скромная, застенчивая, умелая рукодельница, способная рисовать, петь и читать ноты. Этим письмам императрица не очень верила. И не зря. Ангальт не любила ни рукоделия, ни музыки, а что касается пения, то у нее абсолютно отсутствовали для этого какие-либо данные. «Вообще музыка для моего слуха всегда была не что иное, как простой шум», — признавалась потом в своих дневниках Екатерина. Впрочем, юная принцесса произвела на Елизавету неплохое впечатление, ей показалось, что она

действительно благовоспитанная девочка, а это главное.

Следующий день — 10 февраля — день рождения великого князя. На больших торжествах, устроенных по этому случаю, императрица даровала Ангальт и ее матери ордена св. Екатерины. Во время вручения молодой граф Алексей Разумовский не сводил с Ангальт своих неотразимых глаз. Она тоже прельстилась его красотой, но общаться с ним, вступать в разговоры не решалась. Ангальт вообще ни с кем не торопилась заводить дружбу. Она помнила о записке, которую подсунил ее матери Шривер, и предпочла действовать осторожно. Получилось, однако, так, что неосмотрительно поступила Иоганна Голштинская. Она поторопилась воспользоваться советами, изложенными в записке, и стала активно создавать круг доброжелателей из числа соотечественников, посланников в России и знатных русских вельмож, которые по тем или иным причинам не очень симпатизировали Елизавете или просто могли быть полезными людьми.

Мать Ангальт особенно доверяла графу Бецкому, он сблизил ее с принцем и принцессой Гессен-Гамбургской, а также с влиятельными вельможами при русском дворе. Елизавета Петровна, сама пришедшая к власти в результате хорошо организованного и легко проведенного переворота, относилась к различным группировкам при дворе весьма подозрительно. Практика убеждала ее, что лучший способ предотвращения заговора — внутренний контроль друг за другом. В порядке профилактики Елизавета сочла нужным отстранить Иоганну Голштинскую от дочери. Ангальт стала видаться с матерью редко, а если им и случалось беседовать, то исключительно в присутствии свидетелей. Но на этом императрица не успокоилась. В конце концов она вообще решила избавиться от

присутствия Голштинской при дворе, предложила ей выехать по месту прежнего жительства, а письма Ангальт матери стали направляться «не иначе, как через коллегия иностранных дел».

Первые дни пребывания Голштинских в Москве прошли в визитах. Правда, последующие дни омрачились тем, что Ангальт заболела плевритом. Ей сделали кровопускание. После чего императрица прислала Ангальт серьги и брошь бантом ценою в 25 тысяч рублей. Ко дню своего рождения Ангальт поправилась. 21 апреля ей исполнилось пятнадцать лет. Великий князь Петр на год и три месяца старше, но Ангальт воспринимала его ребенком: «Он говорил со мной об игрушках и солдатах, которыми он был занят с утра до вечера; я слушала его из вежливости и угождения и часто зевала, не вникая в смысл его слов». Какие же чувства испытывала Ангальт в связи с предстоящим замужеством? «Я не могу сказать, чтобы он мне нравился, ни что он мне не нравился; я умела только повиноваться матери, желавшей выдать меня замуж; но, по правде, я думаю, что российская корона мне нравилась больше, чем его особа». Это точно. С этим она ехала в Россию, об этом постоянно думала, этим определялось все ее поведение при дворе. Будущая великая княгиня ранее получила наставления в лютеранской церкви. Но до первого причастия она имела право выбрать ту веру, которая больше отвечала ее убеждениям. На этот счет у Ангальт двух мнений не существовало, она заранее настроила себя на то, чтобы безоговорочно поверить в «венец небесный», лишь бы это давало право на «венец земной». К Ангальт был приставлен псковский епископ Симеон Теодоровский, он беседовал с ней о догматах православной церкви. Ученица оказалась необыкновенно послушна и сговорчива. Ангальт приняла греческую (православную) веру.

После этого состоялось обручение с великим князем. Ангальт получила титул великой княгини «с прибавлением Императорского Высочества». Казалось бы, мечта девочки, получившей русское имя — Екатерина, стала сбываться, лучи от короны заблестели более ярко. Но оказалось, что это не более чем мираж.

«Когда князь Никита Григорьевич Трубецкой, в то время обер-прокурор Синода, получил приказ императрицы составить указ в Синоде по поводу этих двух титулов, которые императрица даровала мне по старинному обычаю, он спросил, что нужно ли было прибавить к ним слово «наследница», которое давало право на престолонаследие, императрица сказала ему — нет», — писала Екатерина в «Автобиографических записках».

Елизавета Петровна не могла не заметить (с помощью придворных, разумеется), что эта рано повзрослевшая девочка отнюдь не такая наивная, как могло показаться на первый взгляд. Особенно подозрительными были ее равнодушие к великому князю, ее жадно-завистливое выражение глаз при виде царского трона, парадных костюмов и неосмотрительное кокетство с молодыми красавцами, влиятельными вельможами. Впрочем, именно такая партнерша и нужна была умственно вялому, медленно взрослеющему Петру Федоровичу. Но императрица решила и на сей раз проявить осторожность.

Итак, путь к русской короне оказался намного сложнее, чем предполагала Ангальт, ставшая Екатериной. Она впала в уныние, ей стал еще более противен будущий муж, по ночам она обливалась слезами, кусала угол подушки и никак не могла сообразить, что ей делать дальше.

Прозрение наступило неожиданно. Однажды наставник Екатерины, псковский епископ Теодоровский, многозначительно изрек библейскую мудрость: «Блага

мудрость паче силы; блага мудрость паче орудий ратных». Было это произнесено с тайным умыслом или без оно́го — сказать трудно, но слова эти навсегда врезались в память Екатерины и стали служить чуть ли не эпиграфом ко всей ее дальнейшей жизни. Великая княгиня очень скоро научилась маскировать свои мысли, чувства, настроение и из всего извлекать для себя мораль: «Я, имея правилом нравиться людям, с которыми приходилось жить, усваивала их образ действий, их манеру; я хотела быть русской, чтобы русские меня любили». Она научилась даже копить свой моральный капитал за счет огрехов императрицы. Не будучи чересчур набожной, Екатерина скрупулезно соблюдала все христианские обряды, терпеливо постилась, хотя особого желанья к этому никогда не испытывала. Любопытен в этом смысле такой, казалось бы, очень незначительный факт. Накануне праздника Благовещения Екатерина мужественно постилась и не спала всю ночь «со страстной пятницы на субботу к заутрене и погребению Господню». К обедне императрица Елизавета сильно задержалась. Выяснилось, что Елизавета Петровна в этот день была в бане. Разумеется, никто по этому поводу ничего не сказал, но многих это шокировало. Зато великая княгиня торжествовала в этот день свою маленькую победу: «...я знала правило, которое гласило, что очень часто мелочи такого рода, которыми мы пренебрегаем, вредят в итоге более, чем существенные вещи, потому что гораздо более умов, склонных к мелочам, чем разсудительных людей, которые их презирают».

Что же касается денежного капитала, то юная княгиня предпочла отказаться от расчетливости, свойственной ее отцу, и повела себя так, как могли позволить себе лишь наиболее широкие русские натуры, обладатели определенного состояния.

С самого начала царица назначила на содержание Екатерины годовую «сумму в тридцать тысяч рублей». Этих денег скоро не стало. К тому же: «У меня было тогда не более двенадцати-тринадцати тысяч долга». Только и всего! Куда же уходили эти значительные суммы? Выяснилось, что на «безобидные» подарки друзьям, придворным лицам. Эти жесты совершались с дальним прицелом. Многие из них достигали цели. Ряды шпионов и доносчиков редели. Кое-кто переходил в лагерь доброжелателей. Кроме того, юная Екатерина научилась хранить тайны. «Эта система приобрела ко мне доверие и уважение многих лиц; я узнавала через это много полезного для знания, и перед моими глазами обнаружались многие характеры, которые я без этого никогда бы не узнала».

С весны 1745 года начались приготовления к свадьбе. Молодые стали чаще встречаться, мило беседовать о пустяках. Внешняя любезность, однако, не мешала росту внутренней неприязни. Екатерина писала: «Вообще ничьи умы никогда не были так мало схожи, как наши. Не было никакого сходства также у нас во вкусах, в нашем образе мыслей и в нашем мировоззрении, так что мы никогда ни в чем не сходились; разве только иногда я соглашалась с ним из снисходительности, чтобы ему не прекословить». Но это нисколько не могло расстроить свадьбу, как и все остальное, во что уверовала юная княгиня. В сознании Екатерины начал складываться четкий жизненный план, который она последовательно осуществляла, не останавливаясь и не пасуя перед трудностями.

Свадьба состоялась в Петербурге 21 августа. Их обвенчал епископ Новгородский в церкви Казанской Божьей матери. Торжества по этому случаю продолжались десять дней. Правда, вскоре под сводами дворца неожиданно стали витать слухи, что Екатерина равнодушна к некоторым красавцам, среди которых

был и камердшеф великого князя Андрей Чернышев. Впрочем, дело, которое не стоит и выведенного яйца. Сие решалось просто. Андрея Чернышева немного «потрясли» в Тайной канцелярии, а затем вместе с двумя двоюродными братьями направили в Оренбург. Вскоре императрица перестала получать необходимые ей сведения о поведении молодых, особенно Екатерины. Симпатии? Это тем более тревожно и недопустимо. Шахматная доска явно застоялась. Пора переставлять фигуры. Елизавета сделала это неожиданно. Состав так называемого «малого двора» был несколько изменен. Сделан и «ход конем». Императрица назначила свою даму Чоглокову обер-гофмейстериной при Екатерине. «Чоглокова, — замечает Екатерина, — слыла за самую злую и капризную женщину при дворе». Но зато Елизавета могла смело положиться на нее. Чоглокова, вечно беременная женщина, обладала «тонким нюхом» и верно служила Елизавете Петровне. Этот «сюрприз» стал ударом для Екатерины. Впрочем, к этому времени она накопила некоторый опыт в извлечении выгоды из общения с врагами. Чоглокова представляла в этом смысле определенный интерес. Она «знала всю скандальную хронику всех семей Российского дома, начиная от Петра Великого и даже раньше», Для Екатерины это важно: «От нее-то я и узнала связь всех семейств между собою, их родство до второго или третьего поколения, множество анекдотов, которыми не мешает иногда воспользоваться при случае тому, кто сумеет извлечь из этого себе выгоду».

Екатерина признавалась: «Надежда или перспектива не небеснаго венца, конечно, но земной короны, поддерживала мой ум и бодрость».

И еще одно признание: «...говоря по правде, я ничем не пренебрегала, чтобы достичь цели».

Такова была обстановка при русском дворе в то время, когда подрастал юный Василий Баженов.

ЭПИЗОДЫ

Москва медленно, но упорно избавлялась от последствий пожара. Все меньше оставалось обгоревших домов-скелетов, полуразвалившихся деревянных построек. Ремонтировались и строились заново церкви, деревянные особняки, казенные помещения. Большие работы велись в Кремле. Бартоломео Растрелли — итальянец, приехавший в Россию подростком и полюбивший традиции русского зодчества, сооружал по указанию Елизаветы Петровны кремлевский Зимний дворец. Для этого потребовалось разобрать несколько древних дворцовых палат. Другой видный архитектор, Евлашев, строил колокольню Донского монастыря. Этот русский зодчий заведовал постройками дворцового ведомства.

...Лето стояло жаркое — московская знать спешила в загородные леса, в тенистые усадьбы, к прохладе рек. А жизнь в Москве шла своим чередом. Лениво причаливали ладьи, груженные рыбой и овощами. Близ Кремля шумели торговцы, судачили меж собой старухи и калеки-нищие.

Василий бродил вдоль торговых рядов. Зачем его послал отец, он забыл. Мальчик отличался рассеянностью. Это давно заметил Иван Федорович и бранил его за ротозейство. Но нынешнее проявление рассеянности было своего рода внутренней сосредоточенностью. На сей раз его внимание привлекли картинки на фронтисписах латинских книг.

К прилавку подошел высокий господин. Его одежда украшена замысловатыми узорами с золотой отделкой. Василий не смог удержаться от соблазна дотронуться пальцем до узоров.

— Тебе чего? — пробасил хозяин кафтана.

— Я так, — отдергивая руку, сказал Василий.

— Ну коли так, то ладно. А вообще под ногами елозить нечего.

В Страстном монастыре близ Тверских ворот шла служба. Горели свечи. Трепещущие языки высвечивали пятнами позолоту, красочные иконы. Басил дьякон. Трогательно звучал слаженный хор мальчиков. Их неподвижные фигуры, бледные лица, покорно-доверчивое выражение глаз чем-то напоминали ангелов, изображенных на фресках.

У Василия Баженова терпения хватило ненадолго. Неподвижность его утомляла. Он стал озираться по сторонам, разглядывать своды храма, осматривать присутствующих. Его внимание привлек могучего телосложения мужчина с большой черной бородой. Фантазия мальчика разыгралась. Он стал мысленно «манипулировать» фигурой этого человека: переносил ее на иконы, заставлял прихожанина поддерживать широкими сутулыми плечами сводчатые переходы. Он использовал много вариантов, но все они не устраивали его. Все они вызывали улыбку либо кислую гримасу. Наконец Василий нашел прихожанину подходящее место. Только не всей его фигуре, а лишь лохматой и бородатой голове и не в монастыре, а на воображаемой усадебной въездной арке. Впрочем, в представлении Василия это уже была не просто голова человека, а что-то вроде полубыка с пронзительным человеческим взглядом и позолоченным кольцом в мясистой ноздре. Такой вариант Василия устроил. Он был доволен. Но в это время церковный надзиратель наступил Василию на ногу и незаметно для окружающих больно ущипнул его. На лице мальчика не появилось ни обиды, ни злости, ни страха. Лишь одна непрошенная слеза скатилась по щеке.

Много лет спустя Баженов напишет в автобиографии: «Я всех святых из церкви переносил

мыслями под переходы на стены и делал их своею композицией, за чем меня заставляли и секли часто».

...Василию не спалось. Он сидел в темноте на своей лежанке, в длинной ночной рубахе, поджав колени к груди и положив на них голову. Смотрел в окно на крупные снежинки, на графически четкие тени от домов и соборов Кремля, на серебристую дорожку от лунного света. Зимний Кремль красив: не видно хлама, полуразвалюх. Кругом строгая красота: белокаменные соборы, белоснежная земля, сверкающие желтизной купола.

Василий закрыл глаза. Ему снилось, что он ступает по ровному, еще никем не тронутому снегу. Кругом — дворцы, колокольни, многоглавые церкви. Это — модели, которые он, часто уединяясь в сарае, так старательно делал из пробок, щепок, бересты, соломы, луковых головок, битого кирпича. И размеры этих строений не игрушечные, а настоящие. Но они в то же время почему-то значительно меньше, чем фигура мужчины с метлой в руках. Мужчина делает широкие движения, разбрасывая снег в разные стороны. Но снежинки не ложатся в сугробы. Они носятся в воздухе, образуя снежные карусели, опоясывая строения множеством белых колец, унося неизвестно куда крыши домов, купола церквей...

Василий вздрогнул, проснулся. Приник к окну. Причина тревоги, внутреннего беспокойства была непонятна. Его что-то заставило встать. Он сунул босые ноги в валенки, набросил поношенный козлиный тулупчик, нахлобучил шапку и осторожно, стараясь никого не разбудить, пробрался в прихожую. Осторожно притворил дверь, спустился по крутым ступеням.

В сарае пахло сеном и дубленой овчиной. Свеча освещала лицо Василия и его поделки. Он почти не чувствовал, как расплавленный воск капал на руки. Это

непонятное смятение длилось недолго. Оцепенение вменилось вдруг страстью, желанием действовать.

...Василий скатывал снег в большие комья, ставил их рядом, громоздил один на другой, подгребал снег, забрасывал его наверх. Бегал к колодцу, тащил ведра с водой, поливал снежные стены. Они покрывались через некоторое время ледяной коркой. Делал заготовки, что-то вроде болванок из снега для скульптур: лошадей, всадников и прочих фигур. Политые водой, они замерзали, превращаясь в глыбы льда, а тем временем Василий лихорадочно работал в другом месте. Он ползал по снежным стенам, карабкался с ведрами по приставленной лестнице, тянул наверх доски, делал перекрытия в проемах, лепил колонны, лестницы, колокольни, купола... Иногда он срывался, падал. От обиды и боли наворачивались слезы. Он торопливо и неуклюже стирал их рукавом мокрого тулупа, из-под которого виднелась ночная рубаха. И продолжал работать с еще большим остервенением, злостью, упрямством. Временами силы покидали его. Но он не позволял себе долго отдыхать. Снова и снова брался за работу. Василий появлялся то рядом со скульптурными фигурами, то на холме, где на фоне ночного неба уже высилась белоснежная арка.

Может быть, в такие минуты рождается художник, творец, гений, когда раскрепощается то, что уже невозможно погасить, ограничить трезвым рационализмом. Не всякому, видимо, дано однажды в жизни довести себя до такого состояния экстаза, полубезумия, чтобы тем самым раз и навсегда разорвать цепи сомнений, выпустить на свободу то, что заложено в самых глубинах человеческой души. Такой день... вернее, такая ночь в жизни Василия настала.

Он вспомнит минуты своего детства спустя годы. Он напишет об этом в автобиографии: «Рисовать я учился на песке, на бумаге, на стенах и на всяком таком месте,

где я находил за способ, и так я продолжался лет до десяти, между прочим по зимам из снега делывал палаты и статуи».

Иван Федорович хлопотал у постели сына. Василия бросало в жар, он бредил. Отец менял компресс, клал на голову сына свежее полотенце. Ему помогала жена, робкая, молчаливая женщина.

— Эко угораздило тебя, — ворчал Иван Баженов. — Надо же быть таким непутевым... одни хлопоты да убытки. Жаль, что выпороть тебя не могу, прости, господи... За такое баловство не лекарство тебе положено... Ну будет, будет метаться-то. Коли здоровьем в меня вышел, то никакая хворь не возьмет, так, потреплет немного, да и отпустит... Будет тебе, жена, сырость-то разводить. Поди лучше поставь самовар да за медом слазь.

А тем временем детвора обживала снежный городок, строительство которого начал Василий, а продолжили другие, люди более взрослые. Утреннее солнце пронизывало ледяную поверхность строений, преломлялось, играло всеми цветами радуги. С горки, из-под ледяной арки, неслись самодельные санки. Внизу они попадали под град снежков. Это вели оборонительную войну мальчишки, захватившие ледяную крепость. Они никого не подпускали к ней, и всякий раз, когда «противник» приближался, дозорный начинал трезвонить во все «колокола» — в подвешенные «архитектором» старые ведра и бочонки...

— Вот так-то оно лучше, — говорил Иван Федорович, принимая из рук сына пустую кружку. — Хворь — это тебе не дурь. Хворь можно живо выгнать. А что касательно дури твоей... Ну да ладно, потолкуем потом. Пора мне. Коли что надо будет, кликнешь мать. А ежели полегчает, займись делом. Время зря не теряй. Книги не зря учеными людьми пишутся, запомни это. А я нынче

зайду к твоим, скажу, что захворал, заодно и узнаю, как ты там...

— Не надо ходить в Страстной, — осипшим голосом крикнул Василий. Он попытался было сказать что-то еще, но к горлу подступил ком, глаза наполнились влагой. Чтобы не разрыдаться, Василий больно прикусил нижнюю губу. В ту же минуту какое-то чувство подсказало ему, что он должен все сказать именно сейчас, что откладывать нельзя, что потом вернуться к этому разговору будет гораздо трудней. Пусть лучше сейчас. И будь что будет, пусть выпорет, избыет до полусмерти, запрет в темном чулане. Зато на душе не будет этого тяжелого камня.

— Не хочу я... не хочу быть попом, — дрожащим голосом, в котором, однако, проскользнули нотки упрямства, сказал Василий. — Батя, миленький, определи меня в каменный приказ...

Нет, Василий не рассчитывал на согласие. Он был почти уверен, что за этим последует страшный скандал, что лицо отца, как это часто бывало прежде, когда он гневался, покроется багровыми пятнами, что мать поспешит убрать из-под рук мужа легко бьющиеся предметы, что ей придется прибегнуть к различным ухищрениям и осторожным уговорам, чтобы утихомирить легко возбудимого, а в общем-то доброго и отходчивого Ивана Федоровича. Но этого не произошло. Слова Василия повисли в воздухе. Наступила гнетущая тишина. Иван Федорович стоял в растерянности. Скорее сердцем, чем умом, он почувствовал, что это не просто каприз мальчика. И даже не столько просьба, сколько требование. В робко сказанных словах он, может быть, сам еще того не сознавая, почувствовал силу, уверенность.

Иван Федорович, ни слова не говоря, вышел.

МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ

Архитектурная школа, чаще всего именуемая «архитектуры цивилис» или просто «архитекторской командой», находилась близ Охотного ряда. Ее основал князь Дмитрий Васильевич Ухтомский, человек образованный, энергичный, хорошо разбирающийся в делах архитектуры, как в вопросах теории, так и практики. Ему и самому приходилось много строить. Он возвел соборную колокольню со скульптурами в Троице-Сергиевском монастыре, соорудил каменные Красные ворота, строил Кузнецкий мост через Неглинную, перестраивал в Кремле Мастерскую и Оружейную палаты, реставрировал Арсенал у Никитских ворот, пострадавший от пожара, участвовал в других работах. Практика подсказывала Ухтомскому, что для развития строительных дел необходима специальная подготовка людей, что надо воспитывать не только архитекторов, но и готовить каменотесов, мастеровых, отделочников, специалистов по фундаментам, которые исполняли бы свои обязанности не по наитию, а руководствовались знаниями, наукой, математическими расчетами и были бы не только исполнителями, но и помощниками архитектора. В преподавательской работе он был сторонником изучения классических методов архитектуры и строительного дела. В своем донесении в Сенат Дмитрий Ухтомский писал, что школа крайне нуждается в книгах Витрувия, Полускедера, Поцци, Палладия и других авторов «архитектурных книг». Отсутствие надлежащих учебников — одна из основных трудностей, с которой Ухтомский столкнулся в своей педагогической деятельности. Правда, кое-какие книги он достал, но почти все они были на иностранных языках. Самостоятельно пользоваться ими могли

немногие. Члены архитектурской команды были в основном из бедных семей. Ученики плохо одевались, скудно питались, зимой часто болели. Единственное, что их удерживало в школе, — любовь к избранному делу и надежда выбиться в люди. Ухтомский учитывал и это обстоятельство. Он принимал в школу лишь тех, кто горел желанием посвятить себя строительному делу, кто фанатично этому предан. Это позволяло надеяться, что человек на время учебы может смириться с трудностями.

И еще одна особенность была в педагогической деятельности Ухтомского. Он — один из тех, кто позволял себе в сдержанных тонах говорить то, что думает, а не то, что требовалось от человека его положения. Собственно, этим и отличались просвещенные умы первопрестольной столицы. В последующие годы эта тенденция разрастется как снежный ком, что вызовет раздражение правительства и желание монарха держаться подальше от этого «развратного» города, помешанного на бредовых мыслях о республиканском строе, парламентских выборах, равенстве людей.

Гражданская позиция Ухтомского повлияла на умы и судьбы многих его воспитанников. Лекции Дмитрия Васильевича хоть и были иногда далеки от практики строительного дела, но они будоражили творческую мысль учеников, заставляли серьезно задумываться над жизнью. Достаточно сказать, что из школы Ухтомского вышел знаменитый русский архитектор М. Ф. Казаков.

Василия Баженова приняли в архитектурскую команду, руководимую 36-летним князем, в 1753 году. Приняли, но не зачислили. В списках учеников Ухтомского он нигде не значится. Василий, судя по всему, определен вольным слушателем. Дмитрий Ухтомский достаточно высоко оценил способности Баженова, но, зная о его бедственном положении,

предпочел освободить своего воспитанника от обязательных занятий и часто предоставлял ему возможность подработать. По просьбе казенных учреждений и частных лиц он направлял Василия в качестве газеля (подмастерья) на стройки для составления смет, для осмотра зданий, нуждающихся в перестройке или ремонте.

Юный Баженов отличался от других соучеников способностями живописца. Это дало ему возможность общаться с известными мастерами. Он стал помощником таких талантливых живописцев, как Иван Вишняков и Иван Адольский, которые участвовали в те годы в оформлении Головинского дворца, сгоревшего во время пожара. «...И давали мне 60 коп. на день», — пишет Баженов. Испытывал Василий и стремление к самостоятельным работам. Он, в частности, сделал в эти годы замечательный рисунок. Натура — сложная композиция на евангельские темы, шедевр резного искусства. Над этим огромным уникальным крестом несколько десятилетий бескорыстно трудился Григорий Шумаев, плавильщик с Монетного двора. Работу старого мастера решили перенести в Сретенский монастырь. Перед тем как разбирать крест, Василий Баженов тщательно срисовал его, изучив до мельчайших подробностей все его детали.

НА ЗАНЯТИЯХ

В конце занятий Ухтомский любил рассуждать на общие темы, говорить о задачах искусства, о долге архитектора, а также отвечать на волнующие учеников вопросы.

— В наших с вами беседах я уже много раз ссылался на великого Витрувия, мужественного воина Юлия Цезаря и гениального римского архитектора. Я это сделаю и на сей раз. Я прочитаю вам его бессмертные слова о долге архитектора и всякого человека, взявшего себе за цель — служить искусству. Витрувий пишет: «Надо быть и одаренным, и прилежным в науке, ибо ни дарование без науки, ни наука без дарования не в состоянии создать совершенного художника. Он должен быть человеком грамотным, умелым рисовальщиком, изучить геометрию, всесторонне знать историю, внимательно слушать философов, быть знакомым с музыкой, иметь понятие о медицине, знать решения юристов и обладать сведениями в астрономии и в небесных законах».

До сознания Василия долетали лишь отдельные фразы. Он был погружен в свои мысли.

«Талант»... «гений»... Что сие значит? — размышлял Баженов. — Только ли в этом дело? Есть ли что-то важнее таланта? В чем секрет совершенства?.. Ведь были же древние иконописцы, владевшие кистью не лучше, чем ныне живописцы. Почему же наши предки ватмевают порой более поздних живописцев, виртуозных братьев по кисти? В чем секрет?..»

— Некоторых из вас, — продолжал Ухтомский, — интересует вопрос: чем возможно истолковать и как надлежит понять, что непревзойденная московская

школа живописания так быстро пришла к упадку в эпоху объединенного Российского государства?

В самом деле, друзья, что случилось с мастерством живописцев? Почему в новое для России время они утратили былое величие? Почему так обеднели эмоции, духовное содержание образов? Почему так мало оказалось верных высокому художеству? Мне, честно признаться, и самому не раз приходилось задумываться над этим. На сей раз давайте вместе подумаем. Для того чтобы на эти вопросы ответить, нам надобно историю своего отечества вспомнить... То было время, когда заканчивалась долгая борьба за единую Русь. Произошло венчание на царство богоизбранника Ивана IV. Митрополит Макарий, а также прочие влиятельные лица, члены избранной рады, стремились художество использовать с целью утверждения исконности прав венчанного государя и прославления его деяний. Искусство стало делом государственной важности. Живописцы потеряли былую свободу для своего развития. Созерцательные возвышенные мотивы в их творчестве уступили место историческим сюжетам, кои стали обсуждаться на церковных соборах государственной властью, оговариваться в законодательных документах. Изменения подобного рода, я думаю, не могли не сказаться на искусстве вообще. Мне сдается, что живописцы эпохи Грозного утратить столь быстро секреты мастерства не могли... Причина, надо полагать, в другом. Возможно, она кроется в новых задачах, в изменившихся формах работы. — Ухтомский сделал длительную паузу, постоял у окна, затем продолжал: — Мне хотелось бы, однако, предостеречь вас от неправильных выводов. Не следует забывать, друзья мои, что искусство много утратило от былого, но в плане историческом оно стало более значимо. Отсутствие трепетной души, эмоций в трудах живописцев нового времени — явление закономерное.

Всякому фрукту свой сезон. Созерцательное, чувственное художество рано или поздно должно было обогатиться разумом. Этого требует время. К этому я призываю и вас, мои будущие коллеги. Мы живем с вами в более трудную, но и, несомненно, более прекрасную эпоху, когда Россия, сохраняя христианское благородство, обращает свой взор к идеям Руссо и Вольтера, когда дикая страна украшается городами и удивляет мир шедеврами искусства. Петр Великий пробудил русского человека и основал на Неве город, способный поразить взор любого искушенного европейца. Правда, великолепный в своем блеске и красоте город далек от традиций российского зодчества. Этот разрыв, не пренебрегая классической европейской архитектурой, быть может, надлежит заполнить вам и тем самым еще паче прославить отечество наше...

В конце лекции Ухтомский сообщил своим воспитанникам, что в ближайшее время в стране произойдут замечательные события: в Петербурге откроется Российская академия художеств, а в Москве — первый в России университет. К организации последнего Ухтомский имел прямое отношение. Ему поручено частично разобрать здание Главной аптеки у Воскресенских ворот, привести его в надлежащее состояние, а помещение Osteria (что-то вроде ресторана, кофейни, клуба) переделать в зал для университетских собраний.

— Я не желаю опережать события, — говорил учитель, — но я не могу скрыть своего тайного желания. Если кто-то из вас проявит должное старание в учебе и удостоится чести заниматься в этих храмах науки, то я буду чрезвычайно польщен.

Этой чести удостоился в 1755 году Василий Баженов.

Свою автобиографию он начинал так: «Я отважусь здесь упомянуть, что я родился уже художник». Но не следует забывать, что человека — его характер, мысли, устремления, привычки, склонности — формируют время, среда, обстоятельства. В этом смысле Василий не исключение. Вспомним, что его трехмесячного привезли в Москву, когда город сильно пострадал от пожара. Вся дальнейшая жизнь Баженова, его юность протекали на фоне строительства, восстановительных и реставрационных работ. К тому же Баженовы первоначально поселились на территории Кремля, где строительные работы шли наиболее интенсивно и зримо. А детские впечатления и наблюдения, как известно, самые сильные. Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что у Василия Баженова был самый непредвзятый, неназойливый, но верный помощник — сама жизнь, окружающая среда. Дальнейшее — дело, безусловно, таланта, трудолюбия, целеустремленности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*...если Петербург есть посредник
между Европою и Россиею, то Москва есть
посредник между Петербургом и Россиею.*

В. Белинский

АРХИТЕКТУРНЫЙ ПАСЬЯНС

День начался как обычно. За дверью прошаркал дежурный надзиратель Трофим Лукич, которого учащиеся «приуготовительной» гимназии окрестили Луковицей: глаза у него всегда были красными и влажными, как будто он в самом деле целыми днями только тем и занимался, что резал «злой» лук. Луковица всегда был чем-то недоволен и вечно что-то бубнил себе под нос, даже когда оставался наедине с собой. Гимназисты часто подтрунивали над ним, иногда решались на злые детские шутки, но в общем-то побаивались его: «Чего доброго, пожалуется». А за дисциплиной в гимназии следили строго. К серьезным мерам наказания прибегали, правда, в исключительных случаях, но могли, например, за какой-то проступок лишиться на несколько дней возможности питаться вместе со всеми, посадить в предбаннике обеденной комнаты за маленький столик, над которым висела табличка «Ослиная пища». Давали овсяную кашу, хлеб и воду. Прохожие награждали «осла» издевательским смехом и оскорбительными репликами. Это, разумеется, тоже не из приятных... Так вот. Вслед за шаркающей и всем знакомой походкой Лукича раздался «будильный звон». Это значит ровно пять утра.

Василий свесил с кровати ноги, укутался в одеяло и продолжал дремать сидя. Оделся только тогда, когда все ушли умываться.

Накануне, на исходе дня, в темноте и тишине хорошо думалось, и сон пришел только под утро. Не давала покоя мысль: почему некоторые дома, богато украшенные фантазией архитектора, не производят того впечатления, как дома, кои просты в своем убранстве, подобно одежде крестьянки? В чем секрет красоты?

Отчего сие чувство зависимо? Только ли мне так кажется, размышлял Василий, что палаты князя Гагарина на Тверской^[1] — это нежный цветок, на который не устаешь смотреть, забывая о том, что есть дворцы побогаче? А дом дьяка Волкова у Красных ворот^[2]! Конечно, трудно ему тягаться с дворцом князя Голицына, что в Охотном ряду, у коего крыша золоченая и узоров поболее, но есть в нем своя красивость, пленяющая взор и сердце.

Василий много раз пробовал мысленно и в набросках на клочках бумаги переносить архитектурные убранства с дорогих дворцов на здания более скромные, которые непонятно чем впечатляли его. Получалось нечто безобразное, и это лишний раз убеждало его, что у красоты есть свои законы, что дело не в «позолоте».

С шести до семи утра в учебных горницах шло, как всегда, приготовление уроков. Василий на сей раз был занят другим. Все необходимое он сделал вчера, в свободные часы, когда в университетском саду обычно начинается гвалт: игры в кегли, в свайку, в мячи. Баженов редко принимал в этом участие. Был замкнут, предпочитал уединение.

Баженов был жаден до знаний. Он дорожил каждой минутой, использовал часы отдыха для изучения древних и новых языков. Именно для этого он и был определен на последний, четвертый, курс гимназии. Свободные дни использовал для дела. «Любимое было его упражнение, вместо забавы, срисовывать здания, церкви и надгробные памятники по разным монастырям», — писал Е. Болховитинов, первый биограф Баженова.

...Василий вабился в угол комнаты, вырвал из тетради листы с рисунками, разложил на столе своеобразный пасьянс. Его интересовали законы композиции. Перекладывая рисунки, подставляя одно здание к другому и находя нужные пропорции, Баженов

пытался создать ансамбль. Вначале он руководствовался в этом лишь чувством, интуицией, восприятием красоты. Но, когда архитектурный пасьянс начинал «звучать», Василий приступал к анализу, выводил закономерность, делал замеры зданий, составлял схемы. Это стало одним из его любимых занятий. Этому Василий посвящал многие часы.

Семь утра: пора принимать пищу. После завтрака утренняя молитва в церкви св. мученицы Татьяны. С восьми до двенадцати занятия в классах. Василий сидел в первых рядах. Его удостоили этой чести за «благонравное» поведение и «прилежание» в учебе. «В классах почиталось большой наградой пересесть выше, с одной скамьи на другую или с нижнего конца своей скамьи на верхний, или хотя на несколько человек продвинуться вперед». Надо полагать, Баженова это мало волновало. Главное, что он допущен в храм науки, впервые организованный в России. В какой-то степени ему в этом смысле просто повезло. Первоначально университет хотели организовать специально для дворян и прочих знатных семей. Но последние не очень охотно отпускали своих детей «на чужбину»: из родного города или деревни на «чужие руки». К тому же отдавали предпочтение военной карьере. «При открытии университета в 1755 году едва набралось 10–12 вольных слушателей на все предметы учебного преподавания». Вот тогда-то меценат Шувалов, куратор университета, и вынужден был привлечь к учебе в университете не только детей дворян, но и разночинцев, организовав для представителей сословий две группы подготовительной гимназии. Эти обстоятельства и сопутствовали Баженову.

Его успехи в учебе очевидны. Очень скоро подготовительные занятия остались позади, Баженова зачислили студентом. Профессорам и духовным наставникам прилежность Баженова в учебе нравилась.

Нравился и его кроткий нрав. Они считали, что юноша искренне внимлет христианскому призыву «Не идущий да не укоряет идущего» и подает другим благородный пример, как надобно «довольствоваться той участью, какую кому пошлет Провидение, не страшиться бедности, не завидовать богатству». Но сам Баженов над этим меньше всего задумывался, а точнее, в этот период жизни думал о другом.

К бедности и неустроенности он относился как к неизбежным капризам погоды. Василий открыл для себя новый мир, в котором нет места мелочным заботам, нет повседневной суетности, — мир творчества. Молчаливость, замкнутость, отчужденность, работоспособность, неожиданное проявление талантливости — у одних это вызывало уважение, других это раздражало. Что же касается самого Баженова, то он просто был одержим архитектурой, но всякий раз убеждался, что еще очень многое для него в этой области остается загадкой. Его бурной фантазии не хватало знаний, чтобы воздушные замки сделать земными.

ПОД ОБЩИМ ЗНАМЕНATEЛЕМ

В то время, когда Баженов учился в университете, в оном храме науки студентами были также Старов, Фонвизин, Новиков, Потемкин. Двух последних потом отчислили из университета «за леность и нехождение в классы».

Эта формулировка без каких-либо комментариев кочует в литературе вплоть до наших дней. Правда, когда речь идет о Новикове, некоторые биографы обходят этот факт стороной или просто говорят о том, что он преждевременно покинул стены университета. Видимо, всякий раз смущает столь странное соседство — Потемкин, Новиков — под общим знаменателем. Первый прославился тем, что стал самым влиятельным фаворитом Екатерины II, был представителем самодержавной власти, прославленным полководцем. Второй — навсегда вошел в историю как крупнейший издатель XVIII века, просветитель, талантливый редактор и журналист.

Новиков родился в Подмосковье, в Авдотьино, в семье состоятельного дворянина Ивана Васильевича Новикова, статского советника, начавшего свою карьеру в петровском флоте. Начальное образование получил в Тихвинской церкви, обучался у дьячка. Сам отец усиленно занимался с сыном, готовя его к военной службе. Николай Новиков был человеком увлекающимся, впечатлительным, внешне спокойным, но вместе с тем легковозбудимым. Он рано стал интересоваться вопросами философии, много читал. Мучительно искал ответы на вопросы, которые его волновали. Он искал их и в трудах древних философов, и в произведениях великих утопистов, и в трактатах крупнейших просветителей Европы, его современников, и в священных

писаниях, религиозных догмах. Его трудолюбию мог позавидовать каждый. Доказательство этому — вся его жизнь, его многогранная деятельность, огромная эрудиция, богатое наследие его литературных и журналистских работ. Поэтому маловероятно, что увольнение из университета связано с «леностью» Новикова. Тем более что это противоречит сообщению университетской газеты «Московские ведомости» от 12 мая 1758 года. Новиков — в списке лучших учеников гимназии. Хотя, впрочем, не исключено, что в дальнейшем он был не очень аккуратен в выполнении обязательных заданий, так как много времени тратил на изучение тех наук и чтение книг, которые его больше интересовали. Вероятно, он не стеснялся спорить с педагогами и задавать им каверзные вопросы. Это не очень приветствовалось. Даже несколько позднее, в 1800-е годы, когда в университете началось брожение умов, а вольнодумство сделалось чуть ли не модой, захлестнув и профессорско-преподавательский состав, то и тогда наставники молодежи не переставали повторять: «Неверие и злочестие всегда влекло за собой лютейшие бедствия, и часто ниспровергало могущественные царства... Блюстители общественного блага! Самый важный, самый священный долг ваш — распространять и утверждать в народе дух религии, дух страха Божия. Родители и наставники! Самый первый, самый главный предмет ваш — впечатлеть в умы и сердца детей святые истины религии, более всего споспешествующей добрым нравам, истинному просвещению...»

Новиков не был атеистом, но и к христианским догмам относился по-своему, можно сказать, творчески. Видимо, это проявилось и в студенческие годы, когда он только начинал изучать различные направления философии и искать для себя наиболее приемлемую доктрину? В сочинении Н. Сушкова, в его воспоминании

о Московском университете (издано в 1848 г.) встречаются такие слова: «Только закоснелая леность и бешено злой нрав подвергали неисправимого остракизму — изгнанию». Может быть, все дело «в злом нраве» Новикова, а не в «лености и нехождении в классы»? Может быть, последняя формулировка была для администрации университета более предпочтительна, так как не привлекала особого внимания?

Некоторые биографы предполагают, что дружба Баженова с Новиковым началась в стенах Московского университета. В это трудно поверить. Слишком велика для молодых разница в возрасте: Баженову в то время было 18 лет, а Новикову — одиннадцать. Они станут друзьями, но много позже. Что же касается студенческой поры, то скорее всего в это время знали друг друга Баженов и Потемкин. Последнему в ту пору шел семнадцатый год. Дружбы между ними, конечно, не было: разные они люди, несхожие характеры, цели, жизненные принципы. Но то, что Потемкин не мог не замечать Баженова, — это несомненно. Учащихся в университете не так уж много, все друг у друга на виду. К тому же о таланте Баженова поговаривали не только его близкие друзья, но и педагоги, а Потемкин к чужой славе относился несколько ревниво.

На этом можно было бы и ограничить упоминание о Потемкине, тем более что их жизненные пути в дальнейшем почти не пересекаются. Но вот что любопытно. На судьбе наиболее замечательных баженовских проектов есть невидимые отпечатки личности Потемкина.

«Трудно сказать, был ли он гений или сумасшедший?» — так говорили о Потемкине его современники, на этот вопрос пытались ответить многие литераторы. Один из предков Григория Потемкина служил еще в 1676 году при дворе царя Федора

Алексеевича. Григорий в семье — единственный сын. Он отличался крепким здоровьем, рост — выше среднего. Не столь уж красив, как его изображали художники XVIII века. Он мало читал, но умел быть наблюдательным и легко запоминал то, что слышал от других. Родители определили его в новоучрежденный Московский университет и одновременно приписали «к одному из гвардейских полков», чтобы обеспечить будущее «с двойным исходом». Особого интереса к наукам Потемкин не испытывал. Впрочем, в университете он начал заниматься неплохо. Был даже в числе других его воспитанников поощрен путешествием за казенный счет в Петербург. Он провел там несколько недель, быстро завязал круг знакомых. Трудно сказать, что больше всего повлияло на его мысли, настроение, жизненные планы и принципы, но именно с этого времени в нем начинают бурлить страсти, он жаждет активного действия. Григорий Потемкин вернулся в Москву другим человеком: «...его воображение было полно мечтаний, которые не могли не казаться безумными его учителям и товарищам». Вскоре его отчисляют из университета. «За леность и нехождение в классы»? А почему бы и нет, если такая обтекаемая формулировка больше устраивала администрацию университета. Итак, у Потемкина оставался еще один неиспользованный исход: армия. Он одолжил у знакомого архиепископа Можайского, Амвросия Цертис-Каменского, 500 рублей и поспешил в Петербург. (Кстати, эту сумму, даже будучи очень богатым человеком, Потемкин так и не вернул своему кредитору.) В столице он поступил на службу в конногвардейский полк. На первых порах в получении военных чинов ему помог генерал-лейтенант Загряжский, родственник его матери. Но медленное восхождение на Олимп славы его не устраивало. А славы он жаждал более всего. Спокойная жизнь его утомляла. Потемкин в эти годы был готов пуститься даже на

авантюру. Риска он не боялся. Полагался на интуицию, верил в судьбу.

Долго искать случая для выгодной авантюры Потемкину не пришлось. Когда летом 1762 года Екатерина облачилась в Преображенский мундир и повела заговорщиков против своего мужа, императора Петра III, то Потемкин оказался в числе самых активных участников переворота.

На фоне осмотрительности и нерешительных действий Орловых Григорий Потемкин выглядел героем. Не думая о последствиях, ему не терпелось реализовать планы великой княгини. Это соответствовало настроению Екатерины. Она отдавала указания за указаниями. 2 июля 1762 года Алексей Орлов писал: «...В силу именного Вашего повеления я солдатам деньги за полгода отдал, так же и унтер-офицерам, кроме одного Патюкина вахмистра, для того, что он служил без жалованья. И солдаты некоторые сквозь слезы говорили про милость Вашу, что они еще такого для Вас не заслужили, за чтоб их так в короткое время награждать». Все было готово. Вот только Орловы медлили. Даже грубоватый и самоуверенный Алексей поддался панике. 6 июля 1762 года: «Матушка наша, милостивая Государыня. Не знаю, что теперь начать. Боюсь гнева от Вашего Величества, чтоб Вы чего на нас неистового подумать не изволили, и чтоб мы не были причиной смерти злодея Вашего и всей России, также и закона нашего». (Подпись оторвана. На обороте адрес: «Матушке нашей Всероссийской».) Будущая императрица нервничала.

«Не хватало, чтобы все сорвалось в самый решительный момент», — думала Екатерина.

Заговор удался. Переворот прошел успешно. Войска под предводительством решительных дам — Екатерины и ее подруги, молодой княгини Дашковой, вошли в Петергоф без единого выстрела. Артиллерия молчала,

войска, охранявшие Петра III, перешли на сторону Екатерины. В Петербург она вернулась победительницей. По этому случаю весь день и всю ночь гвардейцы пьянствовали. А спустя несколько дней каретный поезд потянулся в Москву. Предстоял торжественный обряд коронации. Нового монарха благословляли в Успенском соборе, где в свое время короновались Петр I и его последователи. Это было и началом карьеры Григория. В приказе о наградах за удачно проведенное «действие» Екатерина собственноручно вычеркнула чин «корнет» и написала «капитан-поручик». А спустя еще несколько месяцев молодой Потемкин получил доступ ко двору, так как стал камергером. На первых порах он привлек внимание императрицы тем, что обладал актерскими способностями, мог подражать голосам царедворцев и копировать их манеры. Вскоре Екатерина разглядела в нем и некоторые другие способности... Но он был недоучкой и не имел такого престижа, каким все-таки пользовались братья Орловы. И хотя Екатерина распорядилась приставить к нему учителей, в том числе преподавателя французского языка де-Вомаль-де-Фаже, и стала посвящать его в дела Сената, но Потемкину не терпелось отвоевать место у царского трона. Свою битву он начал с бильярдного поединка. В этом сражении с Алексеем, братом Григория Орлова, фаворитом Екатерины (случайно или в результате ссоры — неизвестно. — *В. П.*), он лишился одного глаза. После этого Потемкин объявил, что желает удалиться в монастырь. Ставка — на сентиментальность императрицы. Ему удалось убедить Екатерину, что он решается на это только из-за «бурной и скрытой страсти к ней». Молодая царица проявила сочувствие. Но это еще не победа. Потеснить Орлова не так-то просто. Екатерине нужны люди дела, способные прославить российский трон, создать завидную популярность ей как

правительнице всея России. Для этого нужны яркие личности, действенные натуры, преданные люди с престижем. Именно за этим Потемкин едет на войну. Он участвует в сражениях с турками под стенами Силистрии. Расчет верный. Екатерина считала, что мужчина должен показывать силу и добывать себе славу в пороховом дыму.

В эти годы положение Григория Орлова несколько пошатнулось, симпатии императрицы переметнулись на Васильчикова. Интуиция подсказывала Потемкину, что его час еще не настал. В конце 1773 года он его дождался. Екатерина прислала Потемкину письмо, в котором признавалась, что мало знает о результатах сражения, но признает его заслуги и советует беречь себя, так как желает видеть «богатыря» здоровым. Это — сигнал. Потемкин немедленно оставляет фронт и выезжает в Петербург. В январе 1774 года он в столице. На этот раз Потемкин счел необходимым действовать решительно. Он в милостивых тонах требует для себя чин генерал-адъютанта. По сути, это означало, что Орлов и Васильчиков должны уступить ему место возле императорского трона. Ответ Екатерины положительный. С этого времени Потемкин, по существу, разделил с Екатериной ее царское кресло.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Еще Петра Первого беспокоило, что иностранные ученые, архитекторы, художники и скульпторы обходятся России очень дорого. К тому же большинство из них, выполнив очередной заказ и затребовав солидное вознаграждение, уезжало к себе на родину, не позаботившись о том, чтобы передать мастерство и знания другим, оставить после себя учеников. Именно с этой целью в 1726 году была основана Академия наук. Но художествам должного внимания в ней не уделяли. Поэтому назрела необходимость основать Академию художеств, об учреждении которой принял указ Сенат.

Когда «основалась в Санкт-Петербурге Академия художеств и начальствующий над ней обер-камергер Иван Иванович Шувалов потребовал из Московского университета несколько питомцев, способных к изящным художествам, тогда Баженов назначен первым в числе таковых и отправлен в Санкт-Петербург», — рассказывает первый биограф Баженова Болховитинов.

Академические ученики находились на полном казенном обеспечении. Кроме наук об искусстве, ученикам академии преподавали историю, анатомию, мифологию, математику, иностранные языки. По вторникам, средам и четвергам проходили уроки в «рисовальной палате». Их вели скульптор Жиле, живописец Лелорен, рисовальщик Моро, гравер Шмидт. Это были опытные мастера. Они помогли основать русскую академическую школу живописи, воспитали плеяду талантливых художников. Среди них — Антон Лосенко, соученик и товарищ Баженова, ставший впоследствии первым русским профессором Академии художеств. Его многочисленные рисунки и исторические полотна — «Владимир перед Рогнедой» и «Прощание

Гектора с Андромахой» — вошли в сокровищницу мирового искусства. На его работах училось не одно поколение русских живописцев.

Один из учителей академии, Георг Шмидт, родился в 1712 году в Германии. Основам искусства обучался в Париже. Его гравировальные портреты графа д'Эвре и архиепископа Камбре приобрели мировую славу. Друг и современник Шмидта Крайен в своем очерке писал: «Голос публики объявил его тогда одним из лучших граверов в Европе». Он тяготел к демократическому искусству и придерживался принципа: объект искусства — натура. Его ученики — Баженов и Лосенко — переняли эту убежденность и придерживались этого принципа в своем творчестве. Шмидт дружил со многими знаменитостями. В числе его близких знакомых — Массе, Парросель, Леба, братья Дюпюи, Кусту, Прейслер, Кощен, Латур и особенно знаменитый Билль. Шмидт оставил в Лувре богатую коллекцию своих работ. В 1757 году он заключил контракт и приехал в Петербург, чтобы преподавать в Академии художеств.

Баженову повезло с преподавателями по архитектурным наукам. Он учился под руководством С. И. Чевакинского и А. Ф. Кокоринова. Оба они — талантливые русские архитекторы. Их теория неразрывно связана с практикой. Кокоринов (ставший впоследствии — в 1769 году — директором Академии художеств) возводил совместно с французом Валленом Деламотом Академию художеств. Это прекрасный проект: грандиозное здание — четырехугольник с круглым внутренним двором, с хорошо продуманной системой сводов, декоративных деталей. Декор в этом строении уже далек от излишеств, свойственных модному барокко, которым особенно увлекался знаменитый Бартоломео Растрелли. Другой учитель — Чевакинский, ученик «обер-архитектора» Растрелли, воспитанник Ухтомского, адмиралтейский архитектор. В

то время он был увлечен строительством собора Николая Морского, что на Сенной площади. В этой работе (1753–1762 гг.) наиболее полно раскрылось блестящее дарование Чевакинского. Архитектор привлек к составлению проекта своего ученика Баженова. Он доверил ему, в частности, сооружение колокольни Никольского собора.

— Нет во мне мужества такого, чтобы отказаться от одной работы. Да и поздно, пожалуй.

— А какая такая необходимость в этом? Говорят, Чевакинский доволен тобою, непомерно хвалит.

— А что с того... разве в похвалах дело? Он Николой Морским, как оком своим, дорожит. Уж я-то вижу. Для него это, может, что ни на есть лебединая песня. Он душу в эту работу вкладывает. Немудрено... сам Растрелли в восторгах и похвалах рассыпается, говорит, что строение достойно не токмо Петербург украсить, но и славою века быть. А я со своим уставом лезу. Может, у него в задумке что другое было.

— Не может того быть, чтобы Чевакинский к любимому своему детищу поганую овцу подпустил. Дай альбом, еще раз взгляну...

Они сидели вдвоем — Василий Баженов и Антон Носенко — в дешевеньком кофейном зале на Невской перспективе, пили крепко заваренный чай, ели пирог с вишневой начинкой. У Баженова был усталый вид, красные глаза, бледный лоб. Он то и дело тер левое веко, которое нет-нет да и начинало дергаться. Петербургская погода, низкое серое небо, бесконечно морозящий дождь и частые сырые ветры с залива подействовали на Василия странным образом. Со дня приезда в Петербург он постоянно ощущал какую-то

вялость, его все время клонило ко сну. Баженов, сам того не замечая, часто засыпал даже на лекциях. А потом наступали минуты, когда появлялась злость на самого себя, было жалко упущенного времени. Внутреннее беспокойство и раздражительность приводили к противоположным результатам: появлялась бессонница. Вечером засыпал более или менее нормально, но проходило два-три часа — и сна ни в одном глазу. Не оставалось ничего другого, кроме как использовать бессонные ночи с пользой для дела. Баженов облюбывал для себя укромное местечко на захламленном чердаке. Он незаметно проникал туда через черную лестницу, зажигал свечу и погружался в чтение книг, в работу над чертежами, эскизами. Иногда тусклый свет и тепло от трубы вызывали сонливое состояние. Баженов задувал свечу и, удобно устроившись среди пыльного хлама, поломанной мебели, дремал до утра.

К неуютной петербургской погоде Василий со временем привык, акклиматизировался, но дурная привычка работать по ночам осталась. Он не мог заставить себя уснуть, особенно в период белых ночей. Бродил до утра по городу, зарисовывал здания, размышлял над будущими проектами. Для себя он оправдывал это тем, что ночью ему никто не мешает, ничто не отвлекает, на улицах нет ротозеев, которые не только назойливо стоят за спиной, но и норовят делать замечания, давать советы.

— Оставь-ка ты сомнения, Василий, — сказал Лосенко, захлопывая альбом и возвращая его Баженову. — Твоя колокольня хоть и попроще, нет в ней того оперения, как во всем Николе Морском, но зато у нее легкость необыкновенная, ее красота грациозна и вместе с тем целомудренна. Усматриваю я в ней что-то от русской красавицы, умеющей носить европейское платье. Можешь быть уверенным, что это тот самый

лебедь, коему суждено чевакинскую, как ты изволишь выразаться, лебединую песнь украсить... Внешняя похожесть, друг мой, еще не есть гармония. Чевакинский это понимает...

— Похожесть не есть гармония... Прекрасно! — воскликнул Баженов, ударяя кулаками о стол. Звон посуды привлек внимание немногочисленных посетителей. Лосенко опешил. Василий виновато, как бы извиняясь за свою выходку, нарушившую благопристойную тишину кофейного зала, огляделся по сторонам, съежился, втянул голову в плечи и зашептал: — Я тебя, дурня, готов расцеловать так, как на то не имеет способности ни одна девица. Ты предложил мне формулу, над которой я бился многие лета. Душой чувствовал, а словами пояснить не мог.

— А что я такого особенного сказал?

— Я же тебе говорю, что ты дурень. Гений, но дурень. Всякая наука, как и математика, в формулах нуждается...

— Формулы, братец мой, для искусства губительны. Ну ладно, оставим это. Я вижу, ты заучился. Отдохнуть надобно тебе, мозги малость проветрить... Взгляни на отражение свое, вид у тебя хуже, чем после похмелья. Говаривают, кстати, что ты где-то ночами пропадать стал. Уж не влюбился ли?

Василий лениво улыбнулся, устало откинулся на спинку стула, запрокинул голову, скрестил на груди руки. Он принял такую позу, как будто приготовился немного подремать. Помолчал, неторопливо разглядывая на потолке лепные украшения.

— Верно говорят, — сказал Василий, не отрывая взгляда от потолка. — Токмо причиной тому не любовь. И рад бы... времени жалко... Заразное это дело — искусство, хуже чумы. Сия болезнь плоть убивает. Все чувства и мысли другим заняты, оттого и желания нет... Неужто так всю жизнь?

БЕЛЫЕ НОЧИ

Старик оттолкнул веслом утлую лодчонку от причала, побряхтел, поплевал на ладони и стал неторопливо грести к середине Невы. Там, на фоне Биржи, меж ботов, галер, трехмачтовых кораблей, стоящих на якоре, виднелся большой плот. На плоту был сооружен навес.

— А почему ты знаешь, что там господин Махаев? — спросил Баженов у ночного сторожа господских палат, который был рад, что молодой человек приятной наружности удостоил его своим вниманием, поговорил о жизни, развеял ночную скуку и любезно попросил оказать услугу, отвезти на плот.

— Как же не знать-то, Махеича, поди, весь Петров град знает. Работа, видать, у него такая, все на виду, на людях. Давеча я сам вещички его с извозчика сымал да к берегу все подносил. Это, стало быть, для отвозу. Он мне за то копеечку-то и дал.

С Михайло Махаевым Баженов ранее незнакомился. Да и быть на его занятиях не приходилось. Махаев вел в Академии наук студию ландкартно-литерных работ, преподавал искусство «градирования» и «перспективные науки» в художестве. Он один из первых среди русских художников стал пользоваться камерой-обскура, распространенным на Западе методом рисования с натуры с помощью оптических и измерительных приборов. Баженов слышал много лестного об этом мастере городского пейзажа, хорошо знал его работы. Особенно впечатляли виды Петербурга: «Проспект Биржи и Гостиного двора вверх по Малой Неве-реке», «Адмиралтейство и Исаакиевская церковь до Крюкова канала», «Устье реки Фонтанки с частью Летнего дворца», «Проспект старого Зимнего дворца с

каналом, соединяющим Мойку с Невой»... Все эти работы вызвали у Баженова двойное чувство. Ему казалось, что в них много сухости, аскетизма, математической четкости, но мало чувств, фантазии, хотя отдельные работы и не лишены определенного настроения. Такое искусство больше напоминало ему работу архитектора, конструктора, но не художника. В то же время он, как будущий архитектор, понимал, сколь велика практическая польза от такого ремесла. Баженов хорошо знал о принципах работы Махаева. Этот мастер творил историю. Он срисовывал с натуры строения, которые подлежали сносу, рисовал готовые и строящиеся дворцы и храмы, мосты и гавани, триумфальные арки и целые улицы. Зарисовки с натуры — это только черновой этап работы. Махаев продолжал работать над каждой мельчайшей деталью у себя в мастерской, изучая чертежи и проекты готовых сооружений, проверяя пропорции. Его рисунки, думал Баженов, — это наглядные биографии города и отдельных зданий. Пройдет время, и Василий Баженов вспомнит об этом искусстве. Он будет настаивать на том, чтобы художники-граверы с математической точностью запечатлели наиболее достойные сооружения и макеты, дабы сохранить потомкам первоначальные замыслы архитекторов, которые так часто искажаются людьми и временем. Но судьба в этом смысле сыграла с ним злую шутку...

— Господин Махаев, дозволейте причалить? — спросил Баженов, придерживаясь за край плота.

— Зачем спрашивать, когда сие уже сделано, — ответил Михайло Махаев, не отрываясь от работы.

— Тогда дозволейте вступить в ваши владения.

— С какой такой стати? Я вас не знаю, сударь.

— Зато я вас знаю. Вы ландкартных и литерных дел мастер.

— Из академических, что ли?

— Он самый. При Кокоринове я. Впрочем, нынче все больше состою при Растрелли.

Василий не лгал. Этому назначению, кстати, предшествовало знаменательное в его жизни событие. В январе 1760 года его главный учитель по архитектуре Кокоринов отписал И. И. Шувалову: «Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств студент Василий Баженов но особливой своей склонности к архитектурной науке прилежным своим учением столько приобрел знания как в начальных препорциях, так и в рисунках архитектуры, чем впредь хорошую надежду в себе обещает: что осмеливаюсь вашему высокопревосходительству за ево прилежность и особливый успех всепокорнейше представить к произведению в архитектурные второго класса кондукторы с жалованьем по сту по двадцати рублей в год». Сенат в марте этого же года рассмотрел предложение и 1 мая вынес указ, в коем говорилось, что «быть ему архитектурии — помощником в ранге прапорщика». Это было даже больше, чем то, на что рассчитывал Кокоринов. Успехи Баженова заметил также Растрелли, и было решено направить ученика академии для стажировки и практики к этому знаменитому архитектору.

— Милости прошу, коли не спится, — уже более приветливо сказал Махаев. — Токмо корабль мой не очень удобен для праздной беседы, да и времени у меня на то нет.

— Прекрасно, господин учитель. Будем оба молчать, меня это устраивает.

Баженов вскарабкался на плот и, вспомнив о лодочнике, стал рыться в карманах в поисках монеты.

— Не извольте беспокоиться, — крикнул старик. — Человек вы, как я погляжу, не дюже денежный. Бывайте, однако, здоровы.

Баженов поблагодарил отплывающего старика, чувствуя перед Махаевым некоторую неловкость за свою несостоятельность.

— Вам, сударь, повезло, вы сэкономил... Как звать-то?

— Василий Баженов я.

— Баженов?.. Как же, слышал, даже с художеством вашим честь имел познакомиться. В списке показания экзаменации по рисунку вы, если память не изменяет, на первом месте. Архитектор Баженов, живописец Неклюдов, гравёр Колпаков... Так, кажется?

— Верно.

С залива потянуло прохладным ветерком. Нева покрылась серебристой рябью.

— Что изволите делать в такую-то пору, почему не спите? — спросил Махаев.

— А вы?

— Мое дело казенное, коли приказано — надобно делать. Академия и Сенат велют Петров град во всех его видах и прешпективах на листах запечатлеть, а что особый интерес для гиштории представляет, то выгридировать.

— А я так, не спится чего-то... как с Москвой простился, так сон нейдет. Я привычкою сделал ночью на стройки ходить, по лесам ползать.

— Это зачем же?

— Так... разное. Иногда ордером залуюсь.... или срисовать чего, ну, к примеру, аттик какой, архивольт, канитель, да мало ли. А днем вроде как неудобно.

— Эко загнул! Творить художество, братец ты мой, — дело нестыдное. Особенно, если талант есть. А темноту да безлюдье пусть лихоимцы почитают.

— Так-то оно так...

Василию не хотелось спорить на эту тему с Махаевым. У него уже выработались свои методы

работы, и он не считал нужным кому-либо навязывать их.

«Творчество — это есть священнодействие, коему чужда суетность, — думал Баженов. — Я охотнее соглашусь расцеловать при людях девку, чем дозволю заглянуть в душу художника и доверю лицезреть муки творчества существам несведущим и равнодушным. Что постыдного в том, что женщина производит на свет младенца? Однако же находиться с нею рядом и видеть ее страдания дозволено очень немногим. И даже законный супруг не имеет оной возможности. Пусть же судят работы мои после родов».

— Однако здесь есть чему поучиться. Сей град красотой своей готов поспорить с Европою. Аль нет? — спросил Махаев, бросив на Баженова лукавый взгляд.

— Красотой богат — это верно... Вот только... зябко, однако.

— У меня на этот случай запасы имеются, — сказал Махаев, указывая на открытый деревянный ларец, в котором рядом с инструментами и художественными кистями стояла нераскупоренная бутылка перцовой водки. — Коли желание есть, можешь, сударь, откушать...

— Я не о том. Архитектура здесь зябкая. Порядку много... Добротного камню, мрамору, гранита — всего в достатке, а вот теплоты русской мало... уюту мало. Может, не то говорю — не знаю.

Махаев внимательно и серьезно взглянул на собеседника, на какое-то время задумался, даже оставил работу. Отвечал неторопливо, как бы размышляя:

— Коли душе художника угодно чувствовать это, то нет у меня смертного такого права, чтобы с душою спорить. Творения, в кои не токмо разум, но и душа вложены, — бессмертны, ибо бессмертна душа человеческая. Что еще могу я сказать вам, юноша?..

Пророк из меня плохой, но чую, что нелегкой дорогой пойдете вы, трудная будет слава... Гордыня творчества будет сильнее благоразумия вашего. Искусство и непокорная душа артиста будут вашей владыкою.

— Простите, но не совсем понятно, почему вы считаете, что мне суждено быть рабом, а не властелином своего ремесла?

— Через искусство, друг мой, многие желания имеют власть свою утвердить и гордыню прославить. Но не своими стараниями, а трудом артиста. Потому не вам суждено быть владыкою творчества, а вельможным особам, чьи вкусы вам услаждать доведется. Сие легко приемлют люди посредственные. — Махаев взглянул на натуру через оптический прибор, сделал в рисунке небольшую поправку, после чего оставил работу. Он встал, придерживаясь двумя руками за поясницу, потянул спину, размял икры ног, сладко побряхтел. Споласкивая руки в Неве, испачканные грифелем и мелками, он продолжал говорить: — Если человеку талант дан необыкновенный, то через него часто равные страдания случаются. Даровитый не столько уму, сколько страстной душе подчиняется.

— Но разве же это плохо? — заметил Баженов. Ему было непонятно, почему эта тема так взволновала Махаева, что он ударился в нравоучительную философию. — Вы же сами сказали, что творения, в кои вложена душа художника, — бессмертны.

Махаев сурово взглянул на своего собеседника, но ничего не ответил и принялся складывать инструменты в ларец. Захлопнув крышку, он нехотя произнес:

— Ничего плохого в том нет... Только влиятельные господа, сударь, особливо те, кто в политике поспешествуют, не токмо об искусстве рассуждать любят, но и почитают долгом судьбы художества определять, а вкусы и капризы другим навязывать. Ладно... И хватит об этом! — Махаев сорвал с себя

рабочий фартук. — Стремиться усмотреть в политике теплоту да уют — дело напрасное. Но не замечать в великих творениях душу художника — сие неблагодарно, молодой человек, — все более распаляясь, говорил Махаев. — Ибо господь бог наделил сограждан отечества нашего талантом щедрым, душою бескорыстной. А коли есть это в человеке, то есть и в делах его.

Баженов стоял перед малознакомым ему человеком, не зная, что ответить. Тема спора, которого он не ожидал, и причины переживаний Махаева были для него непонятны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лучше совсем не ездить, нежели ездить без пользы, а еще паче и ко вреду своего отечества.

Н. Новиков

В ПАРИЖЕ

Сентябрь. Год — одна тысяча семьсот шестидесятый. Дорога утомила обоих. Ехали молча. Разговаривать не хотелось. Каждый был занят своими мыслями. Лосенко изредка открывал глаза, затем снова погружался в полудремотное состояние. Баженов, напротив, суетился, часто доставал тетрадь, что-то записывал, пристально, даже нервно, вглядывался в даль, словно пытаюсь тем самым приблизить долгожданную минуту свидания с Парижем.

Лошади припустили галопом. Экипаж бросало из стороны в сторону.

Российский посланник в Париже граф П. Г. Чернышев принял пенсионеров Петербургской академии весьма сдержанно. О целях приезда Баженова и Лосенко он знал из письменного сообщения, в котором давалась лестная оценка их поведению и особливим склонностям к искусству. Но Чернышев, хорошо знавший коварные нравы Парижа, решил не обольщаться. Эта столица любила одаренных людей, охотно заключала их в свои объятия, щедро раздаривала знания, легко принимала в круг избранных людей разных сословий, но с такой же легкостью сворачивала шею легковерным, поддавшимся на соблазны.

Расхаживая по роскошному кабинету, граф присматривался к молодым людям. Оба подтянутые, стройные, аккуратные. У Баженова мягкие черты лица, приятный цвет кожи, добрый взгляд, обходительные манеры, благозвучный тембр голоса.

Лосенко несколько иной: черты лица поглубже, густые брови, слегка припухшие веки, крупные глаза, волевой нос, смуглая кожа, короткая шея, сильные плечи, речь неторопливая, весомая.

«Сумеют ли эти птенцы России устоять перед соблазнами? — размышлял Петр Григорьевич Чернышев. — Не втянет ли их в свое болото одно из парижских обществ, кои просвещают умы, но отнимают множество душевных сил и разрушают надежды?»

Эти и другие опасения Чернышев высказал в пятиминутной нравоучительной беседе.

— Сие может пробудить в вас ненужные прихоти, — сказал он в заключение. — А через это будет вам вред в учебе и к исполнению долга своего перед отечеством нашим и всемилостивейшей государыней.

Но опасения графа были напрасны. Петербургская академия художеств назначила своим пенсионерам на содержание по 350 рублей в год. На 50–60 франков в месяц в Париже не очень-то разгуляешься. По этой же причине Баженов и Лосенко были вынуждены снять довольно скромное помещение на задворках Парижа, в дешевом квартале. Квартира находилась на третьем этаже старого дома. В подъезде сыро, невзрачно. Ступеньки скользкие, сильно стертые. В первый же день Баженов больно растянулся на них и, вполне возможно, скатился бы вниз, не окажись рядом Лосенко. Это послужило для обоих уроком, и впредь при подъемах и спусках они были более осторожны.

Входная дверь открывалась со скрипом, но хуже всего то, что она была плохо подогнана. Квартиранты особенно «оценили» это обстоятельство зимой, когда в щели немилосердно дуло. Жилье состояло из двух комнат: одна — совсем крохотная, другая — довольно просторная, но не очень уютная, с облупившейся штукатуркой, грязными потеками. Достоинство этой комнаты заключалось в том, что большие окна, выходявшие на южную сторону, пропускали много света. Был еще огромный стеллаж, почти пополам разделявший комнату. Верхние полки широкие, вроде антресолей, на них можно взбираться по лестнице.

Новые жильцы решили отвести эту комнату под мастерскую, рабочий кабинет, гостиную. Деревянная конструкция позволила применить фантазию. Стены украсили собственными рисунками, сделанными по дороге в Париж. Почетное место заняла скрипка. Ее привез из России Антон Лосенко. В свои юношеские годы он состоял на службе в придворной капелле. Там он и научился владеть инструментом. Играл он редко, под настроение, но со скрипкой почти никогда не расставался, всюду возил ее с собой, как и любимую кисть для акварелей.

На следующий день Баженов представился прославленному ученику Сервандони и Блонделя, живописцу и королевскому архитектору Шарлю де Вальи. Он показал своему будущему учителю несколько эскизов, учебных проектов, поделился своими архитектурными планами. Аккуратно выполненные работы, богатая фантазия и начитанность молодого человека произвели на де Вальи неплохое впечатление. Однако он счел необходимым проэкзаменовать Баженова по многим наукам. Это, впрочем, не было лишним, так как обнаружилось, что у Василия есть некоторые пробелы в знаниях математики. А этого де Вальи простить не мог. Он считал, что математика — фундамент архитектурной науки, который важнее любого вдохновения, интуитивного чувства ритма и неудержной фантазии.

— Прекрасное всегда спокойно и величаво, — говорил учитель. — Древние никогда не стремились воздействовать на чувства. Ибо всякое насилие над чувствами есть неуважение к человеку. Вы спросите: чем же пленяют наше воображение и будоражат чувства строения древних? Математика, друг мой, во всем повинны математика и геометрия. Заметьте, что красота всадника не в лихости движения, а в тренированности

тела. Экзертиции и формулы — вот чем надлежит вам заниматься.

Отрицать значение математики Баженов не собирался, но в словах де Вальи было что-то такое, с чем хотелось не согласиться. С чем? Баженов не знал. Это опять же только смутное чувство, а не осознанная мысль. В то же время Баженову понравились убежденность нового учителя, справедливая строгость и отсутствие того снобизма, коим грешили многие парижские вельможи. Де Вальи тепло отзывался о своих учителях, восторженно рассказывал о творчестве Клода Перро — создателя великолепного фасада Лувра, о Мансаре и Ленотре — талантливых авторах Версальского дворца. Однако он считал, что эпоха неоправданно помпезного зодчества миновала, что античная архитектура более современна, что скупая и даже подчас грубая, но величественная в своей простоте греко-римская культура более разумна, чем жеманное барокко, захватившее во Франции первенство. Де Вальи — в числе тех, кто вступил в борьбу за классицизм — новое направление в искусстве. Этому в немалой степени способствовали археологические работы в Геркулануме, на юге Италии, а также раскопки Помпеи, погребенной при извержении Везувия. Угасшая культура потрясла весь цивилизованный мир. Многие архитекторы по достоинству оценили гениальность своих коллег-предков и нашли в себе мужество признать нелепость и ненужность увлечения роскошным украшательством.

У Баженова для принятия этой позиции были несколько другие основания. Он всю жизнь находился под впечатлением древнерусского зодчества. Оно не просто пленяло его своей суровой простотой, мудростью, органичным сочетанием с окружающей природой. Василий сумел разглядеть в древнерусской архитектуре и большие возможности для своего

будущего творчества. Он тяготел к масштабным композиционным построениям, помышлял о городах-ансамблях. А именно это лежало в основе древних кремлей, городов-соборов, крепостей. К тому же национальная архитектура, по мнению Баженова, обладает поразительной подвижностью: при желании и чутком отношении к законам композиции архитектор может продолжить строительство даже в пределах уже логически завершенного ансамбля. И это не будет нарушением красоты, стройности, а лишь явится новой гранью существующего алмаза. Баженов обнаружил, что древнерусская архитектура величава, но не царственна, она охотно уступает место новым зодческим направлениям, проявляя способность к пластичности. Может быть, поэтому Петров град на Неве, возникший, можно сказать, на одном вздохе под влиянием европейского барокко, произвел на него несколько угнетающее впечатление. Он увидел, что Растрелли довел барокко до такого совершенства, что соревноваться с ним просто нелепо. Баженова этот стиль больше устраивал, так сказать, в московском варианте, где он был менее «царственен».

Василий робко изложил свои сокровенные мысли и сомнения знаменитому французу, на что он сдержанно улыбнулся и снисходительно, но в то же время дружелюбно сказал:

— Хорошо, посмотрим, что из вас получится.

Учитель назначил занятия и отпустил Василия, порекомендовав совершить экскурсию, познакомиться с Нотр-Дам де Пари (собором Парижской богородицы), Лувром, Тюильри, отелом Кювилье, разумеется, Версальским ансамблем, созданным по приказу Людовика XIV на ровном и безводном месте.

Лосенко и Баженов наняли извозчика. Долго уточняли маршрут, торговались, договорились о сносной цене. Антону не терпелось взглянуть на Нотр-Дам де

Пари, на главный собор Франции, где венчались на царство ее короли.

Строительство Нотр-Дам де Пари началось в 1163 году и продолжалось более столетия. Он стал символом нового, единого национального государства и французской централизованной королевской власти. Именно с этим новым этапом, этапом борьбы с феодальной раздробленностью, и связано появление экспрессивной готики. Нотр-Дам де Пари — шедевр этого стиля. Баженова в соборе многое поразило: грандиозность, символика духовного мироздания, богатство скульптурных композиций, техническое разнообразие, нервюрные своды, перекрывающие неправильной фермы пространство...

Однако молодому русскому архитектору что-то мешало охватить всю эту грандиозность одним взглядом, создать образ сооружения, почувствовать его музыкальность, ритмику. Чтобы больше сосредоточиться, он стал неторопливо рассматривать западный фасад, окно-розу на средней части стены, «королевскую галерею», образованную из ленточных ниш с 28 статуями. Затем Баженов сконцентрировал свое внимание до минимума, стал разглядывать позы фигур, жесты, драпировку одежды, архитектурные орнаменты. И только после этого, отойдя на почтительное расстояние, он окинул взглядом целое сооружение. Грандиозность и противоположность архитектурно-художественных приемов на этот раз приобрели в глазах Баженова органичность: он почувствовал архитектурный образ.

Иначе воспринимался им Лувр... Баженов спрыгнул на ходу, не дожидаясь остановки. Споткнулся, ушиб колено, поцарапал о мостовую ладонь. Бежал прихрамывая. Остановился, вцепился в решетку изгороди. Жадно пожирал колоннаду Лувра немигающими глазами. «Свидание» длилось не более

минуты-двух. Лосенко еще не успел сообразить, что произошло, и только собрался слезть с извозчика, как увидел, что Баженов возвращается назад. Он шел быстро, не оглядываясь. Порывисто сел и резко, почти грубо, приказал:

— Поехали.

Лосенко был в недоумении, терялся в догадках.

— Куда? Зачем? Может, изволишь объяснить...

— На Сен-Жак!

— При чем здесь Сен-Жак? На что там смотреть? На книжные лавки и парижанок...

— Каждый волен поступать как хочет, — не глядя на друга, отчеканил Баженов и поднялся, чтобы спрыгнуть на мостовую.

Лосенко поймал его за руку, резко усадил рядом.

— Успокойся... Ну хорошо, будь по-твоему. Поехали.

Потом, спустя несколько недель, Василий извинится перед Лосенко, объяснит ему причину столь странного поведения. Он расскажет ему о том чувстве, какое испытал при виде колоннады Лувра. Она поразила его величественной простотой, проникновенной лиричностью, композиционной скромностью, органичностью немногочисленных и неброских деталей. Непринужденная красота и архитектурная мелодичность затронули самые тонкие струны его души. Колоннада Лувра была созвучна мыслям Баженова об органичности природы и архитектуры, об изгнании из зодчества тиранического начала над окружающим. Это строение показалось ему даже более русским, чем французским.

— Понимаешь, Антон, — взволнованно говорил Василий. — Это как белоствольные российские березы. Их красота скромна и непринужденна. Ритмы стройны, но их порядок недоступен взору. Они — в плавной и тихой мелодии, не заглушающей человеческий голос, трели соловья, треск кузнечиков. Это та самая гармония

земного, когда трудно сказать: человеческих ли это рук дело или то рождено природой.

Ну а что касается поездки на Сен-Жак, где лавки ломались от книг, то с того момента Баженов твердо решил для себя: издания, кои могут быть полезны и способны заполнить пробелы в знаниях, должны быть постоянно под рукой. Он истратит на их приобретение сумму, на которую мог бы жить не один месяц.

НЕНАПИСАННЫЕ ПИСЬМА

Тоска по родным с каждым месяцем все усиливалась, а письма шли в Москву все реже и реже. Они занимали много драгоценного времени. Формальных отписок Баженов не любил. Раньше писалось почему-то легче. Просто писал. Сейчас — не то. Сейчас ни одна строчка не выползала из-под пера, пока в голове не созрел четкий план, пока не вырисовывалось содержание всего письма. Приходилось лепить его в своем сознании, писать в мыслях:

...За меня, мои дражайшие, не беспокойтесь. Живу хоть и не очень в достатке, но жаловаться грешно. Вот только пенсия не всегда ко времени приходит, чаще с опозданием. Ну да ничего, друзья выручают. Давеча мы с Лосенко отличный обед поимели. Спасибо Федору Каржавину. Он от тетки Марфы, что проживает в Олонецком воеводстве среди раскольников, почту денежную получил. Вот и пригласил в «Золотой каплун». О Федоре Вы знаете, я писал о нем. Славный он человек и странный. Натура пылкая. Во Франции он по торговой части, коммерции обучается. Но сдаётся мне, что на сие дело ему великое наплевать. Голова его полна политикою. Он труды философов за святые писания почитает, грезит республикою. Жаль мне Федора. Мечется он, бедняга, силища в нем огромная, а приложить некуда. По России скучает, а ехать домой никакого желания нет. Я, говорит, там от скуки, ханжества и обжорства на третий день в петлю полезу. Мне, говорит, полет нужен, споры о вольности, непутевая, но свободная и беспокойная жизнь. Вот

какой он ершистый и в непостоянстве мыслей и страстей своих пребывающий.

Однако сей странный человек поверг меня своими речами в некоторые сомнения. Он сказал однажды, что великие умы такое время предвидят, когда воцарится на земле равенство и братство, а посему, мол, никакие дворцы не нужны будут, ибо всякое художество — это прихоть царей и вельмож. Ни сердце, ни разум мой этого не приемлют. Ежели человек, равно как и все человечество, начнет лишь желудок свой насыщать да к капризам плоти прислушиваться, то в чем же смысл жизни самой? И для чего же бог талантами нас наделяет? Где найти место нам свое в мироздании? Нравственная равноправность, по разумению моему, не должна быть насилием над душою человеческой, потому как человечество, поддавшись искушению свободы, подчинив все земное лишь логике и разуму, рискует мир внутренний поработить миром внешним. Но обретет ли человек истинную свободу лишь вне себя? Не откажется ли он тем самым от внутреннего блага души своей в угоду удобствам жизни, мимолетной прихоти, эгоизму?.. Сдается мне, что рассудок — это лишь кормчий наш. Насыщая разум знаниями, как желудок пищею, мы лишь грубую, первоначальную работу проделываем. Мы питаем дух свой, коему суждено в бессмертных делах воплотиться. И беда Каржавина, быть может, в неверии оному. Отсюда его распутство и суетность, его стремление найти внешнее счастье в ненасытной жадности к жизни...

— Пожалуй, потопить не мешало бы, руки чего-то мерзнут, — нарушил тишину молчаливый Лосенко, работающий над картиной «Чудесный лов рыбы».

— Да, глупость все это, — машинально проговорил Баженов.

— Ты о чем?

— О глупости, — равнодушно, без каких-либо стеснений за случайно сказанное вслух, ответил Василий.

— О чьей глупости-то?

— О своей.

— Так зачем же вслух? — съязвил Лосенко.

— Чтобы знал.

— А я и так знаю, — рассмеялся Антон.

— А коли знаешь, так не спрашивай и не мешай думать, — сказал Василий, устраиваясь возле печурки в драном кресле.

...Надобно начать просто, — продолжал размышлять Баженов. — Ну, хоть бы так... Дела мои идут хорошо. Мой учитель доволен мною. Недавно я показал де Вальи модель храма римской богини Весты, сделанную мною по Витрувию. Для меня занятие сие, как и в детстве, большое удовольствие составило. И делал я ее, будучи озабоченный не токмо аккуратностью и красотой, но и всяческими науками архитектурными. Мой любезнейший учитель пришел в восторг неописуемый, но потом величайшее сомнение выразил, что сие изготовлено мною. Увещевать словами я его не стал, но порешил повергнуть в еще большие смятения трудами своими. Ныне Колоннаду Лувра заканчиваю, а также другие модели, проекты...

— Вот так-то, пожалуй, лучше, — опять вслух сказал Василий.

— Не может быть, — возразил Лосенко.

— Уверен.

— Тогда, конечно, валяй дальше.

— Зело говорлив ты сегодня, — заметил Баженов. И было трудно понять, шутит он или нет.

На этот раз Лосенко на всякий случай промолчал, не отпарировал.

— И все-таки, — тяжело вздохнув, задумчиво произнес Баженов. — ...И все-таки... Как это у Аристотеля? «Людие вси от естества самого ведати желают...» Да, но мышление, яко свойственная от естества особливость разума, лишь первоначальное дело в познаниях истины, терпеливые пути к которой и через душевные свойства пролегают. Справедливо ли сие отрицать, всецело полагаясь на разум? Правы ли горячие умы, кои несовершенство мира в своих трудах изобразуя, желают, чтобы народами и государствами лишь законы повелевали? Повелевали! Можно ли законами человека изваять? Возможно ли высшее назначение бытия определить?.. А пред какими законами надлежит искусству рабою быть? — размышлял Баженов, забыв о том, что приготовился писать письмо родителям. — Все законы архитектуры — у Витрувия. Но они существуют для разума, а не для того, чтобы душою художника повелевать. И все-таки... И все-таки душа повелениям подвластна. Почему Пьер де Монтеро готикою увлекался, а мои нынешние учителя Вальи и Суффло покорить французов и мир античной простотою желание имеют? Где повелитель? В нас ли самих, в нравах ли времени, в политике, в душе ли народов, от коих мы исходим? Где корни, кои питают душу, создающую творения бессмертные?.. Французы ныне возглашают: «Назад — к Витрувию». Но что с того?.. Познать гармонию работ его — труд невеликий. Сотворить подобное — дело нехитрое. Но как познать душу творения, сокрытую в камне художником?.. Трудно, однако. Устал я. Хватит ли силы уйти от соблазна, не искать высшего счастья и смысла бытия в сиюминутных удовольствиях? Быстрее бы все... Кому как, а в России мне легче дышится, светлее страдается, шире думается...

«ЭКЗАМЕНАЦИЯ»

Около полутора лет пролетели незаметно. За это время неприглядное жилище посланцев Петербургской академии несколько преобразилось, оно украсилось многочисленными рисунками, миниатюрными моделями, изготовленными Баженовым, его эскизами, чертежами, проектами.

Лосенко работал неторопливо, но основательно. Он мог переделывать картину или отдельные ее детали десятки раз, вернее, до тех пор, пока последний уверенный мазок не ложился на полотно.

Баженов же рядом с педантичным Лосенко выглядел транжиром своего труда и таланта. Если у него что-то не получалось, он бросал и начинал заново, пробовал разные варианты. Случалось и так, что почти готовый проект, не вызывавший у Лосенко никакого сомнения в совершенстве и талантливости, Василий Баженов рвал в клочья, чтобы не быть в плену у неудавшихся, на его взгляд, замыслов. Но были и такие работы, которыми он дорожил, но не спешил почему-то завершить их. Впрочем, спешить не было необходимости. Творческая плодовитость молодого русского архитектора и без того покорила скупого на похвалу де Вальи. Он пророчил своему ученику великое будущее. А баженовский вариант проекта Дома инвалидов наделал столько шума, что русский дипломат И. Г. Чернышев поспешил отписать И. И. Шувалову: «Об этом человеке мне говорят до невероятности много хорошего; думают даже, что в ближайшем собрании архитекторов он получит первую награду за сочиненный им проект Дома инвалидов, необыкновенно прекрасный. В то же время говорят, что поведение и нравственность его отвечают его таланту, но бедняк лишен нужных средств к жизни. Если бы вы к

его жалованью прибавили сотенку-другую рублей, его положение сделалось бы лучше. Он будет еще прилежнее, и такое вознаграждение заслуг послужит к чести нашей страны. Он много говорит о своем отце; я полагаю, любезный друг, что вы хорошо сделаете, ежели соблаговолите его к нему послать. Это есть средство делать людей полезными стране и дать им возможность навеки вас прославить».

Проект парижского Дома инвалидов (один из вариантов уже построенного тогда ансамбля) стал для Баженова своего рода экзаменом на зрелость. Этот грандиозный ансамбль из множества зданий, соединенных воедино, со сложной системой внутренних дворов и площадей потребовал от Баженова применения всего комплекса архитектурных и инженерных знаний. Сей экзамен Василий выдержал на «отлично». К сожалению, баженовский проект не сохранился. Однако восторженные отзывы о нем современников Баженова дают основание смело утверждать, что молодой архитектор достиг той цели, к которой стремился. Он разгадал и творчески переосмыслил секреты Лувра. Легкость и изящество Дома инвалидов при всей внушительности размеров здания-ансамбля поразили даже самых строгих ценителей искусства. Добиться таких результатов не часто удавалось даже зрелым архитекторам.

Наступили напряженные дни. Баженов готовился к экзаменации. Работал много. По ночам пил крепкий чай. Стал малоразговорчивым. Волновался: как оценят учителя его мастерство и знания? А тут еще прибавились дополнительные волнения: пропали некоторые эскизы, готовые чертежи. И надо же такому случиться перед самым экзаменом! Потом обнаружилось, что пропажа не случайная. Отдельные французские коллеги решили «позаимствовать» некоторые удачные творческие находки молодого

русского архитектора, скопировали его работы. Впоследствии, вспоминая годы учебы в Париже, Баженов без злобы замечал: «...а мои товарищи и французы молодые у меня крадывали мои прожекты и с жадностью их копировали».

Экзамены в Парижской академии прошли, однако, более чем успешно. Василий Иванович Баженов, хорошо подготовившись, осмелился пойти первым. Он представил экзаменаторам модель Колоннады Лувра, изготовленную с ювелирной точностью. Представил также чертежи, рисунки, офорты. И еще покорила парижских знаменитостей своей эрудицией, буйной фантазией.

Баженову выдали архитектурский диплом, скрепленный подписями профессоров академии: Леруа, Моро, Суффло, Габриэля. Это была не просто аттестация, а почетный документ, дававший право на Prix de Rome (золотая медаль, Римская премия). Такая награда предусматривала поездку в Рим за счет академии. Но Баженов ее не получил, так как награда давалась по уставу лишь лицам католического вероисповедания.

Слух о творческих удачах Баженова и Лосенко, об их успехах в учебе докатился до Петербурга. Там тоже был произведен экзамен, только заочно, на основании присланных Баженовым и Лосенко работ. Оценки самые высокие. Сие засвидетельствовано на публичном собрании Академии художеств 19 августа 1762 года. Шувалов в распорядительном письме — «Ордере» официально уведомлял: «Мне не иначе как весьма приятно слышать о ваших успехах и вашей прилежности, которыми вы делаете честь себе, а более нашей нации, о чем уверен, что вы, всегда получа о себе такую репутацию, более ея распространения не оставите. По последнему экзамену вы произведены оба адъюнктами, с чем я вас честь имею поздравить». На

основании этого жалованье было увеличено до 400 рублей в год. Однако с деньгами, как и обычно, произошла задержка. Перевод доставили лишь спустя месяц через купца Томсона. Пришло еще одно уведомление, в коем говорилось, что «Лосенко быть в Москве, а Баженову на зиму в Рим». Деньги на дорогу в счет жалованья были наконец выделены, но с настоятельной рекомендацией тратить экономно, а «что из того останется, то можете употребить на покупку хороших эстампов, рисунков, книг и прочего пристойного и надобного для Академии художеств и, накупив все оное, отправить в Академию».

Баженов получил двухгодичный заграничный паспорт, упаковал свои вещи, простился с учителями, с Лосенко и в конце октября 1762 года отправился в путешествие по Италии для дальнейшего знакомства с европейской культурой, изучения архитектурных стилей, памятников зодчества различных эпох.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

...ум мой, сердце мое и мое знание не пощадят ни моего покоя, ни моего здоровья...

В. Баженов

НА РОДИНЕ

Василий Баженов вернулся на родину 2 мая 1765 года. В Петербурге шла подготовка к торжественному открытию Академии художеств. Готовилась первая выставка русских художников. Рисунки, чертежи и офорты Баженова заняли на ней почетное место. Василия Ивановича попросили заняться декоративным оформлением, строительством павильонов и приведением в надлежащий вид причальных мостков напротив фасада здания. Предполагалось, что в инаугурации примет участие императрица. Руководство академии распорядилось, чтобы архитектору срочно сшили праздничный кафтан.

Баженов в журнале-дневнике писал: «Я на родине. Господи, благодарю тебя. Снова дышу я воздухом России. Но по порядку. Июня двадцать осьмого дня, в третью годовщину восшествия на престол государыни нашей, состоялась торжественная инаугурация Санкт-петербургской Академии художеств.

В конференц-зале учреждена была выставка работ пенсионеров, нововыезженных из чужих краев. Я также разместил свои чертежи, итальянские рисунки и меж них наяду, пляшущую под деревом. Сей офорт гравирован мною в Риме и от Карла де Вальи весьма одобрен был».

Василий приступил к работе, не успев как следует осмотреться, оценить изменения, происшедшие за годы его отсутствия. А их было немало.

Елизавета Петровна скончалась. Ее сменил Петр III. Его супруга, Екатерина Алексеевна, считала, что на роль императора он никак не годился. Петр III, если верить манифестам Екатерины II, «законы в государстве все пренебрег, судебные места и дела презрел, доходы

государственные расточать начал не полезными, но вредными государству издержками», он оскорбил национальное достоинство, рискнул конфисковывать монастырские вотчины, «коснулся древнее православие в народе искоренять».

Петр Федорович, вступив на престол, поспешил закончить длительную войну с Пруссией. Но он фактически свел на нет все завоевания русских и тем самым грубо оскорбил патриотические чувства. В различных кругах общества назревало недовольство. Этим воспользовалась Екатерина, которая готовилась к перевороту заранее, планомерно. Опрокинув с помощью гвардии с царского трона своего мужа и поручив Орловым препроводить его на «тот свет», Екатерина щедро одарила участников «действия» орденами и чинами, а также раздала 18 тысяч крестьян и более 180000 рублей деньгами, не считая пожизненных пенсий.

Колокола Рождественской церкви возвестили о Ее Величестве. Об этом же пробасил в молитвословии архиепископ Новгородский Дмитрий. После того не спавшие двое суток гвардейцы, возбужденная свита и толпы любопытных горожан восторженно препроводили монархиню в Зимний дворец с еще не оштукатуренным фасадом.

С чего начинать? Этот вопрос серьезно волновал Екатерину. В поисках ответа она проведет бессонные ночи, взбадривая себя крепким кофе и нюхательным табаком.

А начинать надобно с обещаний, кои надеждам созвучны и чувствам приятны, — решила Екатерина и издала Манифест, в котором «наиторжественнейше» обещала издать «законы к соблюдению доброго во всем порядка».

Императрица выступила с критикой неправосудия, взяточничества, тяжелых поборов с бедных людей,

жестоких пыток, издала указы об удешевлении соли, о свободе торговли, «все монополии были уничтожены и все отрасли торговли отданы в свободное течение». В то же время была издана жалованная грамота дворянству, что еще больше усилило крепостническую зависимость крестьян от хозяев.

Однако вслед за этим распространился слух, что Екатерина Алексеевна готовит указ, который предоставит вольность и крестьянам. Екатерина поставила перед собой цель: постоянно подогревать и использовать патриотические настроения русских для великих преобразований, кои принесли бы ей немеркнущую славу на многие века.

Блеск короны ласкает ее самолюбие, но она уже успела убедиться, что эти блики непостоянны, обманчивы, что память людская коротка, а история ценит лишь великие деяния. Поэтому она страстно желает быть не просто коронованной, а «коронованной революционеркой», каким был Петр Великий, чья слава не дает ей покоя. Она пылливо взирает на Запад, пытаясь уловить течение времени, движение мысли. У Вольтера она читает: «Некое демоническое влияние охватило за последние 15 лет три четверти Европы. Скоро у нас будут новые небеса и новая земля».

Екатерине хочется доказать Европе, которая начинает бредить революциями, что она одна может возглавить невиданную по справедливости революцию и осуществить на практике все те идеи, с которыми носятся правдолюбцы, подвергаясь в своих странах гонениям. Она обещает им в России убежище и готова обнародовать все, что подлежит запрету в других государствах.

В письмах французских посланников, датированных 1762 годом, есть такое свидетельство: «Императрица питает большое пристрастие к чтению. Большую часть своего времени после замужества она занята чтением

новейших сочинений, французских и английских, о нравственности, природе и религии. Достаточно какой-нибудь книге быть осужденной во Франции, чтобы она тотчас же ее вполне одобрила. Она не расстается с сочинением Вольтера и Гельвеция и «энциклопедией» Жан-Жака Руссо. Она гордится своей отвагой, вольнодумством и философскими взглядами — одним словом, это — маленькая ученая с темпераментом».

Екатерина читает произведения Плутарха и Монтескье, словарь Бейля, исторические исследования Перефинкса и Бара, сочинения Вольтера, Гельвеция, Руссо. Однако поиски и еще не сложившаяся метода правления не мешают императрице действовать уверенно, решительно. Она самолично участвует в решении государственных вопросов, а от своих приближенных неизменно требует проявления инициативы.

Многие русские, искренне заинтересованные в процветании отечества, воспряли духом. Началось создание «Комиссии по градостроительству». Ее задачи — наметить строительство крупных государственных объектов, учебных заведений, воспитательных домов, просветительных учреждений, разрабатывать планы новых городов.

Баженов, безусловно, был рад этому. К выполнению мелких заказов, удовлетворению частных капризов душа не лежала. Да и жалко было растрачивать то, к чему он сознательно и подсознательно готовил себя все эти годы.

Правда, кое-что настораживало. К критериям, которыми Екатерина пользовалась при оценке той или иной личности, многие быстро приноровились, иные спешили проявлять чрезмерную активность не столько по существу, сколько для саморекламы. Прежде всего Баженов заметил это на примере внутриакадемической жизни, внедренных новшествах.

Новый президент академии Иван Иванович Бецкой, сменивший Шувалова, предложил императрице создать при Академии художеств «парник» для выращивания гениев, в который бы принимались дети в возрасте от трех до пяти лет. Получив на то одобрение, Бецкой выписал из Франции нянек-наставниц, коим надлежало заняться выращиванием «новой породы людей». Инкубаторный метод воспитания талантов вызвал у Баженова неприязнь. При встрече с Лосенко и другими бывшими выпускниками академии он негодовал:

— Неужто вам, достойным птенцам сего гнезда и отнюдь не баловням судьбы, непонятна вся глупость сего предприятия? Эко выдумали! Благодетели! А удосужились ли вы подумать, что учить художеству недорослей, кои ни желания, ни склонностей к этому не имеют, — это все равно что из медведя Пифагора воспитывать?

— Не нами сие затеяно, не нами одобрено, не нам судить и отменять, — как всегда, спокойно отрезюмировал Лосенко.

— Знаю... знаю, о ком говоришь. Но авторитет мысли, а тем паче дела — не в чинах, братец ты мой. Знаю, что все мы человеки и все способность к ошибкам имеем. Но искренне ошибаться дозволено в том, в чем человек хорошо понимает, а коли этого нет, так и нечего экспериментами забавляться. Младенцы, коих академия на воспитание берет, — это существа, а не вещества. И нам не к лицу, господа, путать химию с человековедением. Неужто Бецкой и вправду надеется дрессировками сызмальства гениев художества производить? Не об этом надобно думать, не об этом заботиться!

Эти высказывания Баженова каким-то образом дошли до Бецкого. Но он не спешил что-либо предпринимать, еще не зная, какое положение при

дворе займет архитектор, уже успевший получить мировую известность.

День инаугурации приближался. Накануне торжеств в академию пожаловал отпрыск императрицы, ее наследник, одиннадцатилетний цесаревич Павел.

Баженов в журнале-дневнике писал: «В девять часов поутру галерея наполнилась шумом. Выбежав, увидел я шествующего к осмотру наследника, великого князя Павла Петровича, в сопутствии наставников своих.

Цесаревичу лет двенадцать. Подвижной очень, с бледным лицом, носик пуговкой и большие, бегающие глаза. Одет в малиновый, шитый золотом кафтанчик, присвоенный почетным любителям Академии, в туго завитом паричке и рука на шпаге.

Осмотрев мои работы, изволил беседовать приватно. С видимым любопытством расспрашивал о нравах парижан, италийцев, о всяческих порядках жизни и строениях. На прощанье протянул руку и, улыбнувшись, сказал:

— А видать, вы отменного нраву».

Рассматривая античные сюжеты баженовских полотен, архитектурные эскизы и неосуществленные проекты, Павел поинтересовался:

— А что, все сие предназначено для украшения стен или такие красоты возможны в натуре?

— Ежели Вашему высочеству будет угодно, то почему бы и нет, — скрывая иронию, учтиво ответил Баженов.

— Правда? — усомнился цесаревич и уставил на архитектора свои круглые глазенки.

Баженов ответил:

— Не имею такой надобности вводить в заблуждение, а тем паче лгать Вашему высочеству.

— Отлично! — резко, не по-детски серьезно, с хитрым прищуром глаз отчеканил Павел. — Мне нравится ваше художество. Я велю доложить об этом

матушке, а вас милости прошу откусать в моем «дворике», разделить со мною скуку.

Баженов поблагодарил несовершеннолетнего важного гостя, пообещав прибыть в назначенный час в Малый двор его высочества.

В «Записках» воспитателя Павла С. Порошина появились такие слова: «Смотрели чертежи нововыезжаго из чужих краев нашего архитектора господина Баженова, которые подлинно хорошо расположены и вымышлены, и от всех присутствующих во многом числе дам и кавалеров общую похвалу получили».

К инаугурации все было готово. Вдоль берега и причалов — декоративные щиты с рифмованными лозунгами, адресованными Екатерине. Колонны обвиты зеленью. Между ними — статуи богов, покровительствующих искусствам, наукам, стихотворству, любви.

Баженов писал: «Смешавшись с гостями, бродил я по залам, еще сырым от красок и грунта. Новостроенное здание Академии есть совокупный труд любезных профессоров моих Валлена Деламотта и Александра Федоровича Кокоринова.

Здание великолепно, особливо на Неву выходящий фасад. Но прежнее милее чем-то сердцу моему, здесь учился я, здесь на мостках, протянутых на сваях к реке, чтил я первого друга юности, Ломоносова...

Многие свершились перемены.

Прежняя Академия с гербом князей Головкиных была усадьбою времен Петра. Сырые и тесные службы ее памятны мне спертым воздухом, когда пробуждался я по утрам с головной болью.

А на углу третьей линии Васильевского острова была аптека с блистающим между этажами распластанным орлом. Нету аптеки, срыли ее, дабы не заграждала перспективы на Зимний дворец. Вот оно, достославное

здание, о коем с горячностью повествовал Каржавин. Мне оно не показалось. И сам творец его, граф Растреллий, в забвении».

Баженов выглянул через окно. Внизу шли колонны учеников. Стояла рота лейб-гвардейцев. Гремела музыка. Пестрели флаги и гирлянды, переливались на солнце золоченые кареты и кафтаны. Важно шествовали люди в ливреях. Наконец стали палить пушки.

Грянул хор. Славил Екатерину Великую.

Баженов писал: «В парчовой робе, с голубой лентой через грудь, счастливая и улыбающаяся, императрица проследовала под балдахин, перед коим стоял стол с грамотами, печатями, дипломами Академии.

Воцарилась тишина.

Сумароков, коего зрю я впервые, начал в молчаньи торжественнее слово.

И тут иглою кольнуло сердце.

Тако же, в оный день, теперь далекий, говорил Ломоносов, отметивший меня.

А Сумароков, тщащийся заменить орла, каркал глухим голосом:

— Сей день и час установления и освящения твоего, новоучрежденный храм Геликонских нимф. Се время сияния плодов Гесперидских, обещающих богатую жатву. Сеет их Екатерина.

По окончании слова представлены мы были государыне, и я один из первых. Чертежами моими вельми довольна осталась, за ревность учению похвалила.

Все то время, как конференц-секретарь доклад изволил делать о моей персоне, не отрывал я глаз от лица царицы. Не доброе оно, но и жестоким я бы не назвал его, разве глаза только: холодноватые, будто из льдинок, синие, с карим отливом. Ни в губах, скромно поджатых, ни в улыбке уст, обнаруживающих ямочки на ланитах, кои с розою могут быть сравнимы, ничего в

лице не таит коварства. Росту невысокого, но станом гибкая, хороша она была на коне в день завоевания царства, и улыбкою ее полки покорялись беспрекословно. А когда встала она, дабы вручить диплом мой, восторг окружающих передался мне, и я, преклонив колени, припал к руке монархини с чувством готовности умножить славу ее художествами.

В ту минуту припомнились мне строфы Ломоносова, как бы завещание его:

Блаженства нового и дней златых причина
Великому Петру во след Екатерина
Величеством своим снисходит до наук
И славы праведной усугубляет звук...»

— Кажется, это о вас Шувалов говорил мне однажды, что бог не обделил вас талантом, а поездка в чужие края принесла вам пользу. Я надеюсь, что господин архитектор употребит все старания свои во славу отчизны.

— Ваше величество, смею заверить, что для меня нет мечты более желанной, — с легким поклоном ответил Баженов.

— Токмо учтите, что ныне мы желаем строить не хуже, чем в Европе.

Василий не сразу сообразил, что ответить, непонятно почему покраснел румянцем, а после паузы выдавил из себя ничего не значащую и даже нелепую фразу:

— Как вам будет угодно, Ваше величество.

ЕЩЕ ОДИН ЭКЗАМЕН

Василий разложил в определенном порядке семь чертежей с пояснительными текстами, взял указку и принялся уверенно комментировать готовый во всех деталях проект. Тема — строительство «увеселительного императорского дома» в Екатерингофе — была предложена ему академическим советом, в частности, Кокориновым и Деламоттом. Это был своеобразный экзамен на право получить звание профессора, иметь свою кафедру в академии и заниматься педагогической деятельностью. Это давало высокое положение в обществе и открывало дорогу к наиболее интересным и значимым правительственным заказам.

— Итак, господа, вот местоположение дома, кое предложено мне. С запада мы имеем Финский залив, с севера сии земли омывает Фонтанка, с востока и юга протекает речка Таракановка. Таковая трудность для строительства, по моему разумению, может обернуться на пользу и придать особливую красоту строениям. А посему предписанную мне четырехугольную фигуру здания ионического ордена я переменяю на круглую, что больше с окружающей природой соответствие имеет. Сей дом обнес я каналами, как для способности лучше проезжать к нему водою, так и чтобы дать ему течением воды живность и открытый вид. Пропорции я использовал Палладиева вкуса, кои весьма почитаю. Но есть и пропорции, мною изобретенные. Основание увеселительного ансамбля, коему надлежит зверинец иметь и стоять в роще, вздумал я представить развалинами древнего Дианина храма. От этого я рассудил сделать и амфитеатр, имеющий вид древности. Но ежели кому сие не по вкусу придется, то я

заготовил другой вариант, — опережая возможные возражения, продолжал Баженов. — Можно и без руин, вот как здесь изображено, где амфитеатр обычные колонны имеет. Число их можно употребить такое, сколько у нас городов имеется, и поставить на них статуи с гербами каждого города... Коли нет возражений, я продолжу, — сказал Баженов, выдержав короткую паузу.

— Покуда лично у меня никаких замечаний и сомнений нет, — заметил Кокоринов, которому искренне нравилось все, что предлагал молодой архитектор.

— Перед домом я намерен установить статуи, изображающие части света, и соорудить фонтан на манер Де Треви, что имеется в Риме. Увеселительные места ансамбля представлены мною на рисунках, и рассмотреть их со вниманием — в вашей воле. Ворота я изобразил овальными медальонами. Внутренний декор не богат, скромн, ибо красота не токмо в убранстве, а в разумности форм, линий и пропорций. Во глубине сада по заданной программе я соорудил часовню, коя из кирпича будет в стиле готическом. Того требует природа.

— Не слишком ли много стилей, господин Баженов? — полушутя заметил президент Бецкой.

— Они диктуемы не токмо фантазией и вкусами, но прежде всего местом, уготовленным для строений. А посему не имеют противоречий ни с природою, ни между собой, а находятся в подчинении у гармонии. — Баженов прошелся вдоль разложенных чертежей, положил на стол указку и, глядя в упор на Бецкого, продолжил:

— Я полагаю, что всякое строение должно в будущем свое развитие иметь, а посему не диктовать потомкам и каменным собратьям какой-либо один самодержавный стиль, угодный моде, а не разумности. Мое же строение охотно в родстве будет со многими стилями и вкусами зодчих.

Это прозвучало не как оправдание, а как твердая убежденность. Даже проскользнули нотки резкого тона, что не осталось незамеченным.

— А известно ли господину архитектору, что здешние воды капризны, а посему со строениями может конфуз получиться? — спросил Бецкой.

— Да, сие мне известно, — спокойно ответил Баженов и снова взял указку, отошел к чертежам, — я намерен поднять берега, чтобы не допускать наводнения. Кроме того, гораздо выше обычного я поднял фундамент, что хорошо означено в профиле.

Баженов логически обосновал каждую деталь в проекте. В результате после тщательного рассмотрения проект Василия был принят и высоко оценен советом. Однако ни звания профессора, ни кафедры ему не дали. Оригинальный и изящный проект остался неосуществленным. Его отдали на хранение в академический архив, где он и затерялся (сохранилось лишь его словесное описание).

Баженову, еще не успевшему привести свои денежные дела в порядок, только этого не хватало: ему представили счет за кафтан.

— Да, но это делалось в ваших же интересах, — пояснил Баженову конференц-секретарь академии Салтыков.

— В моих интересах — поменьше долгов иметь. Вот счет. В нем указывается, что я обязан возвернуть Академии художеств за кафтан 95 рублей 47½ копейки...

— Все правильно, голубчик...

— Но это не все. Здесь указывается, что с меня причитается еще 200 рублей за... «...за обратную поездку из чужих краев».

— И это правильно... Василий Иванович, голубчик мой, я всею душою сочувствую, но помочь ничем не могу. Долги надобно рано или поздно возвращать.

— Непременно! Только я знаком с математикой, приучен учителями к аккуратности, а посему люблю точность. — Баженов положил перед Салтыковым лист бумаги. — Сие составлено мною на основании расходных документов.

— Ну что вы, это невероятно... этого, голубчик, не может быть, — разводя руками, сказал конференц-секретарь.

— Да, ваша светлость, ежели быть точным, то мне причитается, как я изволю указывать, 1567 рублей 82½ копейки. Сия недоплата стала для меня в чужих краях причиною великих тягостей и несносной нужды.

— Ей-богу, это похоже на шутку.

— Нисколько, ваша светлость. Я полагаю, что сей предмет не повод для шуток.

— Ну хорошо... Допустим, — не теряя благостного тона и самообладания, размышлял Салтыков. — Вот только... Дозвольте, голубчик, интерес проявить. На какие такие деньги вы существовали за границу все эти годы?

— Недополученное мною я трудом своим дополнял, способностями к архитектуре. Мне также приходилось часто чертежником при строениях наниматься и всякую черную работу выполнять.

Салтыков, не найдя чем возразить и не желая конфликтовать с глазу на глаз, любезно предложил перенести тему разговора на будущее, до выяснения подробностей.

— Что же касательно академической бумаги, — сказал он, — то, поверьте, голубчик, сие отменять не в моей власти. Долги есть долги.

Баженов так ничего и не доказал. Тяжба длилась несколько лет. Василий Иванович, продолжая испытывать денежные затруднения, наконец смирился. Ему до крайности опротивели все эти денежные споры. Завистники Баженова сумели убедить Екатерину, что к

молодым талантам, пребывавшим за рубежом, следовало бы относиться построже, не торопиться с похвалами: кто знает — какие идеи они впитали, что у них за душой и какими страстями они движимы. И потом, русских, особенно тех, кто вышел, как говорится, из грязи в князи, опасно баловать похвалой. Они быстро начинают чересчур много мнить о себе и бессовестно попирают авторитеты.

Наушения не прошли бесследно. Екатерина II берется за написание статьи в форме письма в адрес абстрактного «Белиберды». Сие произведение предназначено для журнала «Всякая всячина». Он был основан самой императрицей, она же, по существу, являлась и его основным автором.

Автор письма, не называя имен, рассуждает: «... заметил я, что здесь часто бедный старается быть столько роскошен, как и богатый. Ни один человек почти не живет по своему достатку: всякой проживает более, нежели он имеет дохода, делает долги, не думает, как их заплатить, и, наконец, когда уже его принуждают к платежу, тогда иные стараются избыть онаго незаконными отговорками или же промышляют, как бы денег достать». А поскольку выманить у «людей» или у «правительства», замечает автор, не всегда удастся, то «тогда уже разстроенное состояние разстраивает час от часу более мысли, без того склонные к прихотям». А далее прослеживаются те самые опасения и намеки на образ мыслей: «Выходя же из своего состояния, чего иначе ждуть, как безпристранных прихотей, следовательно, беспокойств душевных и телесных и мыслей необузданных? Тогда справедливый отказ почитается обидою, доляшое послушание покажется тягостью, частные неудовольствия изъясняются им общими».

Статья-письмо заканчивается так: «Слышал я, что есть и такие люди, коих почти уверить не можно, что все

то, что те требования есть прихоть. Мне обещали такого-то человека показать. Я признаюсь, что я любопытен узнать образ мыслей такого-то человека, и упрямство, или кривотолки, или тупость тому причиною?

Моим глазам дико весьма показалось, что здесь нередко видим, что молодчики молодые становятся перед стариками и им места не дают. В наших краях прежде сего смертью казнили тех, кои малейшее непочтение показывали старикам...»

Но вместе с тем императрица не гнала от себя молодого архитектора. Ей любопытно было проверить его на деле.

Екатерина поручила Баженову разработать проект Института благородных девиц при Смольном монастыре. Зодчий выполнил это поручение в кратчайшие сроки. Величественная и изящная композиция поразила многих архитектурной изобретательностью, органичным сочетанием многообразных традиционных форм русского зодчества. Но, к сожалению, дифирамбами дело и ограничилось. Проект остался неосуществленным. После длительных проволочек предпочтение отдано проекту архитектора Кваренги. Возможно, потому, что он иностранец и придерживался более привычного тогда для Петербурга европейско-барочного стиля.

Визит в Малый двор не прошел бесследно. Увлеченный рассказами Баженова, цесаревич Павел загорелся желанием построить свой дворец на Каменном острове. Баженов довольно быстро выполнил этот заказ. Дворец был возведен в стиле классицизма. Позднее его перестраивали. Но имеется свидетельство французского путешественника, видевшего строение в первоначальном варианте: «Он очень красив, особенно благодаря своему местоположению (на берегу Невы). Нижний этаж приподнят на несколько ступеней. Здесь мы видим, во-первых, большую переднюю, украшенную

арабесками, далее зал овальной формы, который при большой длине кажется немного узким; декоративная часть в нем очень проста. Направо — помещение, из которого дверь ведет в небольшой театр, довольно красивый... Фасад к саду украшен колоннами. В конце сада находится небольшая часовня, построенная из кирпича: готический стиль, которому старались подражать при ее постройке, производит красивый эффект».

Другая работа Баженова этого периода — усадебный дом.

По совету гравера Махаева помещик Н. Тишинин из села Тихвино-Никольское, что под Рыбинском, попросил Баженова спроектировать усадебный дом. План включал садовую планировку, декоративные украшения и триумфальные ворота.

Баженов, пользуясь письменным описанием рельефа местности, этот заказ выполнил. В письменном же виде он давал свои указания и советы во время строительства. Эту работу он выполнил в классическом стиле. (Постройки сохранились до нашего времени.)

Друг Баженова Каржавин в своих записках сообщает, что 2 декабря 1766 года Екатерина назначила Баженова «архитектором при Артиллерии со чином капитана Артиллерийского и взяла в свое ведение». Он попал в подчинение и под покровительство Григория Орлова, «генерал-фельдцейхмейстера». Именно в это время Баженов работает над сооружением каменного здания Арсенала (взамен деревянного) в конце Литейного проспекта. Здесь он использует свои излюбленные мотивы: барельефы, овальной формы окна и т. п.

Вскоре Василий Иванович решил, что петербургский климат не по нему. Он рвется в Москву, где прошло его детство, где больше зодческой «теплоты». Эта поездка в 1767 году состоялась.

ПРОЖЕКТЫ

Федор Каржавин ехал в пролетке мимо Троицких ворот Московского Кремля. Случайно заметил, что неподалеку от арки несколько горожан в бедных одеждах норовят поколотить барина. Бедняга неуклюже изворачивался.

Каржавин велел остановить пролетку. Выхватил кнут и помчался на выручку.

— Вот это да! Ну и ну! — завопил Федор при виде Баженова. Несчастный, беспомощный вид Василия рассмешил Каржавина, он хохотал до коликов в животе. — Прости меня, ради бога. Это я так, от неожиданности, — утирая слезы, говорил Федор. — За что же они тебя?

— А и не говори, — безысходно махнул рукой Баженов. — Я здесь в антихристах хожу. Того и гляди прикончат, — поправил растрепанные волосы. — Давеча вынужден пистолет приобрести... Так, для устрашения. Токмо с собой не ношу, привычки нет. Да и надобность небольшая. Я ведь денно и нощно здесь. — Баженов кивком головы показал на Кремль.

— Ну, это я слышал. Разговоров о твоей персоне нынче много. А чем же ты черни не угодил, чем насолил?

— Виною все те же разговоры. Слух до них дошел, что я будто бы решил веру искоренить, приказы отдать, чтобы церкви под снос пошли. Вот и угрожают. Ты, однако, ясно солнышко, добродетель и спаситель, откуда появился?

— Так, залетными ветрами занесло. В отпуске я от Коллегии иностранных дел. Служу коллежским актуариусом. Скука невыносимая.

Они шли по территории Кремля. Кое-где уже велись подготовительные работы для будущей грандиозной

реконструкции. Производились замеры, выволакивали хлам из подвалов, готовили площадки для строительных материалов.

— Скука, говоришь? Вот и займись делом, помоги мне.

— Какой я тебе помощник? — отвечал Каржавин. — Я в художествах понятия имею, как свинья в клюквенном компоте.

— Кокетством не удивишь. Сие нам знакомо. Я тебе дело предлагаю. Мне твои другие способности позарез нужны.

Федор едва поспевал за Василием. Баженов, по всему видно, в стенах Кремля, где намечалось осуществление его заманчивых идей, чувствовал себя хозяином. Походка широкая. Жесты решительные. Голос уверенный.

Подходили к колокольне Ивана Великого.

— Некоторые склонны винить меня в неуважении к древностям, — продолжал Баженов. — Глупость все это. Может, я древности больше, чем кто другой, почитаю. Ветхости снесу — это верно. Трупам не место среди живых. От них зловоние и болезни всякие. Мышей и тараканов плодят. А что до подлинных зданий, кои ценность имеют и взор ласкают, то я не токмо посягать на них... я жизнь в них вдохнуть желаю, свежую кровь в каменные жилы влить. — Баженов остановился, простер обе руки к небу, где на фоне синевы и рваных облаков высилась колокольня Ивана Великого. — Вот! Сей столп красотой и русским достоинством блещет. Но оный старец в лекаре нуждается. Укреплять надобно. И срочно! Таких забот, Федор, у меня по горло. Но лекарство мне не в тягость. Шутка сказать, сердце России лечим. Обидность в том, что до всего руки не доходят. Зализывать раны истории и рожать новое на зависть и удивление миру — это я могу. Это по мне. Эх, кабы только этим и заниматься! Людей бы мне да

порядку побольше, без бумажного и прочего волокитства, тогда и дело пошло бы быстрее.

— А вроде сказывают, что ты к себе лучших мастеровых сманил...

— Люди есть. В советах нуждаются, но дело свое знают. В экспедиции по строительству состоят архитекторы Захаров и Бланк. Оные в рекомендации, сам понимаешь, не нуждаются. Люди с опытом. Определены для работы живописцы Морщинов и Некрасов, Иванами их зовут, художники Захар Урядов, Федор Стоянов, Михайло Максимов, прапорщик архитектуры Петро Гарязин. Ученики тоже имеются. В таком деле в них большая потребность. Есть и мастера иноземного происхождения. Столярных дел мастер Андрей Витман, кирпичных — Гильденбрахт, по скульптурам — Иоганн Юста... Словом, есть люди.

А вот о Матвее Казакове особый сказ. Он моя правая рука, заместитель. Талантище! А как аккуратен! Мы с ним сызмальства в архитектуре, еще при Ухтомской команде вместе состояли. На него я как на себя положиться могу. Коли случится что, он продолжит.

Да что там говорить, для такого-то дела люди всегда найдутся. А ежели не веришь, то плохо ты знаешь россиян. Вот увидишь, когда молва еще пуще разнесется, люди из дальних краев потянутся. Придут и скажут: «Научи, что делать надо». А чему учить? Как учить? Кому учить? Вот в чем вопрос!

— Мне сейчас наука во как потребна! — схватив себя за горло, отчаянно воскликнул Баженов. — Не усадьбу барскую строить затеяли. Сие понимать надо. Тут не токмо исполнители, помощники нужны, как Казаков. Ему бы в пору своим делом заняться, славу добывать, а он — нет, полезность общего за свое почитает. — Баженов резко остановился, вцепился в плечи Каржавина. — Помоги... Пойми, Федька, сие мечта жизни моей! Как друга прошу, колени готов преклонить. Помоги!..

— Эко тебя занесло. Однако успокойся, не тряси ты меня, так недолго и душу вытрясти. Слезно просить и тянуть уговорами, а то и за подол — не надо. На сантименты не податлив. Сам знаешь. Лучше говори все как есть, а главное — показывай. Коли увижу, что дело стоящее, сам попрошусь.

И они направились к Петровскому арсеналу, где Баженову была отведена зала для работы над проектом. Здесь он и жил, так как работал много, не считаясь со временем. Свет в его стрельчатых окнах, выходивших к древней стене, нередко горел до утра.

Идея генеральной реконструкции Московского Кремля возникла не вдруг. Эта мысль витала в сознании Баженова давно. Но Василий не решался высказывать ее вслух, а тем более надеяться на ее реальное воплощение. Слишком дерзким это казалось, маловероятным. Но постепенное осознание своих сил и возможностей, а также целый ряд сложившихся обстоятельств заставили Баженова сделать это признание. Обстановка и в самом деле благоприятствовала. Комиссия по градостроительству с каждым годом набирала силы, выступала со смелыми предложениями. Архитектор Никитин со своей «командой» строил по новому плану Тверь, сгоревшую в 1763 году. В Москве возводили величественный ансамбль Воспитательного дома. Велась другие строительные работы. Екатерина «заболела» архитектурой. Этим решил воспользоваться Григорий Орлов. Он делал попытки восстановить свои утраченные позиции при дворе, потеснить деятельного Потемкина. Поэтому Орлов посоветовал Баженову разработать проект необычный, дерзкий, чтобы затем через него,

Орлова, предложить императрице начать строительство здания, которое вызовет всеобщий интерес.

Баженов ничего не обещал, но от предложения не отмахивался.

В Москве шло обследование традиционных царских вотчин, дворцов, а также казенных сооружений, предназначенных для чиновников, правительственных учреждений. Баженов принял в этом активное участие. Это дало ему возможность познакомиться с конкретными задачами, которые стояли перед архитекторами, увидеть в градостроительном деле «слабые места», поразмыслить над будущим проектом.

Обследуя Коломенский деревянный дворец, построенный в XVII веке, зодчий пришел к заключению, что он сильно обветшал и его следовало бы «не замешкав разобрать, чтоб по великой ветхости не мог вскорости сам собою повалиться...». Это заключение перекликалось с тем, на что ранее указывали архитектор И. Мичурин и плотничный мастер Эрик. Осуществляя еще в 1763 году опись ветхостей Коломенского дворца, они замечали, что «починкою исправить того дворца невозможно», и тоже предлагали разобрать его. Предложений, в том числе по переделке и починке дворца, было много. В конечном итоге Екатерина велела старый дворец «разобрать бережно», чтобы сохранить ценные породы дерева и построить новый, опять же деревянный. По планам императрицы депутаты «Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» должны были собраться в Москве и начать работу в Кремле. Однако пригодных помещений для этого оказалось недостаточно. Многие кремлевские строения обветшали. Необходимо было приступить к сооружению в Кремле здания Присутственных мест (коллегий), так как старые дома приказов практически вышли из строя. В связи с предстоящим приездом в Москву Екатерины II обсуждался также вопрос о

реставрации и приведении в надлежащий вид кремлевских дворцов или строительстве нового здания, которое бы стало достойной резиденцией царской семьи. Эти планы возникли не вдруг. Еще в 1730 году архитектору Медянкину и чиновнику Савелову было поручено «учинить опись всем кремлевским ветхостям и повреждениям». Результаты обследования показали, что многое нуждается в ремонте и даже перестройке. С тех пор все чаще ставился вопрос о реконструкции Кремля и, в частности, о строительстве дворца.

Работа в этом направлении шла полным ходом. Разрабатывались варианты новых строений и реконструкции старых зданий, искали подходящий строительный материал, составляли сметы.

Баженов дерзнул предложить свой вариант дворца. Но только иных масштабов: «...из простой перестройки он создал исполинскую архитектурную затею, сводившуюся к застройке всего Кремля одним сплошным дворцом, внутри которого должны были очутиться все кремлевские соборы с Иваном Великим».

Идея Баженова потрясла Орлова, но он усомнился в реальности столь грандиозных планов.

Зодчий, увлеченный своими проектами, возбужденно пояснял:

— Обратите внимание, светлейший граф, что, сомневаясь в себе, своих возможностях, мы в то же время спокойно дивимся древностями. Чудесами света их называем. Но ведь они не возникли сами собою, а создаваемы были трудами человеков. Храм Дианы Эфесской народы Азии 220 лет строили. Дивимся мы великолепностям города Пальмиры, стенам вавилонским, мостом на реке Евфрате, пирамидами, кои землю отягчают. Но что мешает нам умножать сии великолепности, украшать землю отечества нашего своими чудесами? Заботы мои о Кремле весьма не случайны, — еще более увлеченно продолжал

Баженов. — Отсюда государство наше пошло. Здесь гордость русская родилась в битвах с дикой ордою. Здесь слава народная, его душа. Здесь — сердце России!

Архитектор предложил Григорию Орлову посмотреть черновой план строительства.

— Знатнейшие особы за привычку взяли, навещая град первопрестольный, остановки на Язуе в Головинском дворце делать. Сей большой, но дурной домина, осмелюсь сказать, не место для них. Разве что по нужде, за неимением лучшего. — Орлов попытался было что-то сказать, но Баженов решительно остановил его: — Знаю! Знаю, светлейший Григорий Григорьевич, что архитекторам Бланку и Жеребцову Бецким велено местечко при Кремлевском дворце в Набережном саде подыскать и проект дворца учинить. Только сей домина, как бы хорош ни был, погоды не сделает. Жить в нем в окружении хламу и смраду — довольствие малое, честь не великая. Здравому телу приличествует здравый дух иметь, крепкое сердце. А посему надобно прежде профилактикою заняться. Затем учинить проект, гордостью русской диктуемый, чтобы встал из древности Кремль во всей красе своей и величавости, во всей огромности и силе. И узреют тогда народы европейские не свои, а наши великолепности. Поймут, что не токмо на поле брани сильны мы, но и в художествах. Художества — вот ландкарта народности. Матушка наша российская в покровительстве художествам весьма преуспела. Потому и слава гремит о ней. И быть этой славе в веках, ежели мы, ее верные слуги, сие благорасположение к искусствам на пользу великого дела употребим...

Орлов приехал просить и ходатайствовал перед императрицей. Государыню привлекла не только сама идея возведения грандиозного дворца. Она усмотрела в этом и политическую важность. В Европе в это время распространился слух, что Россия испытывает

экономические трудности. И это накануне войны с Турцией! Для Екатерины важно чем-то развеять нежелательные слухи, вселить уверенность в состоятельность государства, успокоить союзников. Грандиозные планы Баженова, если к ним привлечь внимание, безусловно, могли способствовать этому.

Баженов работал много, торопился. Делал наброски, планы, чертежи. Рвал, злился, начинал заново.

Сохранившийся чертеж, помеченный Баженовым как «Первая идея архитектора», свидетельствует о том, что зодчий нашел решение ансамбля не сразу. Первоначально дворец имеет у него форму растянутого полуовала. Вогнутая сторона обращена к Москве-реке. При таком расположении дворец не задевает кремлевской стены, однако он вплотную примыкает к Архангельскому и Благовещенскому соборам, поэтому центральная его часть сужена. Такое решение требовало сложных реконструктивных работ. Кроме того, новый дворец при такой планировке подавлял старые строения и, будучи расположенным на высокой точке, закрывал их со стороны Москвы-реки.

В последующих предложениях Баженов постарался учесть все эти обстоятельства и недостатки первоначальной планировки.

Баженов, переходя от одного чертежа к другому, пояснял Каржавину:

— Решил я все древности кремлевские в единый ансамбль объединить. Центром его замыслил я площадь с амфитеатром для народных собраний. Здесь же —obelisks и триумфальная колонна, а по сторонам сего венца конные фигуры трубящих слав. Отсюда — дороги к воротам Кремля, во глубину России, дороги на

Петербург, Ярославль и Владимир. Не крепостью неприступной мыслю себе я Кремль, в коем от врагов когда-то удобно было скрываться, а местом добродетели, просвещения и славы народной. Посему намерен красоту его обернуть лицом к первопрестольной столице.

Парадный дворец протяжением более 300 сажений расположил я на холме, над Москвою-рекою, взором к Замоскворечью. Его место — площадь, от восточных — Спасских до западных — Троицких ворот. Главный фас — от Водовзводной башни до Свибловской стрельни. Флигеля я соединил с одной стороны с домом Сената, с другой — с Арсеналом. Вообще же сие грандиозное здание треугольную форму имеет, как и само кремлевское городище. Окружность его более трех верст.

От Арсенала вдоль Неглинной расположил я здание Коллегии. На южной стороне — террасы, уходящие к реке. На обратной же стороне — циркумференция с четырехступенчатым цоколем и лесом колонн, что несомненную живость и красоту придаст. Колонны же я намерен обильно употребить и со стороны Красной площади.

Посредством площадей, дворов, колоннад, амфитеатров я желаю все кремлевские строения, как старые, так и новые, в стройную систему привести и сей ансамбль со всею Москвою соединить. Для сего строения избрал я в основном формы античных ордоров — ионический, коринфский, дорический. Ибо они более всего гармонию создать могут, связать огромности зодчества с фигурою человека, не роняя достоинства строений и не принижая их создателей. Таковые закономерности, природой диктуемые, лежат в основе великих построек...

К лету 1768 года Баженов закончил работу над эскизами, приступил к самому проекту реконструкции, к созданию большой модели Кремлевского дворца. Началась также подготовка к строительству. В июле была уже учреждена специальная экспедиция по сооружению дворца. Во главе ее — генерал-поручик Измайлов. Главным архитектором был назначен Баженов с жалованьем 600 рублей в год. Василий Иванович привлек к работе талантливых архитекторов и мастеровых, главным образом бывших воспитанников Ухтомского. Так он создал свою «архитекторскую команду», которая постепенно должна была разрастаться и состоять как минимум из 78 человек. Баженов хлопотал, чтобы для них была учреждена особая форма, составленная по его рисункам. В альбоме Каржавина есть краткое описание этой формы: «Архитекторский мундир: кирпич и раствор; кафтан серого цвета с отворотами и обшлагами и с воротником кирпичного цвета; камзол и штаны кирпичного цвета. Темляк и эполет золотой».

Большое значение Баженов придавал изготовлению модели, ибо считал, что это позволяет судить о достоинствах здания, его недостатках, а посему «почитается уже половиною практики». Кроме того, он видел в этом большое воспитательное значение: работа над моделью приучает людей к аккуратности, позволяет глубже понять замысел автора, учит высокому строительному мастерству.

Василий Иванович добился, чтобы на изготовление модели пошли ценные породы древесины от разобранный по ветхости Коломенского дворца.

После тщательного обследования кремлевских строений и детальной разработки планов строительства

члены экспедиции приступили к составлению сметы. По предварительным подсчетам, должно было потребоваться 20 или в крайнем случае 30 миллионов рублей. Архитектор Кампорези, которому затем было доверено перепроверить эти данные, утверждал, что строительство обойдется почти вдвое дороже, что только одна парадная лестница будет стоить не менее 5 миллионов. Это было удивительно. Сметы обычно завышают, а не занижают... Баженов этого не сделал. Он понимал, что строительство и без того обойдется недешево, а посему где можно сэкономил, сводил стоимость работ к теоретически возможному минимуму. При рассмотрении сметы специалисты и чиновники обвиняли Баженова в идеализме, отсутствии опыта. Но, как бы там ни было, работы продолжались. Казной были скуплены несколько частных кирпичных заводов. У Андреевского монастыря близ Воробьевых гор и на Калитниковском поле начали вырабатывать специально для кремлевского строительства черепицу и отличный кирпич. Разведали и взяли на учет прекрасный строительный камень на берегах Оки и Осетра, недалеко от Зарайска. Завезли камень из Люберец и села Хорошова. Архитектор Казаков выехал в Серпуховской уезд для осмотра имеющегося там мрамора. О мраморе «больших мер» послали запросы в другие места.

Была составлена «Инструкция Экспедиции кремлевского строения». Ее разработал в основном Баженов. Строки документа интересны тем, что они проливают некоторый свет на архитектурные принципы Баженова:

«1. Стараться вам всячески надлежит, чтобы новым строением не повреждено было строение старое, а именно: 1. Собор Успенской. 2. Собор Архангельской. 3. Собор Благовещенской. 4. Грановитая палата. 5. Красное крыльцо. 6. Теремы или старый летний дворец. 7.

Стретенский собор. 8. Покои, построенные покойною императрицею Елисавет Петровною. 9. Ивановская колокольня и особливо того наблюдать, чтоб сих строений фундаменты отнюдь ничем тронуты не были. Сие примечено уже в Италии, что старинные строения и оттого иногда упали, когда новые строились в расстоянии двадцати и более сажень от строений старых».

В следующих пунктах инструкции внимание обращено на качество материалов и самого строительства. Есть и конкретные указания, профессиональные советы: «Известь обыкновенно бывает вязче и лучше к строению, если она по заморений долго лежала, и потому надобно заготовлять ее ныне сколько можно более и заморя беречь в ямах». И далее: «...как возможно стараться чтоб с самого фундамента основывать новые строения крепче», «чтоб кирпичи не инако были сделаны как из такой глины, из которой чрез несколько уже лет, а не в один год сырость была выжата морозом, а кирпичи делать по задаваемым от архитектора образцам».

Забываясь о том, чтобы строительство обошлось по возможности дешевле, Баженов вместе с тем в инструкции советует к экономии относиться разумно, не наносить ущерба качеству во имя дешевизны: «...не всегда по подрядам те работы лучше, которые дешевые и для того повелеваем вам взирать более на доброту, нежели иногда на дешевизну».

Дело продвигалось. Но слишком много времени стало уходить на всякие проволочки, переписку.

— Поверишь ли, Федор, — возбужденно рассказывал Баженов Каржавину, — я в каком-то дурацком положении нахожусь. Вроде бы главою строительства определен, а прав почти никаких. Люди идут ко мне с просьбами, а я не могу им ничего ответить, на все должен соизволение ждать. К тому же — это, ей-богу,

смешно — вынужден разным особам доказывать, и не на деле, а на словах, что я, прости господи, при своем уме. Многие мои предложения чины разные в штыки принимают. Мол, так не принято у нас. Да еще слухи распространяют, что опытности во мне нет. Вот и приходится доказывать, что то или се доселе не принято было потому, что и строить не доводилось ничего подобного. А мне-то ведь виднее — что надобно и чего ненадобно. Приходится азбукою заниматься, даже доказывать, что мне при строительстве лекарь нужен, потребны люди со знанием диалектов, чтобы полезные книги переводили, помогали людям наукам учить, поспешествовали общениям с мастеровыми иноземного происхождения. Надо в умы вдолбить, что сие строительство не приемлет такой методы — тят-ляп и... слепили.

На оной стройке разные поколения не токмо трудиться, но и учиться должны. Сие должна быть академия строительных наук, фундамент будущего архитектурного процветания России. Я как мыслю... Кремлевские строения — это токмо начало реконструкции Москвы. Когда сердце города излечим, тогда, глядишь, и все тело оздоровим. Затея грандиозная, она меня десять раз переживет. Стало быть, не токмо во мне дело, заботы общие. Сие хлопоты многих поколений. Ну а пока я вынужден с малого начинать, доказывать свою причастность к архитектуре, что я ею сызмальства влеком и множество разных опытов при строениях имею.

Каржавин не перебивал. Молчаливо перекладывал листы с эскизами, набросками. Лишь изредка исподлобья бросал взгляды на Баженова, который временами вроде бы даже забывал о своем собеседнике и, как-то странно скорчившись, засунув руки под мышки, метался по зале, размышляя сам с собой.

— Где нет хозяина, там нет и порядку, только одна видимость, что порядок. Когда хозяев много, то получается, что их совсем нет. Ибо строгостей много, а толку мало. Каждый командует по своему разумению, кто в лес, кто по дрова, а дело стоит, а я мечусь, вот как сейчас, перед каждой влиятельной особой оправдание держу, бумаги отписываю, целые фолианты отчетов составляю. Добро бы о деле шла речь, а то так... Разумно ли это? Я мыслю так: доверено — баста.

Хоть и более кто чинами, но командовать мною по пустякам и особливо касательно строительных дел — сие не дело. Ежели по всякому вводу я должен согласия в дальних переписках искать — тоже глупость. Кто должен быть за все в ответе? Я! С меня и спрос. Так зачем же обременять ненужностями и недоверием? Кому от этого выгодность? Кому, позвольте спросить, выгодно, что я много времени попусту трачу, что люди, при строительстве определенные, казенные деньги получают, а само дело за неразумностью организации замедленный ход имеет? Ведь получается, что от этого и расходность растет. Вот ты, Федор, в этих науках ученость имеешь. Так скажи, не глупость ли это?

— М-да, — задумчиво произнес Каржавин и загадочно улыбнулся. — Ладно, уломал ты меня. Вели казенную бумагу писать. Остаюсь. На досуге поразмыслим, может, чем и помогу.

Баженов подал ходатайство о необходимости пополнить штаты Кремлевской Экспедиции и архитектурной команды. И не только за счет архитекторов, художников, мастеровых. Он нуждался также в людях, хорошо знающих математику, иностранные языки. «Теперь я приискал одного, учившегося в чужих краях 13 лет сперва на своем коште, а потом несколько годов и на казенном, — писал Баженов начальству, — а содержание его последнее было бы зависимо от Коллегии иностранных дел, откуда

он имеет и отпуск с награждением чином коллежского до приискания себе в другом месте службы. Ныне он желает быть при мне в помощниках; должность его и знания не в чертежах и не в рисунках, но именно в рассуждениях о математических тягостях, в физике, в переводе с латинского, французского и с эллино-греческого языка авторских сочинений величавых пропорций архитектуры, да и, впрочем, что в таком величайшем здании, каково будет кремлевское здание, да и по нынешнему при модели делу такого человека иметь весьма нужно и необходимо для рассуждения математических правил и примечаний; и так, чтобы не упустить его куда в другую команду, я имею честь Экспедиции Кремлевского строения одного коллежского актуариуса Федора Каржавина представить, чтобы благоволила его принять для вышеописанных резонеров, и определить с жалованьем на 1-й случай, как 1-го класса помощнику, и ко мне его прислать».

Вскоре после приезда в Москву Баженов женился. Его супругой стала Аграфена Лукинична (до замужества) Красухина.

К сожалению, о жене архитектора, их детях, да и вообще о семейной жизни Баженовых сохранилось чрезвычайно мало сведений.

Аграфена Красухина была единственной дочерью каширского дворянина, рано умершего в чине сержанта. В их небогатом имении всеми делами ведал «невесть откуда и как назначенный опекун» С. С. Галдилин, человек жадный, с авантюрными замашками. Он мечтал окончательно завладеть имением Красухиных, пользуясь безропотностью и кротостью законной наследницы. Галдилин, жаждущий, кроме того, карьеры, умудрился

каким-то образом в Комиссии по составлению нового уложения, которая начала свою предварительную работу в Москве с июля 1767 года, быть представителем сразу от двух сословий. Аграфена и ее опекун жили в это время в доме Каржавиных, в Замоскворечье. Кстати, именно в этом районе города, на берегу Москвы-реки, напротив Кремля, обосновался затем и Баженов. Будучи в Москве, он навещал Каржавиных, где и познакомился со скромной девушкой. Между Аграфеной и Баженовым с первого знакомства возникла любовь. Вскоре они поженились.

НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Императрица Екатерина Алексеевна, как и многие ее современники, уверовала во всемогущество разума. По этому пути она устремилась к Олимпу славы.

«Я начала читать, потом писать Наказ Комиссии Уложения, — сообщает Екатерина. — Два года я и читала и писала, не говоря о том полтора года ни слова, но следуя единственному уму и сердцу своему с ревностнейшим желанием пользы, чести и счастья империи». Свой выбор она остановила на философских трудах Монтескье. Его смелые мысли соответствовали ее решительному настроению. Этот сторонник дворянско-конституционной монархии напал на основные пороки, порождаемые неразумной организацией человеческого общества. Его главный труд — книга «О духе законов» стала «молитвенником» Екатерины. Она признавалась: «Для пользы своей империи я обобрала президента Монтескье, не называя его, надеюсь, что если с того света он увидит мою работу, то простит этот литературный грабеж для блага двадцати миллионов людей, какое из того должно последовать». Однако Екатерина не только «обобрала» прославленного философа, но и основательно «отредактировала» его.

Монтескье выступает против «злоупотреблений власти». Он пишет: «Если в руках одного и того же лица или учреждения власть законодательная соединена с исполнительной — свободы не существует». Этот аргумент императрицу не устраивает. И она логично, как ей кажется, доказывает разумность противоположного: «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит». «Всякое другое правление не

только было бы России вредно, но и вконец разорительно».

Оправдание своей монархической позиции Екатерина находит и у западных философов. Она учится у Вольтера примирять свободу с могуществом абсолютной власти. «...все прочие, — пишет она в 1764 году, — медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеют, которые все к раздроблению власти и силы влекут, нежели одного государя, имеющего все способы к пресечению всякого вреда и почитающего общее добро своим, собственным».

Екатерина строит для себя следующую формулу: произвол — это бесчеловечно. Миром должен править разум. Но его должен кто-то олицетворять. Вольтер учит, что таковым должен являться просвещенный монарх — верховный судия и покровитель справедливости, честности, разума. Таким образом, Екатерина с помощью авторитетных философов решает давнишний спор о том, что такое «хороший царь» и почему самодержавная власть может быть наилучшей формой правления.

У Вольтера, между прочим, Екатерина нашла и то, что, по ее мнению, недоставало у Монтескье, который выдвигал слишком общие тезисы, подвергал многое жесточайшей критике, из чего почти следовало, что надобно все радикально менять. Вольтер не столь мрачен. Он признает абсолютную власть и допускает возможность свобод, в том числе свободу нравов, предлагая, как дотошный лекарь, лечить конкретные язвы на теле общества.

Так в своем Наказе императрица помирила Монтескье и Вольтера. Теперь ей предстояло запастись лекарствами для лечения язв. В этом деле большую услугу ей оказал другой философ — итальянец Беккарий. Почти вся десятая глава Наказа «Об обряде криминального суда», посвященная уголовному праву и

исправлению нравов, — это мысли, взятые из книги Беккария «О преступлениях и наказаниях». Этот философ во многом расходится с Монтескье и ближе к идеям Руссо, которому Екатерина покровительствовала, но произведения коего не всегда почитала. Беккарий выступал в защиту угнетенного большинства, против привилегий дворянства. Однако Екатерина умудрилась и на сей раз найти примиренческую стезю, встав на абстрактную позицию «блаженства всех и каждого». Она проповедует в Наказе всеобщее человеколюбие и терпимость, выступает против пыток, за гласность суда, за «приведение в совершенство воспитания», за широкое распространение просвещения. «Преуспев, по мнению моему, в сей работе довольно, — пишет Екатерина, — я начала казать по частям, всякому по его вкусу, статьи, мною заготовленные, людям разным...» Первоначальное знакомство «по частям» и «по вкусу» — это был тактический прием. Наказ был составлен так, что различные его страницы отвечали вкусам, запросам и умонастроениям самых разных людей. Такой метод прочтения пропагандистски был выгоден. У представителей разных сословий создавалось впечатление, что императрица разговаривает с ними на понятном для них языке, читает их сокровенные мысли. Общественное мнение сложилось благоприятное. Оно распространилось и за пределы России. Екатерина велела разослать отдельные перепечатанные или переписанные от руки главы Наказа писателям, философам, просветителям с мировыми именами. Их авторитет и осведомленность о новшествах в России были нужны ей для пропаганды своей деятельности. Цель была достигнута. Екатерина популярностью затмила всех своих зарубежных коллег. В письме к российскому посланнику в Париже Дмитрию Голицыну Вольтер писал: «Людовик XIV, расточавший свои щедроты писателям в Европе, стоит много ниже вашей

Государыни: он требовал указания ему повсюду достоинств, а Императрица сама с ними ознакомилась. Веления своего сердца она подчиняем советам разума. Желая, чтобы царствование ея было столь же продолжительно, как оно делает его достославным».

«Блаженство каждого и всех» — золотые медали с такой многообещающей надписью были выпущены специально для избранных депутатов, которым надлежало ознакомиться с Наказом и на заседаниях созданной комиссии разработать и утвердить новое уложение. Делегаты были избраны от всех сословий, государственных учреждений и органов власти, пахотных солдат, крещеных и некрещеных нечочующих народов, за исключением помещичьих крестьян. Они съехались в Москву в 1767 году, 30 июля приняли в Успенском соборе присягу, а затем под командованием генерал-прокурора Вяземского отправились в Коломенский дворец. Здесь начались заседания, «при каждой статье родились прения».

Горы бумаг, протоколов, записок, докладов, предложений росли не по дням, а по часам.

17 августа в комиссию пришло пополнение из числа гвардейцев. В их числе был и Николай Новиков. Он стал вести «дневные записки в комиссии о среднем роде людей». Эта нелегкая, кропотливая, но интересная работа, к которой Новиков относился с увлечением, по существу, в дальнейшем и натолкнет его на журналистскую и издательскую деятельность.

Дебаты разгорались. Депутаты осмелели, вошли во вкус. Екатерина с тревогой следила, как «они более половины того, что написано мною было, помарали». Гражданское возбуждение нарастало. Генерал-губернатор Малороссии Румянцев предлагал «пройти со вниманием течение минувших времен и рачительно разыскать все причины, вредившие общему благоденствию и силе законов». Пахотный солдат

Жеребцов требовал всеобщего образования. Дворянин Григорий Коробьин настаивал на крестьянской реформе, оправдывал крестьян-беженцев. Одни отстаивали свою «породу», другие, как Иван Смирнов, требовали, «чтобы дворянство и преимущества оно не доставались по наследству, но чтобы всякий старался достигать их по заслугам. И судить дворян следует по законам, которые установлены для всех других людей в государстве».

Споры затягивались. Они даже успели изрядно поднадоесть императрице. Она, видимо, рассчитывала больше на парадный триумф затеянного ею мероприятия и никак не думала, что жизненные проблемы намного сложнее, запутаннее, прозаичнее, чем философские умозаключения, изложенные в Наказе. К тому же в комиссии стали поговаривать о частичном ограничении монаршей власти и расширении правительственных прав. Некоторые депутаты отошли от вольтерьянства, их позиция была в русле руссоизма. А это уже совсем никак не вязалось с настроением императрицы. Делить с кем-то еще лавры славы — это не входило в ее планы. К абсолютной власти она быстро привыкла.

Чересчур бурная деятельность комиссии и туманный, мечтательный либерализм, изложенный в Наказе, вошли в явное противоречие с планами Екатерины. Но отказаться от фолианта, который успел так сильно нашуметь и принес ей мировую славу, — это было выше сил императрицы. Оставалось признать его ценность, но лишить Наказ законодательной силы. «...и остался Наказ Уложения, — пишет Екатерина, — яко напечатан, и я запретила на онаго инако взирать, как единственно он есть: то есть правила, на которых основать можно мнение, но не яко закон, а для того по делам не выписывать яко закон, но мнение основать на одном дозволено». В декабре 1768 года штаты комиссии намного сократились, депутаты были распущены. Им

туманно пообещали, что созовут вновь, когда появится такая необходимость.

Случай для ограничения деятельности депутатов представился удобный и аргумент, в общем-то, убедительный: на Россию напала Турция, началась война, которая призывала людей выполнить свой первейший гражданский долг.

Однако, несмотря на обманутые надежды, деятельность комиссии сыграла огромную роль. В России наметилась тенденция к раскрепощению мысли, к осмыслению социальных проблем, к бурному развитию критики.

Этим настроениям поддался и архитектор Баженов. Он стал больше интересоваться политикой, чаще читать журналы, книги по философии. В письмах, которые зодчий направлял императрице, появились нотки требовательности.

Баженов писал: «Вверенное мне в.и.в. производство столь огромного в Москве здания должноствовало, по званию моему, упражнять все мои мысли и тщание. Я обязан, однако ж, по несчастью, употребить вместо того большую по моей непривычке часть времени на чтение указов и писание моих представлений. Едва строение началось, а уж у меня стопы дел накопились. Такое начало заставляет меня опасаться, чтобы сия переписка не сделалась со временем единственною моею работою и чтобы я, отстав потому совсем от своей должности, не был причиною какого-либо несчастного приключения. Сие опасение побудило меня прибегнуть к монаршему в.и.в. престолу и всеподданнейше испрашивать, для освобождения меня от всяких переписок, высочайшего вашего соизволения, чтоб все от Экспедиции поручено мне было впредь на словах и словесные ж мог я чинить ей требования и представления».

Забот на Баженова свалилось действительно много, и архитектору было не до бумажного волокитства.

Архитекторская команда, руководимая Василием Ивановичем, стала крупным художественным центром первопрестольной столицы. И занимались здесь только практическими работами. Баженов мыслил широко и перспективно и потому на людей, состоящих при кремлевском строении, смотрел не просто как на временных исполнителей своих замыслов. Члены «команды» под руководством мастеров учились рисовать, плотничать, лепить, готовить модели, понимать чертежи и схемы-проекты. Они изучали механику, физику и математику, которые преподавал Каржавин, знакомились с историей архитектуры и прочими науками, «до строительства относящимися». Хлопот в этом плане было много. Часто приходилось с боем выбивать помещения для занятий, ходатайствовать о более или менее сносном материальном положении бедных учеников, выходцев из «черни». На своих учениках Баженов даже изрядно разорился. Он «для их обучения выписывал нужные книги, покупал эстампы, редкие картины и все, что касается до художества, из своего и заемного избытка».

Большое значение Василий придавал подбору кадров будущих строителей. В свободные часы он бродил по московским переулкам или уезжал за город, подолгу наблюдал за кладкой деревянных изб, за работой мастеровых. любовался изящно изготовленными наличниками, резьбой по дереву. Случалось, что Баженову удавалось переманить к себе способных мастеров, народных умельцев. Такие заботы в отличие от канцелярщины были ему по душе. Приятные хлопоты другого порядка — это подготовка к изданию учебников по строительному делу на русском языке. Каржавин, прекрасно владевший иностранными языками, проделал в этом смысле колоссальную работу. Федор занимался переводами. Василий редактировал, писал статьи и комментарии.

Начали с того, что Каржавин перевел две книги Витрувия из его знаменитого трактата «Десять книг об архитектуре». Затем был сделан перевод с французского по Перро «Сокращенный Витрувий, или Совершенный архитектор». «Соавторы» сопроводили эту книгу «Словарем архитектурных речений, собранных при модельном доме в Москве». Параллельно с этим Баженов подготовил к изданию заметки о творчестве архитекторов разных времен: «Мнение о разных писателях, которых сочинения об архитектуре у нас ежедневно в руках бывают».

Все эти работы, а также «Изъяснения» Баженова относительно кремлевских строений — неоценимый вклад в развитие теории архитектуры.

В архитектурской команде Баженова царили оживление, дух приподнятости. Ученики с интересом изучали науки, каждодневно помогали Баженову в работе над моделью.

Однако в вопросах обучения с самого начала многое было сопряжено с трудностями. Не хватало чертежных досок, грифелей, книг, учебных материалов и пособий. Денег на это никто не отпускал. Приходилось выкраивать, выкручиваться, полагаться на энтузиазм. Должности учителя в команде не было. Поэтому занятия проводили, в том числе Каржавин и Баженов, без оплаты. Успешно и планомерно шла работа лишь над кремлевской моделью. Даже в незаконченном виде она стала известной достопримечательностью Москвы. На нее приходили любоваться писатели и иностранные дипломаты, видные ученые европейских академий и прочие почетные гости первопрестольной столицы.

Модель впечатляла всех, даже и людей, которые к баженовскому проекту были настроены скептически или недоверчиво. Поражало многое. И техника изготовления, и сами размеры модели. Они были таковы, что во внутренних дворах могли разгуливать несколько

человек. В своих пропорциях модель математически точно соответствовала размерам будущего дворца.

Фасад главного корпуса задуманного Баженовым дворца имел сложное членение: два нижних этажа объединены сплошной горизонтальной руставкой и карнизом. Они отделяют верхние этажи. Первые два этажа — это своего рода постамент для двух верхних. Они объединены декоративным убранством и колоннами в одно целое. Антаблемент украшен скульптурой. Его поддерживают четырнадцать колонн. По обе стороны центрального выступа по десяти колонн. За ними — двухколонные выступы. В нишах стен изящные вазы. Весь фасад центрального корпуса являлся, таким образом, как бы богатейшей и красивейшей архитектурной декорацией. Внутренний фасад главного корпуса, выходящий во двор, имел почти такое же богато декорированное оформление.

Впечатлительна была циркумференция — огромный полуциркуль с высоким четырехступенчатым цоколем, с многочисленными мраморными колоннами.

Циркумференция соединялась с главным корпусом. В этом месте — подъезд с тремя красивыми арками. Богато декорированный вход обрамляли колонны. С другого конца циркумференция соединялась с театром. Особенный эффект производил его парадный вход, от которого сбегали широкие пересекающиеся лестницы. Стены театра украшены ионическими колоннами.

Не менее эффектно и внутреннее оформление, особенно центрального зала дворца, впечатляющего своими размерами. В углах — мощные колоннады, состоящие из девяти колонн коринфского ордера из финляндского розового гранита. Стены отделаны венецианским мрамором. Между окнами — скульптуры. Стены также украшены портретными медальонами и т. д.

Вестибюль дворца — это своего рода беседка из двенадцати колонн розового мрамора. За ними идет другой пояс колонн. Причудливо переплетаются мраморные лестницы. Вестибюль, как и центральный зал дворца, богато украшен скульптурами, гирляндами; на стенах — мозаика, фрески, разнообразные лепные украшения.

О модели и невиданном проекте заговорили с восторгом и завистью в европейских королевских дворах. Однако на пути к осуществлению общего замысла неожиданно возникла преграда. В Москве вспыхнула эпидемия чумы. Некоторые монастыри превратились в больницы. Хозяева дворов день и ночь жгли можжевельник и навоз. Вонючий дым стелился по всему городу. В городе усилились воровство, разбой и беспорядки. Архитекторская команда Баженова поредела.

Эпидемия чумы длилась до 1771 года.

Баженов приложил немало усилий, чтобы удержать оставшихся людей при строении. Это стоило нервов, дополнительных хлопот. Каржавин, глядя на самоотверженного и сильно измотанного заботами Баженова, как мог утешал, подбадривал. И все же от Василия не ускользнуло, что Федор временами сам впадает в уныние.

Каржавин признался:

— Виною всему не чума... Душно мне здесь, Василий... Да и тебе нелегко — разве не вижу. В похвальбах хоть и нет недостатка, но... что-то мало мне верится в успех одного мероприятия.

Баженов молчал. Устало и отрешенно смотрел в одну точку.

Ответил незлобно, тихо:

— Держать не стану. Коли душа не лежит, то поступай как знаешь. А за все, что сделал полезного, — покорно благодарю.

В конце 1771 года к строительству дворца все подготовлено. Требовалось согласие Московского сената на разборку строений в Кремле, чтобы можно было осуществить выемку земли под фундамент дворца.

Сенат дал свое согласие. К августу 1772 года площадка под центральную часть дворца была подготовлена.

«БАЖЕНОВ! НАЧИНАЙ. УСТУПИТ ЕСТЕСТВО»

Этими словами молодой Державин заканчивал стихотворение, написанное им по случаю грандиозной реконструкции Кремля.

На 9 августа 1772 года назначили торжества по случаю «вынудия первой земли». Баженов готовился к предстоящему «спектаклю» с большим вдохновением. Хотелось привлечь внимание к строительству, показать важность этого дела, использовать присутствие на торжествах высшей знати как своего рода гарантию, что проект будет осуществлен на практике.

Вдоль Москвы-реки, напротив Архангельского собора, где намечалось строительство дворца длиной более 300 саженей, было очищено место. Площадку размером 40 на 35 саженей украсили временные четыре столба дорического ордера, увитые зеленью. На них — аллегорические изображения Европы, Азии, Африки, Америки, свидетельствующие о «могуществе россов и величестве здания». В центре, на возвышении, — четырехугольная веранда — зала со столбами, на коих стояли обелиски с изображением частей света. Рядом — колонны чуть ниже, «высотой только до третьей доли», для «показания еще только начинающегося строения». На них тоже обелиски с изображением четырех древних царств — Московского, Казанского, Астраханского и Сибирского, а также «изображены были медальонами разные губернии империи Российской». На каждом столбе надписи.

На первом:

Могущество держав представив свету ныне,
На славу зиждет дом Москва Екатерине.

На втором:

Что в древность Греция и что мог Рим родить,
То хочет Кремль в своем величестве вместить.

На третьем:

Дианин красотой превзойдет храм Ефесский,
Примером в зданиях пребудет двор кремлевский.

На четвертом:

Приятней невских струй Московски потекут,
Минервы Росския жилища будут тут.

9 августа, с самого утра, вокруг Кремля стали собираться толпы народа. Баженов проснулся рано и не находил себе места. Все было готово, оставалось ждать назначенного часа и приезда знатнейших гостей. Но сидеть в ожидании без дела было как-то не по себе. Василий Иванович прохаживался из угла в угол, изредка обменивался репликами с Каржавиным, который просматривал старые номера «Санкт-Петербургских ведомостей».

— Все ли у нас на месте?.. Проверить бы... Да, пожалуй, схожу.

— погоди, — остановил Каржавин. — Не суетись. Все пройдет как по маслу... Я ручаюсь. — Федор небрежно отшвырнул чтиво, встал, достал из шкафчика вместительный кувшин и пару бокалов. — Выпей лучше винца.

— Нет, пойду прогуляюсь. Душно здесь. Нынче с самого утра парит, не быть бы грозе.

Гости постепенно съезжались. В дорогих каретах ехали Голицыны, Трубецкие, Урусовы, Одоевские, Долгоруковы, Волконские, Головины, Дашковы, Бестужевы, Храповицкие и прочие знатные особы.

Екатерина прибыла в Кремль в сопровождении свиты.

В Успенском соборе началась литургия. Наступила тишина. Она была торжественна и гнетуща. Баженов несколько секунд не мог сдвинуться с места, его ноги словно налились свинцом, лицо покрылось красными пятнами, на лбу выступил пот. Наконец он неторопливо направился к столбу Европы и «учинил торжественное начало рву».

Прогремело троекратное «ура!». Зазвонили колокола. Обстановка разрядилась. Знатные особы последовали примеру архитектора, положили начало земляным работам. Баженов увлекся. Продолжал расшвыривать землю, словно задался целью вырыть сразу же весь котлован под фундамент будущего дворца. Его поспешил унять начальник Кремлевской Экспедиции, генерал-поручик Измайлов.

«И КРЕМЛЬ УКРАСИТСЯ СВОЕЮ НОВОЙ ДОЛЕЙ»^[3]

Прошел год. Для Василия Баженова он был напряженным. Минувшие торжества еще больше воодушевили архитектора и его коллег, послужили громкой рекламой, но именно это имело и свои отрицательные последствия. Баженова часто использовали в роли экскурсовода. Модельный дом в Кремле превратился в своего рода музей.

И все же работа шла, и весьма интенсивно. Были разобраны Тайницкая башня, часть кремлевской стены и ряд строений на площади, уложены дороги для подвоза строительных материалов, вырыты котлованы под фундамент. Одновременно с этим Баженов продолжал вносить частичные изменения в планы построек.

Измайлов предложил перевезти модель в Петербург, чтобы с помощью наглядности окончательно рассмотреть и утвердить проект. Баженов согласился. Ему не терпелось приступить к самому строительству, чтобы наконец прекратить бесконечные переделки.

Осмотр модели состоялся на Исаакиевской площади. Проект наконец утвердили. Модель разобрали и снова перевезли в Москву. На 1 июня 1773 года были назначены торжества по поводу «положения первого камня».

Вновь начались волнующие хлопоты.

На Кремлевском холме возвели портал дорического ордера с четырьмя колоннами — символами времен года. От этого места к Тайницкой башне вела лестница «о сто шестидесяти пяти ступенях к пласу». Здесь Баженов велел соорудить храм славы с четырьмя арками — «что значило четыре части света». Под арками — зарифмованные лозунги о могуществе России. В нишах

храма установлены бюсты четырех стихий: воздуха, огня, воды и земли. На огромных щитах — эпизоды сражений: чесменская битва, поражение турецкого флота, отчаянная борьба за Бендеры. И везде пояснительные тексты — стихи.

Члены архитектурской команды — в одинаковых платьях, изготовленных по рисункам Василия Ивановича. Среди них брат архитектора, Дмитрий Баженов.

Парапет, лестница и плас покрыты алым сукном. Колонны, статуи, бюсты увиты лаврами. В строгом порядке расставлены гвардейцы в парадных мундирах.

В ярких лучах утреннего солнца, под голубым куполом июньского неба, на фоне белокаменных соборов и колокольни Ивана Великого получилась весьма внушительная театрализованная композиция. Сценарий продуман до мельчайших деталей. Случилась лишь одна небольшая неувязка.

Перед самым началом торжеств к Баженову подошел Измайлов, любезно взял архитектора под руку, отвел в сторону от коллег и шепнул:

— Ея величества не будет, она занемогла.

— Как так! — воскликнул Василий.

— Тиш-ш-ш... спокойненько. Все будет ладненько.

Государыня приказала ничего не отменять и все учинить так, как задумано.

Баженов почувствовал, как его почему-то бросило в жар. Он нервно прошелся вдоль столов, на которых были приготовлены ритуальные принадлежности. Остановился. Резко сорвал парик, швырнул его на мраморную штату, которая предназначалась для закрытия «гнезда» в фундаменте.

— А это! Как изволите устранять сию оплошность?

К плите была приделана медная доска. На ней художник Петербургской академии Иван Пурышев выгравировал памятный текст. Среди прочих надписей

такие слова: «Закладка была 1-го июня 1773 года при императрице Екатерине Алексеевне Второй...»

— Оплошность, я думаю, невеликая, — успокоительно сказал Измайлов. — Ее, впрочем, и нет. Матушка государыня всегда в наших сердцах, а следовательно, всегда с нами. Нам ли, голубчик, формализовать то, что принадлежит истории. Ну а что касательно потомков... они, как я полагаю, поверят сей надписи, ибо ни вы, ни я, ни кто-либо другой не смогут в грядущие века засвидетельствовать истину.

Архангельский собор наполнился людьми. Ровно в 9 утра началась служба. Потом Баженов ушел к мастеровым и каменщикам. Неторопливо проверил наличие и порядок разложенных на столах предметов, предназначенных для закладки. Был молчалив. На вопросы коллег отвечал неохотно.

Началась церемония. Впереди процессии четыре каменщика несли мраморную плиту для «гнезда». За ними — члены архитектурской команды. На серебряных блюдах несли профессиональные фартуки, лопатки, архитектурские кирки и прочие атрибуты. Князь Волконский нес чашу с водой для извести. Двенадцать учеников на всем пути следования разбрасывали красные гвоздики и лепестки роз.

Шли в определенном порядке. Одни расходились к границам пласа, другие вставали вдоль портала, третьи останавливались на повороте лестницы, освобождая дорогу членам Кремлевской Экспедиции. Они тоже шли с серебряными блюдами. Казаков нес известь, Баженов (с двумя ассистентами) — кирпичи из мрамора с «вензелями Ее императорского величества и Его императорского высочества».

Специально к торжествам были изготовлены медали. Их нес ротмистр Иван Вахромеев.

Пролог завершила пушечная пальба. Окрестности Кремля окутались клубами порохового дыма.

Когда канонада затихла, Баженов решительно вышел вперед, быстро окинул взглядом толпы присутствующих, собрался было развернуть бумагу с текстом выступления, но тут же передумал, сунул бумагу в нарукавный отворот мундира.

Начал спокойно:

— Празднует Восточная Церковь обновление Царя-Града; ибо благочестивый Константин перенес трон от берегов Тибра во Византию и украсил оную великолепием, и богодухновенно освятил то место. В сей день обновляется Москва.

Далее Василий Иванович рассказал о трудных сражениях с турками, о славных победах россиян на суше и на воде.

И в то время, как на поле брани решается судьба отечества, говорил Баженов, в стране намечаются великие преобразования: «правосудию твердые столпы сооружаются, темные и безграмотные люди к знаниям приобщаются, к счастливой жизни готовятся, пустыни населяются, училища умножаются, художественные грады облачаются в великолепие; дерзостные междоусобия прекращаются, смерть изгоняется».

— Ликуйствуи, Кремль! — срывающимся голосом прокричал Баженов.

Выступление Баженова «Слово на заложение Кремлевского дворца» — документ интересный, важный.

— В сей день, — продолжал архитектор, — полагается первый камень нового Ефесского храма, посвящаемого божией в России наместнице, толико же и добродетелями, колико своим саном сияющей. А я, будучи удостоен исполнить Монарши повеления в сооружении огромного дома и всего великолепного в Кремле здания, готовясь зачати оное, почитаю должностью нечто молвить о строениях московских, ибо то к сему дню и к делу сему пристойно, и нечто выговорить и о своей профессии, ибо здание здесь

начинается. Иоанн Данилович, сын Даниила Александровича и внук Александра Невского, воспитанный в Москве при отце своем, соделался наследником Российского Великокняжеского престола, возрастая на прекрасных местоположениях Москву, по благословению Петра Митрополита пренес Российский трон из Владимира, а с ним и Митрополит переселился в Москву.

Далее Баженов напомнил слушателям об истории Кремля, отдельных монастырских сооружений, о заселении Замоскворечья. Рассказал архитектор и о происхождении названий московских улиц.

— По временам Иоанна Даниловича Москва, яко центр российских земель, стала год от года размножаться. — Продолжал зодчий. — Во время великого князя Иоанна Васильевича она возсияла, ибо он увеличил Кремль и обвел его новыми стенами, гордыми украсив их башнями. Во время сына его и внука красоту свою и веление умножала, а внук его царь Иоанн Васильевич воздвиг стены и башни Китая. Царь Борис Федорович Годунов, а по нем царь Михаил Федорович, царь Алексей Михайлович, царь Федор Алексеевич еще Москву и распростирали и украшали. А потом и время и радение обитателей привели ее в то состояние, в коем мы ее видим.

Нет, зодчий отнюдь не стремился блеснуть своими знаниями в области истории архитектуры первопрестольной столицы. Был движим лишь одним желанием: показать знатым особам, любящим рассуждать о древняя красотах, показать всем горожанам, кои в суете сует не всегда замечают движение времени, привыкают пользоваться тем, что есть и не очень-то стремятся что-либо изменить, — показать, что архитектурные творения не родились сами по себе. Что сие — труд многих поколений. А если бы люди всегда довольствовались лишь тем, что перешло

по наследству, рабски поклонялись тому, что создано до них, то не была бы Москва такой, какая она есть. Важно было упомянуть об этом и в силу других обстоятельств. Баженов успел разглядеть, что Екатерине часто не хватает терпения доводить то или иное начатое дело до конца. Она жаждет громких, но быстрых побед. Строеение же, замысленное Баженовым, требовало терпения и многих лет кропотливого труда.

— Египтяне первые привели архитектуру во преизрядный порядок, — говорил Баженов, — но, не довольствуясь только хорошим вкусом и пристойным благолепием первоначальным, едину огромность почитать начали, от него и пирамиды их, возносяся к небу, землю отягощают, гордяся многолетними и многонародными трудами и многочисленною казною. Греки, хотя и все от Египтян и Финикиян ко просвещению своему получили, но, став лучшего и почтеннейшего на свете охотниками и введя сию охоту во весь народ, архитектуру в самое привели изящное состояние.

Василий перевел дыхание, смахнул пот со лба и доверительным тоном, как бы советуясь с коллегами, продолжил:

— Некоторые думают то, что и архитектура, как одежда, входит и выходит из моды, но как логика, физика и математика не подвержены моде, так и архитектура, ибо она подвержена основательным правилам, а не моде. Когда Готы овладели Италией, они, привыкнув к великолепию зданий римских и не проникнув того, в чем точно красота здания состоит, ударились только в сияющие архитектуры виды и, без всякого правила и вкуса умножая украшения, ввели новый род созидания, который по времени получил от искусных исполнителей, хотя и не следующих правилам, огромность и приятство. Такого рода наша Спасская башня, но колико она не прекрасна, однако не прельстит

только зрения, как башня Гавриила Архангела. Грановитая палата хороша, но с Арсеналом сравняться не может. Колокольня Ивановская достойна зрения, но колокольня Девичья монастыря более обольстит очи человека, вкус имущего. Церковь Климента покрыта золотом, но церковь Успения на Покровке больше обольстит имущего вкус, одна смесь прямой архитектуры с Готической, а другая созиждена по единому благоволению строителя.

В «Слове на заложении Кремлевского дворца» Баженов изложил принципиальные взгляды на архитектуру. Они сложились в его сознании за все эти годы в результате долгих и глубоких раздумий. Сравнивая отдельные, наиболее известные строения, он логически доказывал, что их монументальность отнюдь не зависит от грандиозных размеров, а является результатом умелого использования пропорций, гармонии.

Надо сказать, что именно в этом заключается главный секрет всех баженовских построек. Этого принципа он придерживался и при проектировании Кремлевского дворца. Замысленные зодчим здания величественны не столько своими размерами, сколько общим построением и неразрывностью всех архитектурных деталей.

Василий Иванович выдержал небольшую паузу и следующую фразу своего выступления произнес как великую клятву:

— Ум мой, сердце мое и мое знание не пощадят ни моего покоя, ни моего здравия^[4].

Члены Кремлевской Экспедиции и архитекторской команды, мастера, художники, каменщики, плотники были не в силах сдержать своих чувств. Они встретили клятвенные слова архитектора восторженными аплодисментами, ибо знали и успели в том убедиться, что сие сказано не ради красного словца. Баженов

проследовал к месту закладки. Ему были поданы пергамент, памятные медали и монеты. Василий Баженов сложил их в серебряный ваз, залил воском, заложил в «гнездо» и прикрыл мраморной плитой с надписью на медной доске: «Сему сдаению прожект сдделал и практику начал Российский Архитект Московитянин Василий Иванович Баженов. Болонской и Флорентийской Академии, Петербургской Императорской Академии Художеств Академик, главный Артиллерии Архитект и Капитан, сего сдания начальной Архитект и Экспедиции оногo строения Член, от роду ему 35 лет». (Далее указаны имена его помощников, Матвея Казакова и других членов экспедиции.)

Вновь заговорили пушки. Долго не смолкало дружное «ура».

Главнокомандующий Москвы, сенатор Михайло Никитич Волконский и генерал-аншеф, сенатор, граф Петр Иванович Панин положили первые мраморные кирпичи в основание будущего здания. То же проделали затем главный архитектор и члены экспедиции.

Вся Москва огласилась колокольным звоном. В небе кружились стаи голубей и ворон. Они долго не решались сесть на купола и крыши домов. Большие колокола угомонились ровно через час. Но звон какое-то время еще продолжался: то ли эхо носилось над городом, то ли усердствовали окрестные церквушки.

Баженов в этот день пришел домой раньше обычного. Хотелось побыть одному. Аграфена Лукинична почувствовала это, нашла повод для занятости, ушла в другую комнату. У Василия был вид уставшего, но счастливого человека. Он молча посидел у спящего сына. Глаза слипались. Прилег на диванчик и уснул...

ЗАНАВЕС ОПУСКАЕТСЯ

Измайлов был чем-то взволнован. Баженов заметил это, как только вошел в его кабинет.

— Прошу присаживаться, — сказал начальник экспедиции.

Измайлов сидел в своем кресле. Морщился как от изжоги, тяжело вздыхал, тер лоб и виски то одной, то другой ладонью.

— Нездоровится мне что-то нынче, голова так и раскалывается... Нет, не могу... ты уж лучше, голубчик, сам читай.

Начальник экспедиции положил перед архитектором бумагу. Это был официальный приказ Екатерины II о прекращении всех строительных работ на территории Кремля. Указывалось также, что необходимо засыпать рвы, разобрать фундамент, восстановить в прежнем виде стены и башни, употребив для этого имеющиеся строительные материалы.

Сие случилось осенью 1775 года. После двух грандиозных актов величественного спектакля императрица решила опустить занавес. Премьера кремлевской эпопеи завершилась. Нельзя сказать, чтобы все это время Баженов был слеп и не замечал, что надвигается что-то неладное. Тревожило многое.

После торжественной раскладки дворца строительство фактически не финансировалось. На запрос экспедиции Екатерина отвечала: «Прибавки суммы денег ныне не будет, а производить работы из прежде определенных денег, располагая на что оных стать может». Однако имеющихся, «прежде

определенных денег» было ничтожно мало. Екатерина, кроме того, запретила пополнять новыми людьми архитектурскую команду. Она также лишила главного архитектора помощников, загрузив их другой работой.

Кое-кто усиленно распространял слухи, что работы в Кремле обречены на неудачу, так как строительство ведется на неустойчивых почвах, близ реки.

Баженов в своих записках доказывал, что плохой грунт — помеха лишь для безграмотного архитектора. Он отмечал, что практика мирового строительства знает немало примеров, когда здания огромных размеров сооружались на весьма зыбких почвах. Зодчие, умело используя секреты строительства, превратили природные неудобства в достоинство, подспорье: постройки стоят прочно, им не страшны никакие землетрясения. Зыбкая почва служит им периной.

Борьба за осуществление проекта стоила Баженову нервов. Федор Каржавин этой борьбы не выдержал и уехал за границу. Баженов искренне сожалел о потере способного работника, но отговаривать не стал. В глубине его души теплилась надежда на удачу. Трудно было представить, что строительство могут отменить. Шутка ли сказать, почти семь лет напряженной работы!

В чем же причина катастрофы? В литературе разных времен, в том числе при жизни Баженова, высказывалось мнение, что самая вероятная и объективная причина — это финансовые соображения. Да, государственная казна в те годы действительно оскудела. Война с турками сожрала много денег. И все-таки это малоубедительно. Ведь первоначально, когда план строительства только начали разрабатывать, положение с финансами было еще более трудное. Война была в самом разгаре. А сейчас, к 1775 году, она успешно завершилась в пользу России. Империя получила ключи от Крыма, отвоевала стратегически важные крепости, выход из Азова. Турция начала

выплачивать солидную контрибуцию. Казалось бы, какой смысл именно в это время прекращать строительство?

Ранее в числе прочего бытовало мнение, что строительство, начатое Баженовым, нанесло вред Архангельскому собору и другим старинным постройкам. Вопрос долго и внимательно изучался многими исследователями.

Беспокойства за старые сооружения действительно были. В конце 1773 года, когда Баженов поехал в Петербург, он тщательно наказывал Казакову: «Всякую неделю примечать между контрфорсов и против собора Архангельского, не будет ли отсадки, и для того брать предосторожность упорами». Сооружение контрфорсов продолжалось и в 1774 году.

Поводом для беспокойства и прекращения работ послужил случай, который произошел в отсутствие Баженова: упала старая стена на месте бывшего Черниговского собора.

Измайлову было поручено провести обследование и составить заключение о состоянии старых построек. Этим занимались архитекторы Карл Бланк, Григорий Бартенев и Иван Яковлев. Они представили «Примечание». В нем говорилось, что старая стена в ломку назначена и подрыта с тем, чтоб упала, «дабы тем способнее к разборке рабочим людям приступить было возможно (как-то ныне уже и разбирают), а та упавшая стена никакому в близости строению вреда не учинила».

Баженов тоже представил объяснение. Он писал, что падение стены было запланировано, а если бы даже в результате земляных работ в каком-либо старом строении появилась небольшая трещина, то это, по мнению архитектора, не представляет большой опасности. Ибо «когда строение новое связывается с старым, то одно давно осело, а другое должно искать своего места по своему грузу, а на оном почти

неприступном месте да еще с оставшими забутками и насыпью никакой сумнительной притчины нет, как только почесть осадкою, хотя бы то было свидетельствовано Парижскою художеств Академиею, в чем бы я совершенно не усумнился, да и здешние архитекторы подтвердили самые же некоторые мои мысли, кои еще при самом приступе мною многажды были представлены экспедиции да и всегда вносимы в журнал в присудствии, но обстоятельства не позволяли иметь пропорциональную сумму на столь великое здание, а когда положутся деньги и люди, то поправится порядок, будет успех в течение строения, да и трещины загладятся по притчине той, что одна часть другую будет снабдевать нужным, ибо оное здание просит одно у другого помощи, то есть новое строй, а старое подкрепляй».

Словом, судя по всему, вокруг кремлевской перестройки разгорелись страсти. Екатерина, очевидно, не желала участвовать в этом споре и отдавать предпочтение тому или иному мнению. Она отдала приказ о прекращении строительства. Это решение, видимо, созрело еще раньше. Не хватало лишь повода. Поэтому императрица затягивала финансирование строительства, ждала удобного случая, чтобы отказаться от кремлевской затеи. И вот такой случай представился.

Ранее перестройку Кремля императрица связывала с длительной работой Комиссии по новому Уложению. Вскоре, однако, выяснилось, что это мероприятие обречено на провал. Оставалось уповать просто на эффект самого строительства, на престижность этого дела, на его значение в международном масштабе. Но обстоятельства поменялись, и это перестало быть актуальным. Слухи о несостоятельности России оказались бесплодными. В этом убедился весь мир. Русские одержали над турками блестящую победу.

Кроме того, Екатерина Алексеевна увидела, что кремлевское строительство — дело затяжное, хлопотное, которое к тому же отнюдь не работает на оздоровление внутригосударственного климата. А именно эта проблема стала весьма волновать императрицу. Эти настроения всячески подогревал и Потемкин. — Кучук-Кайнарджийский договор о вечном мире надобно должным образом отпраздновать, — говорил Потемкин Екатерине. — Это еще более вселит радость в души простых людей, наполнит их сердца признанием великих заслуг Матери Отечества. Да и Европе не мешало бы громко напомнить о нашей силе, могуществе и единстве государства Российского. — Далее Григорий Александрович сгустил краски вокруг пугачевского бунта. Нарисовал мрачную, весьма безрадостную картину роста крестьянских волнений. Убедить в этом государыню, заставить ее трепетать перед нависшей угрозой не составляло особого труда. Тем более что многое соответствовало действительности. Вести из отрядов, направленных на усмирение взбунтовавшихся, приходили далеко не радостные. Пришло, в частности, сообщение от двоюродного брата Григория Александровича, генерал-майора Павла Потемкина. 11 августа 1774 года он доносил Екатерине о тревожном росте пугачевского отряда: «...В Кокшайске он перебрався через Волгу с 50-ю человек, в Цывильске он был только в 150; в Алатыре в 500; в Саранске около 1200, где достал пушки и порох, а в Пензе и Саратове набрал более 1000 человек и умножил артиллерию и припасы. Таким образом, из беглеца делается сильным и ужасает народы».

— А посему сейчас нам потребно о многом забыть, — продолжал убежденно басить Потемкин, — и все силы, все средства, весь разум и всю фантазию нашу направить на поднятие духа народного. Надобно

пробудить верноподданнические чувства, отбить охоту верить в бредни самозванца Емельки. Как?

— Вот именно, друг мой, — подначила Екатерина. — Вопросы задавать немудрено. Надобно на них отвечать.

Потемкин пропустил это мимо ушей. Он продолжал нагнетать тревожную атмосферу.

— Когда в России разгораятся бунты и нет никакой возможности потушить их, остановить дикую дубину, то в жертву приносятся даже самые почитаемые и безобидные идола...

Екатерина впила взглядом в Потемкина.

— Народ любит меня... Я докажу это! И ты, Григорий Александрович, поможешь мне в этом. Не так ли?

— Оказать оную услугу для меня не токмо обязанность, но и великая честь. А посему я готов сделать это сию же минуту.

Екатерина удивленно посмотрела на Потемкина, пожала плечами.

— Ты хотел что-то предложить?

— Прежде всего, как мне думается, надобно прекратить затею с Кремлем, — серьезно и весьма убежденно заявил Потемкин. — Есть множество людей, кои сим мероприятием недовольны, ибо у русских не принято возвеличивать новое на костях своих предков. В первопрестольном граде, как и в империи вообще, принято с почтением относиться к древностям, чтобы не нарушать связь времен и не оскорблять память людскую. Для новых строений есть множество пустующих земель. Россия, слава тебе господи, наделена землею с избытком. Какая же надобность губить ветхозаветие? Разве мыслимо ради Нового завета сжигать Ветхий завет? Не скрою, сие большей частью слова не мои. Но тем паче считаю своим долгом предупредить, что кремлевская затея возбуждает страсти не токмо фанатичной черни, но и людей

именитых, в том числе имеющих отношение к высшему духовенству. Они усматривают в этом иллюминатско-масонскую зловредность и проявление гордыни, коя противна православному духу.

Екатерина задумалась. Такое она слышала впервые.

Потемкин вновь перехватил инициативу. Он предложил использовать того же Баженова, но в ином качестве: разработать проект грандиозного городища для народного празднества. Это был замысел устроить фейерверк, огни которого были бы видны на демидовских рудниках, в Саратовской губернии, в Яицкой слободе, в Париже и в Лондоне.

В 1775 году Екатерина даровала Потемкину графский титул и почетную шпагу. Шансы Орлова снова упали.

Баженов сидел бледный. Зная характер Василия Ивановича, Измайлов ждал бури. Но ничего подобного не последовало. Для возмущения у архитектора не было сил, внутри что-то оборвалось, голова налилась свинцом, руки ослабли, пальцы едва держали листок бумаги.

— Стало быть, все... Свободен... Я, пожалуй, пойду, — глухим, подавленным голосом проговорил Баженов и как полусонный направился к выходу.

«КАТОК»

Это питейное заведение находилось внизу, под холмом, недалеко от Тайницкой башни. Цены здесь были сносные, но не настолько, чтобы быть доступными для простолюдинов и еще не выбившихся в люди разночинцев. «Каток» чаще всего посещали чиновники различных коллегий, расположенных в Кремле.

Баженов и Сумароков сидели в отдаленном, плохо освещенном углу залы. Тяжелый подсвечник стоял посреди стола с незажженными свечами. Пили водку. Друзья по несчастью сошлись в «Катке», когда оба поняли, что дальнейшая борьба бесполезна, что силы иссякли и требуется передышка. Для архитектора, потерпевшего поражение и потерявшего друзей, это был резкий и неожиданный перелом, для поэта и драматурга — плавная кривая, скользящая сверху вниз. С неуживчивым характером Сумарокова в высшем свете первое время мирились. Однако дерзость не простили. Она проявлялась как в устных высказываниях, так и в его произведениях. Вначале Александр Петрович лишился должности директора, ушел — а фактически его ушли — из театра. Затем он рассорился с придворной знатью, повздорил с родителями и был вынужден покинуть Петербург. Положение усугубилось тем, что Сумароков вздумал жениться на своей крепостной девице. Это расценили как вызов.

— Богатство, Василий Иванович, штука великая, — говорил Сумароков, разливая водку. — Знатность и богатство заменяют глупцу ум и талант. О нем никогда не скажут, что он ничтожество. Насмешники всегда на его стороне. Поэтому богатство, говорю я, штука великая. Но, чтобы сколотить или умножить состояние, человеку надобно отказаться от совести и чести. Однако

сие никогда не сделает существо, наделенное разумом и талантами. Потому глупцы и правят миром. Вот в чем, милейший сударь, нелепость мироздания, бытия нашего.

Баженов, казалось, не слушал. Устало смотрел в одну точку. Зажег свечи. Долго словно замороженный смотрел на язычки пламени. Они расплывались, образуя множество огненных ореолов. Водка ударяла в голову. Но грусть не рассеивалась.

За соседним столом, у окна, четверо мужчин резались в карты. Паузы заполняли шампанским и сплетнями.

Баженов выпил рюмку и стал еще мрачнее.

— Как ты думаешь, что предпочтительнее, — спросил Сумароков у Василия Ивановича, — неожиданно сорваться в бездну с высокой скалы или катиться кубарем с горы, ощущая каждый острый камушек, ломая кости и раздирая кожу? Думается, что первое предпочтительнее. Мне же досталось второе. Так что не унывай, дружище. Тебе повезло.

— Повезло, да не очень, — задумчиво произнес Баженов. — Уж лучше мне родиться конюхом и быть от художества подальше.

Сумароков продекламировал:

Пора печаль пресечь,
Пора престати дух смущать
И сердце жечь.

— Не унывай, кирпичный гений. Тебе еще надлежит много строить. Благодетели своего раба не оставят. Им льстит, что ты, наделенный даром божьим, зависишь от них. Ведь надо же им чем-то возвеличивать себя, — продолжал иронизировать поэт, словно испытывая от этого великое наслаждение.

— Ну и пусть возвеличиваются хоть до небес. Отныне ни мне до них, ни им до меня никакого дела нет.

— О нет, ошибаешься, любезный. Ты им нужен. Они не позволят бездне целиком поглотить тебя. А в трудную минуту даже обласкают. Ведь это так похвально и приятно для самоуслаждения — быть великодушным. И потом подаяния, милосердное благодетельство ко многому обязывают. Кто будет этот хитрый благодетель? Трудно сказать. Время покажет. Эх, братец, сложная эта арифметика, — вновь наполняя рюмки, сказал Сумароков, — я на своей шкуре постиг ее. А! Бог с ней, с этой арифметикой. Выпьем, дружище... выпьем за твою свободу, коя недолго продлится.

В следующую минуту прыщавый щеголь, сидевший за соседним столом, громко обратился ко всем присутствующим в питейном зале. Он сообщил, что в «Катке» присутствует знаменитый литератор Александр Петрович Сумароков, и предложил попросить его быть ко всем снисходительным, почитать свои последние вирши.

Раздались робкие хлопки. Установилась относительная тишина. Это был не столько интерес, сколько любопытство. Выступить в кабаке со стихами Сумарокову еще не приходилось. Предложение, адресованное дворянину, было само по себе дерзкое.

— Уйдем отсюда, — тихо сказал Баженов. — Они куражатся над нами.

— Ты несправедлив, Василий Иванович, — перебил Сумароков. — Ты посмотри на их рожи... Сколько благородства! Какой интерес к художествам! Нет, я не могу их не уважить. А ты погоди. Будь наблюдателем.

Александр Сумароков вытер крахмальной салфеткой сальные пальцы, швырнул ее на стол, чуть было не сбил свечи и решительно направился к центру зала, где имелось небольшое возвышение.

— Коль все мы благородство почитаем, — начал Сумароков, — то речь моя пойдет об оном свойстве. Извольте слушать, господа.

Дворяне без меня свой долг довольно знают.
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденным и от дам
Без исключения всем праотец Адам.

Послышались смешки. Сумароков продолжал:

На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?..

Зал зароптал.

Баженов ветал и, шатаясь, направился к выходу. Его мутило. Голова разламывалась.

Сумароков читал. Следующие строки он адресовал тем, от коих исходила инициатива — попросить известного драматурга продемонстрировать свое искусство:

А ты, в ком нет ума, безмозглый дворянин,
Хотя бы княжеский, хотя господский сын,
Как будто женщина дурная, не жеманься
И, что тебе к стыду, пред нами тем не чванься!

За многими столиками разгорался спор, комментировали читаемое Сумароковым. Определить общий настрой было трудно.

— Коли угодно, — прокричал Сумароков, — то могу продолжить. Весьма рад, что вам нравится. — Александр Петрович поднялся на цыпочки, вытянул шею,

внимательно осмотрел присутствующих, словно кого-то искал.

Потом ехидно прищурился и продолжил:

Богатство хорошо иметь;
Но должно ль им кому гордиться сметь?
В собольей дурака я шубе видел,
Который всех людей, гордяся, ненавидел.
В ком много гордости, известно то, что тот,
Конечно, скот,
И титла этого в народе сам он просит.
Носил ту шубу скот,
И скот и ныне носит.

Воцарился хаос: реплики, хохот, нарочитые аплодисменты людей, причисляющих себя к вольнодумцам.

Баженов стоял посреди пустынной улицы. Дул холодный ветер. Ночь была темная. Небо заволокли черные тучи. Косой дождь хлестал в лицо. Одежда промокла до нитки. Грохотал гром. Купола церквей и соборов неожиданно освещались молнией, вспыхивали на фоне черной бездны, как гигантские свечи. Городские ориентиры потеряли всякий смысл. Они перестали существовать. Очертания предметов то возникали перед глазами с поразительной четкостью, то расплывались, как грязные лужи.

РЕПЛИКИ, МНЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Рассуждая о достоинствах человека, Жан де Лабрюйер в своих «Характерах» отмечал, что «одним не хватает способностей и талантов, другим — возможностей их проявить; поэтому людям следует воздавать должное не только за дела, ими свершенные, но и за дела, которые они могли бы свершить».

Василий Иванович посвятил кремлевскому проекту лучшие годы своей жизни. По не зависящим от него причинам он остался неосуществленным. Но именно об этой работе и следует говорить так, как если бы задуманное было осуществлено на практике. Предложенный им прожект — это конкретные планы, воплощенные на бумаге, в чертежах, эскизах, математических расчетах, в искусно изготовленной модели. «Если бы эти постройки были осуществлены, это было бы одно из чудес света», — писал в своих путевых заметках профессор Кембриджского университета Эдуард Даниель Кларк, посетивший Москву в 1800 году.

И далее: «...если бы дворец был построен согласно этой модели, то он превзошел бы своей грандиозностью храм Соломона, пропилеи Амазиса, виллу Адриана и форум Траяна».

Были и другие мнения. Н. М. Карамзин писал: «Планы знаменитого архитектора Баженова уподоблялись республике Платоновой или Утопии Томаса Моруса, ими можно было удивляться единственно в мыслях, а не на деле».

Многие советские исследователи, глубоко изучавшие творчество Баженова, считают, что проект русского зодчего был реален, самобытен и отвечал национальному характеру. Баженов, по сути дела, лишь подхватил те начинания, которые были до него. В

частности, учитель Баженова Ухтомский уделял весьма большое внимание перестройке центра Москвы, в том числе Кремля. Он планировал раскрыть Кремль со стороны Арсенала и через Арсенал связать его с центром Москвы. По его планам кремлевская стена от Никольских ворот и до Троицких подлежала сносу. На месте стены проектировалась галерея-колоннада, которая соединяла Кремль с площадями и улицами Москвы. Особое значение Ухтомский придавал архитектурному украшению Серпуховской дороги, по которой русские войска уходили на Куликовскую битву, возвращались из походов против Орды и Крыма, после взятия Азова, по которой прибывали в Кремль послы из Турции и Персии.

Эти начинания во многом позаимствовал и творчески развил в своем неосуществленном проекте Баженов.

Труд архитектора не канул в Лету. Это не напрасно потерянное время. Мысли Баженова, его творческие находки, градостроительные идеи так или иначе воплотились в дела. Их заимствовали другие русские архитекторы. Например, планировки ряда городов, таких, как Ярославль и Одоев, во многом сделаны в соответствии с теми взглядами, которые отстаивал в своем творчестве Василий Иванович Баженов.

Что же касается модели Кремлевского дворца, на изготовление которой Баженов потратил пять лет, то она и по сей день считается непревзойденным шедевром модельного искусства. Ее участь, правда, несколько драматична. С 1800 года модель в разобранном виде путешествовала по разным местам. Наконец в 1810 году, когда было построено здание Оружейной палаты, ей отвели место. Однако спустя несколько десятилетий помещение, где находилась модель, забрали под казармы. Баженовское сооружение переместили в другие залы Оружейной палаты. В результате частых передвижений многие детали модели были утеряны. В

1864 году сохранились лишь отдельные кремлевские соборы и один из фасадов дворца. Затем модель перевезли в Румянцевский музей. Следующим местом ее пребывания был Политехнический музей. В советское время, в 1936 году, модель поместили в Музей Академии строительства и архитектуры. Здесь ее отреставрировали, и сейчас она экспонируется в Донском монастыре, в филиале Музея истории архитектуры имени Щусева.

Важно отметить еще и то, что Кремлевская Экспедиция, где главным архитектором был Баженов, стала, по существу, основой для создания академической русской архитектурной школы. Здесь под руководством Василия Ивановича воспитывались будущие светила российского зодчества, в том числе М. Казаков.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Я сам того мнения, что слабости
человеческие сожаления достойны,
однако ж не похвал...*

Н. И. Новиков

БАЖЕНОВ И НОВИКОВ...

Их многое роднило. Родство проявлялось не столько в характерах, сколько в делах, в творчестве, в благородных порывах. Архитектор и журналист-издатель долгое время наблюдали друг за другом. Новикову нравилось, что Василий Иванович, находясь в затруднительном положении, не разменивает свой талант на выгодные частные заказы, а, сохраняя достоинство и деловитость, печется о делах государственных, общепольных. Этот тернистый путь избрал для себя и унтер-офицер Измайловского полка Николай Иванович Новиков. В свои 25 лет он писал: «Всякая служба не склонна с моей склонностью. Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество, она нужна, и без ней никак не можно обойтись, она почтенна, но она не по моим склонностям. Приказная хлопотлива... надлежит знать все пронырства, в делах употребляемые. И хотя она и по сие время еще гораздо наживна, но, однако ж, она не по моим склонностям. Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть притворства в гораздо высшей степени, нежели сколько должно знать ее актеру...» И Новиков избирает для себя путь в некотором роде независимый, но труд (по тому времени) не очень почетный и серьезный — писательство. Однако тон новиковской сатиры и затрагиваемые им проблемы заставили многих изменить эту традиционную точку зрения.

Баженов, потерпевший поражение, пытался понять «течение времени». Он стал внимательно следить за деятельностью Новикова, который духовно был ему близок, читал его издания.

С самого начала между Новиковым и автором «Всякой всячины», шутливо и в то же время уважительно именуемой себя мудрой «старушкой» (за этим «псевдонимом» скрывалась сама Екатерина II. — В. П.), наметился своеобразный диалог. «Старушка» (это было продиктовано желанием оправдать отступление от провозглашенных в Наказе принципов. — В. П.) выступила с нравоучительной критикой существующих пороков, российских предрассудков, дабы приуготовить почву для посева идеальных законов, через которые установится «блаженство всех и каждого». Признавая, что сатира должна отражать действительность, «Всякая всячина» ограничивается, однако, лишь тем, что перечисляет дурные черты характера и поучает: «Ни спесь, ни гордость, но снисхождение к роду человеческому украшает человека. Ибо всякий смертный должен знать прежде всего, что он есть человек, во всем равный роду человеческому. Кто знает сие твердо и учреждает по тому свои поступки, тому человеку можно дозволить и других знание, а не прежде».

Новиков в своем «Трутне» подходит к отражению действительности иначе, полемизируя тем самым со «старушкой». Он показывает наиболее типичное, рассказывает о бесправии крепостных, раскрывает причины пороков, обличает придворную знать, высмеивает дворянскую спесь: «Вельможа наш ненавидит и презирает все науки и художества, почитает оные безчестием для всякой благородной головы. По его мнению, всякий шляхтич может все знать, ничему не учась; философия, математика, физика и прочия науки суть безделицы, не стоящий внимания дворянского». Такая кичливость порождает, а не знаниями и благородными поступками, как отмечает Новиков, наложила отпечаток на разные стороны жизни. Политикою занимаются люди корыстолюбивые, жаждущие лишь чинов и знатности. Эти достоинства

ценятся и в суде, и посему не может быть и речи о правосудии. Невежество и праздность, по мнению «Трутеня», — причина плохой торговли. Ибо чиновники и купцы с душою и моралью лавочников не думают о процветании отечества, а заботятся об удовлетворении своих прихотей. И Новиков говорит об этом не отвлеченно, а создавая яркие образы, намекая на реально существующих людей. Отталкиваясь от конкретного, он старается расширить значение факта. Это чувствуется даже в коротких репортажах, репликах. Например: «На сих днях прибыли в здешний порт корабли (из Руана и из Марселя). На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французския разных сортов, табакерки черепаховыя, бумажныя, сургучныя; кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякия так называемыя галантерейныя вещи; перья голландския в пучках чиненыя и нечиненыя; булавки разных сортов и прочие модные мелочные товары; а из Петербургскаго порта на те корабли грузить будут разныя домашния наши безделицы, как-то пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотны и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости гг. французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы».

Выдумывать проблемы, заимствовать сюжеты из иностранных сатирических журналов, как это часто делали другие издатели, Новикову не приходилось. Работая в Комиссии по составлению нового уложения, он изучил самые наболевшие вопросы, собрал богатый фактический материал. Это и стало основой литературной деятельности Николая Ивановича.

Итак, казалось бы, «Трутень» и «Всякая всячина», несмотря на различия в «тоне», в журналистской манере, шли в одном направлении, преследовали одну задачу: искоренить зло и утвердить добрые нравы. Так,

во всяком случае, поначалу считал Баженов. Однако он вскоре почувствовал назревающий конфликт между «мудрой старушкой» и Новиковым.

«Всякая всячина» все чаще стала раздражаться. Появились упреки, что издатель «Трутня» человек жестокий, не способный на снисходительное отношение к человеческим слабостям, а посему видящий лишь пороки. Наконец в девятнадцатом листе «Всякой всячины» последовала настоятельная рекомендация: «1) Никогда не называть слабости пороком; 2) хранить во всех случаях человеколюбие; 3) не думать, чтобы людей совершенных найти можно было; 4) просить Бога, чтобы нам дал дух кротости и снисхождения; 5) впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит и 6) никому не думать, что он — весь свет может исправить».

«Трутень» (в пятом листе, от 26 мая) отвечал: «Я сам того мнения, что слабости человеческия сожаления достойны; однако ж не похвал, и никогда того не подумаю, чтоб на сей раз не покривила своей мыслию и душой Госпожа наша прабабка (так «Всякая всячина» называла себя в отношении к другим журналам), дав знать... что похвальнее нисходить порокам, нежели исправлять оные. Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к нему человеколюбия... Следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потекает».

И чем дальше, тем острее становилась эта журнальная полемика, тем отчетливее были видны самодержавные замашки «бабушки».

По мнению «Всякой всячины», «славный способ исправлять слабости» — это писать о пороках в так называемом «улыбательном тоне», а главное —

описывать «твердого блюстителя веры и закона, хвалить сына отечества, пылающего любовью и верностью к государю и обществу». Новиков эту позицию не принял, и «Трутень» был вынужден прекратить свое существование.

В начале 1772 года на императорской сцене была поставлена комедия «О, время», написанная Екатериной II. Затем увидели свет другие ее пьесы. Это было новое литературное увлечение императрицы и еще один метод воздействия на умы россиян. Цель — укрепление царского престижа, прославление власти. Но делалось это не в лоб, а на фоне демократизма, смелой критики ханжества, суеверия, глупости, невежества, лицемерного либерализма. Поверил ли Новиков в искренность оного, принял ли мираж за действительность — сказать трудно, но именно в это время — после незначительного перерыва — он решает возобновить издательскую деятельность. С апреля начал выходить его новый журнал — «Живописец».

И вновь у Баженова создается впечатление, что Новиков нисколько не противоречит литературной позиции и умонастроению императрицы. Тем более что Николай Иванович четко изложил направление журнала. Оно, как думал зодчий, было угодно власти, ибо вело к исправлению нравов и установлению «доброго во всем порядка». Новиков писал: «Общее спокойствие государства и безопасность каждого гражданина в особенности требует, чтобы не дозволено было издавать книги, опровержением Божия закона наполненные, самодержавию и Отечеству противные, також сочинения язвительные и соблазнительные, могущие повредить сердце и душу молодых людей или привести невинность на злодеяние. Таковых сочинений творцы недостойны носить сие имя, а должны почитаться вредительными гадинами в обществе». Кроме того, Новиков предлагал

автору комедий вместе продолжить полезное дело — критику «закоренелых худых обычаев» с принципиальных позиций, невзирая на лица, так как «порочный человек во всяком звании равного достоин презрения».

Обличая высокомерных сановных лиц и праздных дворян, издатель спрашивает: «Кто посмеет утверждать, что сие злоупотребление не достойно осмеяния? И кто скажет, что худое рачение помещиков о крестьянах не наносит вреда всему государству? Пусть вникнут в сие здравым рассуждением: тогда увидят, отчего останавливаются и приходят в недоимку государственные наборы? Отчего происходит, что крестьяне бывают бедны? Отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи хлеба?»

Издатель «Живописца» берется ответить на эти вопросы. Он заявляет: «С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствуется!» И вновь Николай Иванович ставит проблемы, от коих Екатерина ушла, разогнав Комиссию, отказавшись от первоначального либерализма по отношению к крестьянскому вопросу. Крестьянские бунты, а затем и мощное восстание под предводительством Пугачева напугали ее, заставили действовать более осмотрительно, избегать конфликтов с дворянством.

Нет, императрица не против сатиры; выглядеть тираном свободного мышления, отказываться от славы мудрой покровительницы критической мысли и благородных порывов ко исправлению нравов — у нее нет никакого желания. Государыня — за сатиру, но в «улыбательном роде», коя настраивала бы читателя на то, что жизнь в общем-то прекрасна, существующая власть идеальна, а если и есть пороки, то в этом

повинны люди невоспитанные, невежественные, с дурными чертами характера.

Противоречия между издателем и властью снова обострились.

«Живописец», просуществовав чуть больше года, тоже был вынужден, так сказать, самозакраться.

Итак, критика крепостничества, дворянского снобизма, помещичьего произвола пришлась не ко двору. Пугачевский бунт еще больше настроил власть против острой и злободневной сатиры, дабы не сеять смуту, не разжигать страсти, не волновать горячие умы.

«Кошелек» — следующий сатирический журнал Новикова. Он начал его издавать с июля 1774 года. Николай Иванович наметил для себя две основные темы: критика «обезьянства», слепого подражания всему иноземному и восхваление «древних добродетелей». Последней теме предшествовала другая работа Новикова. В 1773 году он начал издавать (под покровительством и денежной поддержке Екатерины) «Древнюю российскую Вивлиофику». Николаю Ивановичу была предоставлена возможность пользоваться старинными архивами, изучать исторические документы, дабы выискивать в них добродетели, «великость духа» предков. Он увлекся этой работой, как, впрочем, любой другой, коя так или иначе была причастна ко исправлению пороков. И если древние добродетели, решил Новиков, могут поспешествовать в оном деле, то почему бы не воспользоваться таковой возможностью. Пусть это будет доказательством того, что честный литератор — не зубоскал, не злослов, не мелкий интриган, ищущий славы в скандальных историях.

Что же касается императрицы, то эти две темы, избранные «Кошельком», ее вполне устраивали. Она и сама мечтала написать фундаментальное сочинение об истории Российского государства, о трудолюбии, талантливости и верноподданничестве «скифов», то

бишь славян в лице русских. Тему «российских добродетелей» Екатерина начала развивать еще в «Антидоте» (1770 г.) в своем «Противоядии» против «Записок о России» аббата Шаппа — члена Парижской академии наук, который написал книгу «Путешествие в Сибирь». В ней он не очень лестно отзывался о положении крепостных крестьян, с субъективных, нередко предвзятых позиций, рассуждал о существующих в России нравах, говорил о подавлении властью всякого творческого начала, притеснении гениев.

Это задело самолюбие Екатерины, и она не замедлила ответить: «Русские крестьяне во сто раз счастливее и достаточнее, чем ваши французские крестьяне». Относительно талантов она замечает: «Если бы у нас были столь же тщеславны, как в известных странах, если бы у нас так же хвастались всем, то, быть может, не было бы страны, которая представила бы более примеров патриотического усердия и великих деяний, чем наша. Это не пустые слова; можно бы привести сотню примеров всех доблестей гражданских, военных и нравственных». В этом, кстати, Екатерина II, пожалуй, права. Древние же добродетели, «непорочные нравы», по мнению Екатерины, тоже не подлежат сомнению: «В семьях царствовало согласие. Разводы были почти неизвестны. Дети имели большое уважение к своим отцам и матерям. Но что лучше всего изображает нравы того времени, это оговорка, которую вставляли во все договоры; вот эта заключительная оговорка от слова до слова: если же мне случится отказаться от моего слова или не сдержать его, то да будет мне стыдно. Итак, стыд был тогда наисильнейшей сдержкой, которую налагали на себя как *mon plus ultra*. Полагаю, что *нет страны, которая могла бы представить в пользу своих нравов свидетельство, столь же красноречивое, как эта формула*».

Формула, скажем прямо, в изложении императрицы не очень убедительная, но в основе своей не лишена смысла. Екатерина, достаточно усердно изучавшая своеобразие русского характера, нравы и традиции непришлых россиян, не могла не заметить, что простого российского человека издавна отличают честность, бескорыстие, душевная широта и искренность, а не казенная, не лицемерная преданность нравственным принципам, часто не писанным на бумаге.

Приемля саму тематику о древних российских добродетелях, Новиков решил углубиться в суть дела. Начал он, однако, с идеализации старины. Свои идеалы, продиктованные христианской моралью, он стал приписывать «древним», желая тем самым воздействовать на несовершенные современные нравы. Вскоре ему пришлось разочароваться в этом, и в убеждениях издателя произошел перелом. Он откровенно и мужественно признался в этом, «не оправдав» тем самым надежд Екатерины. Более того, Николай Иванович решил в своей просветительской и издательской деятельности отмежеваться от власти, официального, так сказать, творчества, коим надобно «несколько лет думать, несколько лет рассуждать, несколько лет делать начертание, несколько лет рассматривать оный; много лет приуготовлять вещество, много лет собирать оное, много лет приводить оное в порядок, много лет делать из приведенного в порядок выписку, много лет из выписки сочинять, а потом, еще более всего, много лет рассматривать и одобрять оный труд к печатанию».

Словом, издатель все более удалялся от официальной власти. Его симпатии оказались на стороне лиц, не связанных прочными гражданскими обязательствами в силу занимаемого положения. Отчасти это послужило причиной того, что Новиков

сблизился с русскими масонами, считая их людьми независимыми, бескорыстными.

К ним примкнул и Баженов... К сожалению, установить точную дату вступления Баженова в братство нам не удалось. Но, судя по всему, это произошло после приказа о прекращении кремлевского строительства, в период сильных душевных переживаний зодчего. Не исключено, конечно, что Баженов и ранее был близок к масонам. Но логичнее предположить, что они не спешили втягивать его в свое общество. Практика деятельности «вольных каменщиков» показывает, что тайные мастера лож отдают приказ о посвящении в «братья» нового члена лишь в тот момент, когда человек находится на распутье, переживает какую-либо личную трагедию.

Их беседа протекала спокойно, обстоятельно, хотя Баженову и не терпелось докопаться до истины, а посему желал упрекнуть собеседника в увлечении туманно-мистической философией, которая, по мнению Василия, не очень уместна для доверительного диалога.

— Ну хорошо, допустим, что я не прочь заняться «отесанием дикого камня», как вы изволили выразиться, и разделить заботы вашего братства. Но в чем суть работы братьев?

Николай Иванович Новиков тихо и задумчиво продекламировал:

Сердце масонских не прельщает
Ни самый блеск земных царей,
Нас добродетель украшает
Превыше гордых всех властей!

Прельщение роскошью и чинами, злоупотребления породю и положением — результат, как мне думается, рационалистической философии, коя ведет к безверию, отрицанию души, чувства, к мирской суете, торжеству материального над духовным, — продолжал Новиков. — Масоны же, как говорят сами братья, ставят своей задачей воспитание в самих себе «святого навыка вездеприсутствия божия», а посему смысл их веры не в слепом повиновении церкви и обрядности, а в воспитании чувств и познании божественной премудрости, — сделав паузу, Николай Иванович вновь задумчиво продекламировал:

Познайте таинства Природы,
Познайте и ее Творца,
И в краткие сей жизни годы
Старайтесь знать свои сердца...

— Знать свои сердца... Не является ли сие тропинкою ко исправлению нравов? — как бы раздумывая, продолжал Новиков. — Ибо зло, видимо, не в том внешнем, что нас окружает, а в нас самих. А посему не напрасны ли действительно усилия светлейших умов, в малочислии своем пребывающих, изменить в мире существующий порядок вещей, дабы искоренить зло и дурные нравы? Может быть, правы те, кто принимал меня в братство, что истину надобно в самом себе искать, и «уметь сей труд великий во смиреньи совершать», без суеты мирской постигать таинства и распространять свет масонского учения на все живое.

— Коль скоро, любезнейший Николай Иванович, вы предлагаете мне вступить в братство, то не могли бы вы поведать о том, как, при каких обстоятельствах

свершилось ваше посвящение, — поинтересовался Баженов.

— Боюсь, сударь, что для вас это будет мало интересно и не очень поучительно, ибо случай со мной, я думаю, не типичен. Впрочем, извольте. Для многих уже не секрет, что в недавнем прошлом я находился на большом распутии между вольтерьянством и религией, не имел точки опоры, краеугольного камня, на котором мог бы основать душевное спокойствие. Именно в этот период ко мне явились братья-масоны и в долгих разговорах, как бы между прочим, поведали мне о своем обществе. Затем они прочли посвящение и против всякого моего желания объявили, что отныне я являюсь членом их ордена. «Мы знаем тебя, — говорили они, — знаем, что ты честный человек, и уверены, что не нарушишь тайны».

— О какой тайне шла речь? — спросил Баженов, радуясь тому, что разговор приобрел более конкретный характер.

— В оный день речь шла лишь о необходимости хранить обет молчания о целях визита братьев, об их откровениях и моем посвящении в орден. Касательно же таинств, коими располагают просветленные личности, Великие мастера и Магистры, то глупо, братец мой, помышлять об этих науках, не проделавши, как я уже говорил, великого труда по отесанию дикого камня, отысканию в самом себе истины и познанию натуры.

— И все же... Неужто вы дали согласие вступить в общество, не выяснив сокровенные цели его?

— Сие другое дело. Я дал согласие на таких условиях, чтобы не делать никакой присяги и не давать никаких обязательств, покуда мне не откроют третий градус посвящения наперед, и ежели я найду что противное совести, то чтобы не считали меня в числе масонов. Братья сказали, что сие не принято, но, посоветовавшись, сделали великое исключение.

— Что дало вам открытие указанных градусов? Не поколебалась ли ваша вера в общество и его цели?

— Я не нашел ничего такого, что было бы супротив моей совести. Признаюсь, правда, что в обрядах и символах мне многое было непонятно. Но братья пояснили, что тайный смысл предметов и ритуалов прояснится и наполнится для меня великим содержанием лишь тогда, когда я доверюсь великим мастерам и с их помощью постигну науку вольных каменщиков, которая открывается далеко не всякому.

— А кто эти «Великие», коим выпало счастье освещать дорогу во тьме?

— Сие предмет тайны, и об этом профанам^[5] не велено говорить. Впрочем, и мне как новичку ничтожно мало известно. Вот лишь то, что связано с историей и ныне не составляет особливой тайны. В тридцатых годах нашего с вами века провинциальным великим мастером в России был капитан Джон Филипс, а в сороковых гроссмейстер английских лож, лорд Кингстон, назначил на этот пост своего брата Якова Кейта, генерала, находившегося тогда на русской службе. Говорят, при Елизавете в ложах пели такую песню:

...Светом озаренный
Кейт к россиянам прибег;
И, усердием воспаленный,
Огонь священный здесь возжег.
Храм премудрости поставил
И нас в братстве утвердил.

— В шестидесятых годах, — продолжал Николай Иванович, — усердием немцев в России распространилось тамплиерство. При сильном развитии у нас немецкого элемента сие не удивительно. Сказывают даже, что в Петербурге в те годы

обосновался тайный клерикальный начальник ордена тамплиеров. В наши же годы, в семидесятые, как подсказывают мне мои профанские знания, в России имеет распространение система Циннендорфа. Ее завез к нам из Берлина барон Рейхель, почему она и название получила — «Рейхелевская система».

— Не нравится мне это.

— Что именно, милейший Василий Иванович?

— Да, так... Помнится мне, что вы в печатных трудах своих выступали супротив обезьянства. Какая же надобность на сей раз менять российскую веру на заморскую и находиться в подчинении от иноземных мастеров, не ведая помыслы их?

— Понимаю. Сии сомнения и меня навещали. — Новиков помолчал, прошелся по тесной комнате, машинально просмотрел небольшую библиотечку, бесцельно потрогал несколько книг, затем вернулся в кресло. — Давайте спокойно поразмыслим, милейший друг. Нас с вами, как я понимаю, не прельщают чины и ложная слава. Единственное, к чему искренне стремимся мы, — это искоренить зло и своим посильным трудом, ремеслом и знаниями споспешествовать процветанию отечества нашего. А теперь давайте посмотрим, к чему обращены сердца «вольных каменщиков». Они говорят и пишут в своих трактатах, что масонство — союз людей, стремящихся к водворению царства правды, добра и гармонии на земле. Масоны, как я уразумел, видят во всех людях братьев и побуждают их ко взаимной любви и помощи. Они никого не преследуют, стремятся изгладить предрассудки, искоренить вражду и войны, стремятся сделать из всего человечества одно семейство братьев, кои были бы связаны узами любви и свободного труда. Что плохого в этом? А коли нет в этом худого, то какая разница, кому надлежит руководствовать и указывать путь к оному.

Мне известно доподлинно, любезный мой друг, — продолжал Новиков, — что в чужих краях вами руководил француз де Вальи. Были ли вы супротив того, что вас научает архитектурным премудростям человек иноземного происхождения?

— Нет, разумеется.

— А согласны ли вы, проектируя российские дворцы, отмахнуться от Витрувия, ремесло и науку коего вы высоко почитаете?

— А какая в том необходимость?

— Вот и я так думаю. Какая полезность в том, что ради собственной гордыни мы начнем отказываться от установления царства добра и справедливости, от искания истины в самом себе с помощью просветленных в масонских науках?

— Ну, коли так, то пожалуй... Я ведь только хотел сказать, что...

— Знаю. Знаю, мой друг. И разделяю. А посему хотел бы поведать вам одну тайну. Впрочем, нет... Я, как и всякий масон, приносил великую клятву, что никогда не вынесу за стены ложи ничего виденного или слышанного в среде братьев. — Новиков еще раз прошелся по комнате, постоял у окна, потом прислонился к стене, скрестил руки на груди и внимательно, как бы испытующе, поглядел на Баженова. — Ну хорошо. Одно утешает совесть мою, что недалек тот день, когда я увижу вас в числе братьев. Слушайте, но постарайтесь тут же, до н-ного времени, забыть мои слова... Покуда мы действительно зависимы от иноземных гроссмейстеров. У них же находятся и все высокие градусы, коими мы, русские, не располагаем. Со временем желательно изменить существующий порядок вещей. Но сие сделать не так-то просто, ибо посвящают в высокие градусы нашего брата, как мне думается, весьма неохотно. Но есть один путь, подсказанный некоторыми членами общества. Надобно нам свою

кандидатуру в великие мастера выставить, но особу высоко знатную, чтобы для отказа неудобства великие возникли. Так вот... Есть такая особа, вам неизвестная. Человек этот молод, следовательно, воспитанию поддающийся. Нам надобно его в свою, масонскую, веру обратить, дабы со временем иметь своего Великого мастера, покровителя и друга «вольных каменщиков», в лице законного наследного владыки. И в этом опять же я не вижу ничего порочного. Ибо речь идет лишь о мирном просвещении особы, коя со временем без нашей помощи и вмешательства займет место, отведенное ей богом.

Новиков имел в виду сына Екатерины II, цесаревича Павла. Эта идея — вовлечь Павла в масонство — исходила прежде всего от зарубежных мастеров, вначале шведов, а затем немцев. Но идея сама по себе была не столь безобидна, как это казалось Новикову Н. И. и другим русским масонам. Преследовалась вполне конкретная цель: втянуть наследника российского престола в определенный орден, связать его масонскими обязательствами и клятвами, подчинить зарубежным гроссмейстерам и тем самым надеть уздечку на империю в лице русского двора и влиятельных особ, которые, узнав, что помазанник божий сам является членом братства, не замедлят вступить в ложи и принять те же обязательства, что и их российский покровитель.

Зарубежные великие мастера на протяжении ряда лет делали попытки осуществить этот план. И делалось это в основном руками русских масонов, веривших в то, что они осуществляют благородное дело во имя будущего России и «Всемирного братства». Баженов в этом смысле был важной фигурой для масонов, так как у него установились относительно дружеские связи с цесаревичем Павлом, он был вхож в Малый двор, и потому было выгодно использовать его в качестве

связующего звена между масонами и наследником престола. Но для этого было необходимо прежде всего его самого втянуть в масонство и связать соответствующими клятвами и обязательствами. Еще во Франции, когда Баженов учился, парижские «вольные каменщики» усмотрели в нем весьма перспективную личность. Они осторожно, в непринужденных беседах рекламировали перед ним свое «братство» и намекали, что рано или поздно он оценит «благие порывы» братьев и разделит с ними заботы по «совершенствованию мира» на началах «добра и справедливости». Не вникая в суть «орденского учения», Баженов в самом деле очень скоро стал благосклонно относиться к масонам. Ему, архитектору, не имевшему знатного титула, льстило, что «каменщики» провозглашают в своих лозунгах «равенство» и почти наравне со священными писаниями почитают строительные символы, называют себя рядовыми последователями и учениками «Архитектора Вселенной». Таким образом, восприятие Баженовым масонства носило чисто внешний, поверхностный характер. Внешним было и его отношение к ритуальной стороне масонства. Воспринимая масонские знаки и символические атрибуты как некую условность, Баженов, поощряемый иностранными и русскими «братьями», все чаще стал использовать их в ритуальных церемониях по случаю закладки зданий. По этой причине многие русские масоны считали его своим «братом», членом ордена. Но Баженов в начале своего творческого пути таковым не был. Несмотря на благосклонное отношение архитектора к масонству, руководители лож не спешили посвящать его в «каменщики», приобщать к масонским собраниям, доверять «тайнства», раскрывать смысл символики и содержание орденских законоположений. По их мнению, Баженов был сильно «отмечен национальным духом», слишком привязан к национальной самобытности, коя

согласно орденскому учению является «пережитком» и заметным тормозом на пути взаимопонимания «каменщиков» и их объединения во «Всемирное братство». Талантливый русский архитектор на определенном этапе больше устраивал их на правах «профана». Во-первых, он в отличие от других не жаждал познания «тайнств» и вполне довольствовался тем, что просто близок к масонам, что их лозунги отвечают его умонастроениям. Во-вторых, Баженов глубоко верил в добропорядочность и бескорыстие «русских братьев», видел в них своих искренних друзей и потому чутко прислушивался к их советам. Руководители ордена, внимательно следившие за русским архитектором, усмотрели во всем этом большую выгоду и избрали по отношению к Баженову особую тактику. Они, как уже было сказано, не спешили заманить его в ложу. Не стали они в его адрес выдвигать и тех требований, которые заранее были уготованы для издателя Новикова. Баженову прописали другой «диагноз»: привязанность к русской архитектурной самобытности, к традициям неизлечима. В этом он усматривает свое назначение, и этим он привлекает к себе внимание соотечественников. Поэтому бесполезно отвращать его от избранного пути и с помощью «масонской науки» убеждать в том, что «национальная самобытность» — это отступничество от целей ордена и его «нравственных законоположений». Самое разумное, решили тайные руководители лож, использовать бажендовскую приверженность к русской самобытности... против самой же русской самобытности. Иными словами: пусть бажендовские строения в своем внешнем проявлении будут подчеркнута традиционными, русскими, но в конечном итоге в результате композиционного построения, немого, но дерзкого диалога строений с самой историей, со славянской гордыней, с укоренившейся национальной

моралью они должны отрицать «национальную самость», разрушать национальный дух и тем самым способствовать утверждению «всемирной культуры», распространителями которой являются «вольные каменщики». Попытаемся сказать об этих целях масонства проще, лаконичнее, применяя современную терминологию и понятия: архитектурные формы и стиль пусть будут подчеркнута национальными, но ансамблевое звучание и идейное содержание должны быть противоположными, отрицающими национальную самобытность и утверждающими космополитизм.

И чем сильнее будет это единство противоположностей — талантливое проявление национальной самобытности и столь же талантливое отрицание самим автором национальных пережитков, тем сильнее будет разрушительная сила этих творений, тем быстрее изживем мы в своих братьях дурные привычки и зароним в их души семена любви не к национальному, но всемирному.

Так рассуждали маститые представители ордена и их русские апологеты.

Травмированный неудачами, архитектор нуждался в моральном успокоении, в друзьях, в их участии. И именно в это время, когда была сломлена гордыня художника, когда в его душе стало созревать недовольство властью, масоны приблизили к себе Баженова. Они стали убеждать его, что истинных друзей он обретет только в их среде, а душевное успокоение найдет в ложах, в масонских науках, в служении ордену.

Баженов охотно поверил в это, ибо не сомневался, что такие люди, как Николай Иванович Новиков, принадлежавший к ордену, способны лишь на добропорядочность и благие дела во имя справедливости и интересов отечества.

И это было именно то, на что рассчитывали зарубежные мастера, разрабатывая целую операцию по

вовлечению в масонство «русского Вольтера» — Новикова, а также по «уловлению» других русских талантов.

Вообще, надо сказать, в те годы почти каждый заезжий иностранец имел соответствующие инструкции и задания от тайных гроссмейстеров своей страны склонять влиятельных русских вельмож к устройству лож по определенному западному образцу. Далеко не все русские масоны, находясь под обаянием свободолобивых и мистико-романтических масонских лозунгов, обращали внимание на то, что это связано с приятием соответствующих уставов, клятвенных обязательств. Поэтому проникновение масонства шло практически беспрепятственно. В результате, по выражению прусского масона Фишера, в России стали существовать всевозможные масонские «системы, какие только тогда были в ходу»: тамплиерство, иллюминатство, розенкрейцерство, система Циннендорфа, шотландская и английская системы и другие.

Сетью масонских лож были опутаны не только первопрестольная и северная столицы, но и многие периферийные города: Архангельск, Белосток, Вильна, Вологда, Дерпт, Житомир, Казань, Каменецк-Подольск, Кинбурн, Кишинев, Киев, Кременчуг, Кронштадт, Митава, Могилев, Немиров, Нижний Новгород, Одесса, Орел, Пенза, Полоцк, Полтава, Ревель, Рига, Рязань, Сагадуры (в Молдавии), Симбирск, Томск, Харьков, Шклов, Ямбург, Ярославль, Яссы, Феодосия и т. д.

Однако в Петербурге шведским масонам-агентам удалось значительную часть влиятельных российских вельмож, русских масонов, склонить к принятию шведской системы.

Любопытно в этой связи привести некоторые подробности, раскрывающие характер западной масонской стратегии.

Благодаря стараниям шведов с посольством в Стокгольм был направлен еще не искушенный в политике 23-летний царедворец, граф Александр Борисович Куракин, посвященный в масонство на 21-м году жизни. Молодому графу предстояло провести переговоры с Верховной Орденской властью Швеции. Для этой миссии Куракин, не обладавший, кстати, высокими масонскими степенями посвящения, был избран не случайно. И не только потому, что он был мало информирован, любил роскошь и лесть, а посему легко поддавался на уговоры. Но еще и потому, что граф был другом и любимым соучеником Великого князя Навла Петровича, наследника российского престола. Словом, шведы действовали в русле того самого плана: постепенно, с помощью русских масонов, вовлечь цесаревича в орден, заранее, пока он не у дел и не очень осторожен, связать его масонскими обязательствами и клятвами.

Напомним, кстати, что Швеция в те времена была традиционным врагом Российского государства.

Куракина в Швеции ждали, его встретили с великим почтением. В декабре 1771 года герцог Карл Зюдерманландский, рассыпаясь в любезностях, лично посвятил его в шведский масонский орден. Было высказано также пожелание широко и прочно распространить в русских ложах шведскую систему. «Однако условием сообщения высших степеней таинств шведского обряда ставили полное подчинение деятельности русских лож Верховному Орденскому правлению Швеции — Великому Стокгольмскому Капитулу». Куракин подписал такой акт. Адам Левенгаупт, исполнявший обязанности обрядоначальника при посвящении графа в Стокгольме, свидетельствовал в одном из своих писем, что после подписания акта шведские масоны пришли в неопишуемый восторг.

Шведские масоны, однако, не выполнили своего обещания, они дали князю не все «акты» и посвятили Куракина далеко не во все «таинства» Капитула, он фактически остался неофитом, малопосвященным. Было обещано, что «недостающее» привезет сам король Густав III. Под благовидным предлогом король не сделал этого и тогда, когда в 1777 году прибыл в Россию. Зато он имел возможность присутствовать на торжествах в его честь в Петербургской ложе Аполлона, лицезреть также членов других дружественных лож, вести с ними секретные доверительные беседы, присмотреться к масонам, коим в недалеком будущем надлежало (под присмотром шведских мастеров) руководить русскими ложами, принявшими шведский обряд.

В декабре 1777 года Капитул — орган правления российским масонством шведского подчинения — был учрежден. Его существование по условиям шведов должно было храниться в глубочайшей тайне от «масонской толпы». «В силу данных инструкций Капитул Феникса являлся для русских «каменщиков» шведского обряда тайным верховным правлением и тайным верховным судилищем, окончательное утверждение постановлений коего зависело от главноуправляющего шведского Капитула». Для более же широкого круга русских масонов, не посвященных в высокие степени, в Петербурге — видимо, специально для утешения национальной гордости — была учреждена Великая Национальная ложа, которой якобы надлежало осуществлять правление всеми ложами, принявшими шведский обряд. Однако практически никаким правом она не пользовалась, вся власть находилась в тайном Капитуле Феникса, где восседали в основном иностранцы, граф Фр. Хорн, Нильс Бьелке, Стенхаген, барон Пфейф, Стоккенстрем, Левенгаупт, Лейонгельм, барон Вахтмейстер, Стенбок, Плумменфельд, барон Спарре, Фреденхейм и др. Эти люди контролировали

деятельность многих российских лож, назначали и смещали их руководителей, вели с помощью шифров секретную переписку с герцогом Зюдерманландским, собирали информацию от русских масонов о различных сторонах жизни общества, в том числе о настроениях и перемещениях в российском царском дворе, в случае надобности снабжали русских масонов деньгами, чем еще больше привязывали к своему ордену. Деньги, впрочем, давали далеко не из чувства благотворительности. Велся строгий учет. Эти функции были возложены на Директорию, учрежденную при петербургском Капитуле. В состав Директории входили избранные из избранных. Согласно инструкции они были наделены правом «суда над членами масонского Ордена и наблюдения за сохранением Орденских законов, статуты и обрядов»; без ведома Директории ни один новый член не мог быть принят в состав той или иной ложи.

Статья 4-я инструкции гласила: «Так как Дирекция России зависит единственно от Великого Провинциального Мастера IX провинции, она обязана будет строго исполнять все статьи договора 1778 года и никогда самовластно ничего нового не учреждать, не получив предварительного согласия Великого Провинциального мастера. На этот конец Директория будет поддерживать постоянную переписку с Директорией Северного Приората, имеющей пребывание в Стокгольме, сообщать ей не только все то, что могло бы каким-нибудь образом касаться общего блага Ордена, но также и все то, что относится к частным делам лож и Капитулов и что могло бы заслуживать внимания Великого Провинциального Мастера. Поэтому петербургская Директория будет каждые полгода посылать Великой Директории в Стокгольм точный отчет о ложах и Капитулах, работающих на всем пространстве Российской империи, и в конце каждого года краткий

общий отчет о замечательнейших событиях, кои произошли в течение года».

В шведской системе, как, впрочем, и в других масонских орденах, действовала строгая иерархическая система: подчинение младших более старшим (при этом гражданские титулы и чины в расчет не принимались). Это прежде всего зависело от степени посвящения. В шведской системе насчитывалось тогда десять градусов. Любопытно при этом отметить, что как в XVIII веке, так и в более поздние времена русские масоны шведского обряда не имели в своих архивах титулов выше 7-й степени, следовательно, не располагали их тайнами, не имели права контроля за теми «просветленными личностями», под руководством которых они вынуждены были работать. Этим правом не обладали даже графы Апраксины, князя Гагарины, Куракины, Долгорукие, графы А. С. Строганов, А. И. Мусин-Пушкин, Шувалов, князь Н. В. Репнин и другие.

Шведская система с каждым годом занимала в России все новые рубежи. Она распространилась даже на армию и флот.

«За армиями, — отмечала исследователь истории русского масонства Т. Соколовская, — они следовали в поход и уходили в море с отплывающими в бой кораблями. Одна из таких лож, под наименованием ложи «Нептуна», работала на корабле «Ростислав», где почти весь офицерский состав и многие из матросов и солдат были масонами. Адмирал С. К. Крейг был управляющим мастером ложи и подчинен по шведскому масонству герцогу Карлу Зюдерманландскому, являвшемуся в кампании 1788 года врагом России».

По поводу «военных» лож Екатерина II, комментируя в 1792 году материалы судебного следствия, писала: «... если в оных такие же правила есть, какие князю Репнину при вступлении в орден предписаны, то едва ли удобны для воина».

Между тем не упускали малейшей удачной возможности и берлинские масоны, стремящиеся распространить свое влияние на Россию. С этой целью, в частности, и было установлено тщательное наблюдение за Н. И. Новиковым, его литературно-издательской деятельностью, за его умонастроением и морально-психологическим настроением.

Из-под взгляда берлинских масонов не ускользнуло, что Николай Иванович, находясь на перепутье, подвергает серьезному сомнению безбожное вольтерьянство, «так как главным очагом этих идей была Франция, — как замечает Г. В. Плеханов, — то он, подобно Фонвизину, решительно *предпочитал немцев французам*».

Не осталось незамеченным и то, что «неудачливый» великий русский зодчий В. И. Баженов поддерживает бескорыстную дружескую связь с Павлом Петровичем, по отношению к которому у берлинских масонов тоже были свои виды и планы. Узнав через своих агентов о том, что два популярнейших в России человека, Баженов и Новиков, оказались причастными к масонству, немецкие «братья» активизировали свои действия.

Когда по Германии путешествовал русский масон, князь Н. С. Гагарин, члены немецкого Ордена навязали ему в качестве гувернера некоего Иоганна Георга Шварца. (Русские звали его «Иван Григорьевич».) Шварц прибыл в Россию в 1776 году, поселился в Могилеве, где ему предстояло состоять гувернером в доме А. М. Рахманова, родственника Гагарина. При первой же возможности Шварц отправился в Москву и через знакомых масонов добился того, что князь Н. Н. Трубецкой принял его в свою ложу. Вскоре он командировал Шварца на свои деньги в Митаву, где тот заключил с «тамошними старыми масонами союз». Назад он вернулся «награжденный 5-й степенью системы германского строгого наблюдения (система

беспрекословной подчиненности, подотчетности, строгого хранения «тайнств» масонства. — *Примеч. В. П.*), принятой в Митаве, и был избран могилевскими масонами мастером стула их ложи». (С какими «градусами», степенью посвященности, Шварц приехал в Россию — это загадка, но из тактических соображений, чтобы не вызывать лишних подозрений у русских, он, видимо, предпочел придерживаться иерархической последовательности.)

В 1779 году Рахманов скоропостижно умер. Шварц переехал в Москву. В этом же году по советам и уговорам масонов в первопрестольную столицу переехал из Петербурга и Новиков. С этого времени начинается их масонская дружба. Шварц вступил в ложу «Гармония», где состоял и Новиков, храня, однако, в тайне свою причастность к «системе строгого наблюдения» немецкого обряда. Осенью 1782 года Шварц, сославшись на неудобства университетского дома, где он проживал, переехал в дом Н. И. Новикова, что у Никольских ворот. С этого времени, как свидетельствовал в дальнейшем на суде Новиков, Шварц стал осторожно агитировать Николая Ивановича написать «прошение» берлинским мастерам о принятии в их Орден. Такие же предложения он делал и другим влиятельным людям России.

ХОДЫНСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА

Императрица вызвала к себе Баженова. Поинтересовалась здоровьем.

— Сказывают, вы хворали?

— Не извольте беспокоиться, — сухо ответил Василий Иванович. — Недуг мой особого свойства. Он в том, что мой скромный талант и знания в неопределенности пребывают.

— Вот и прекрасно. Я так и думала. Потому и решила вас потревожить.

Екатерина была сама любезность, кокетливо улыбалась, шутила, вела разговор в доброжелательном тоне.

По всему было видно, что она не только в хорошем расположении духа, но и вновь, после перерыва, вызванного разными обстоятельствами, заинтересована в зодчем, в его таланте и знаниях.

— Я не сомневаюсь, друг мой, — говорила императрица, — что вы патриот отечества российского, а посему готовы разделить великую радость по случаю нашей победы над турками и заключения мира в Кучук-Кайнарджи.

Это было вступление к изложению плана торжеств на Ходынском поле. Екатерина выразила пожелание, чтобы Баженов принял участие в архитектурно-декоративном оформлении праздника.

В письме к барону Гримму, парижскому комиссионеру по скупке ценных картин и редких книг, императрица писала, что она якобы подсказала Баженову план «увеселительного строения». Но, вероятнее всего, это письмо, датированное апрелем 1775 года, было составлено на основании уже представленного проекта, так как приготовления к

торжествам и сооружение отдельных объектов начались еще зимой 1774 года.

И все же, поскольку письмо является документом и содержит описание плана, есть смысл хотя бы частично процитировать его.

«Был составлен проект празднеств, и все одно и то же, как всегда: храм Януса, да храм Бахуса, храм еще... Я рассердилась на все эти проекты, и вот в одно прекрасное утро приказала позвать Баженова, моего архитектора, и сказала ему: «Любезный Баженов, за три версты от города есть луг; представьте себе, что этот луг — Черное море и что из города две дороги, ну вот, одна из сих дорог будет Танаис (Дон), а другая — Борисфен (Днепр); на устье первого вы построите столовую и назовете Азовом; на устье второго — театр и назовете Кинбурном. Из песку сделаете Крымский полуостров, поместите тут Керчь и Еникале, которые будут служить бальными залами. Налево от Танаиса будет буфет с вином и угощением для народа; против Крыма устроится иллюминация, которая будет изображать радость обоих государств о заключении мира; по ту сторону Дуная пущен будет фейерверк, а на месте, имеющем изображать Черное море, будут разбросаны лодки и корабли, которые вы иллюминуете; по берегам рек, которые в то же время и дороги, будут расположены виды, мельницы, деревья, иллюминированные дома, и, таким образом, у нас выйдет праздник без вычур, по, может статься, гораздо лучше многих других».

Россия и в самом деле еще не видела такого размаха «увеселения». На временные строения, которые надлежало выполнить не просто в виде декораций, а в натуральную величину, по всем архитектурным законам, с большой выдумкой и затейливостью, были отпущены большие деньги. Причудливый зал с галереями — «город Таганрог», вместительное круглое здание — «Азовский

замок», театральный дворец в несколько этажей — «крепость Кинбурн» — все это были достаточно внушительные постройки, где планировалось проведение маскарадов, показ опер, концертов.

О размахе строительства на Ходынском поле и масштабной, поистине ансамблево-градостроительной, фантазии архитектора можно судить хотя бы по тем планам, эскизам, рисункам, которые сохранились до нашего времени.

Руководил строительством уже знакомый Баженову Измайлов, начальник Кремлевской Экспедиции. М. Казаков вновь был главным помощником Василия. Оба они, пользуясь случаем, привлекли к работе огромную армию своих бывших воспитанников, членов архитектурской команды.

Проектируя строения для «ходынских торжеств», Баженов мог многое позаимствовать из того, что ранее было им разработано, но не получило практического воплощения. Но он с самого начала отказался от этого соблазна. Зодчий шел от конкретно предложенной темы, учитывая при этом историю. А она в данном случае выражалась в том, что Россия, одержав победу над турками, не завоевала побережье Черного моря, а освободила те земли, которые во времена киевских князей омывались водами (переименованного затем) Русского моря. Это позволило Баженову осуществить давнишнюю мечту, возродить мотивы древней архитектуры.

Советский историк архитектуры М. Ильин замечал, что торжества и все связанное с ними должно было носить национальный характер. И Баженов решил возродить в своем проекте ту древнерусскую архитектуру, которая создавала столь изумительные произведения до XVII века... «Увеселительные постройки, условно передававшие покорение турецких крепостей, образно говорили об исконных правах

России. Было нечто напоминающее и узорчатый восток в этих постройках».

...В тот день Баженов посвятил большую часть времени осмотру строящихся триумфальных ворот. Это — «Тверские-Ямские ворота», «Тверские ворота Белого города», уже возведенные «Воскресенские ворота», которые «триумфально» украшались. Моросил дождь. Настроение было скверное, хотя поводов для этого, казалось, не было: работы шли успешно, Ходынское поле изо дня в день преображалось, вырастали крепости, дворцы, минареты, павильоны, «сухопутные» корабли, сооружались форты... Трудились почти круглосуточно. Нередко работы велись под проливным дождем. Вообще весна выдалась сырая, дождливая. Грозовые тучи, казалось, не собирались покидать московского неба, низкие, мрачные, они словно плавали по заколдованному кругу.

Баженов приблизился к «Тверским воротам Белого города». Взобрался на леса. Внимательно осмотрел сооружение, резные работы по дереву.

Спустился злой. Стремительно направился к отдыхающим строителям.

— Чья работа?.. Чья работа, я вас спрашиваю, сукины дети?! — приходя в ярость, кричал Василий, указывая на фриз и парапет с балюстрадой.

— Ежели кого бранить, то меня извольте, — лениво отделившись от бригады рабочих, сказал Яков, бывший ученик Василия Ивановича по кремлевской «архитекторской команде».

— Тебя не бранить, тебе руки отрубать надобно, — распалялся Баженов.

— Виновны, ваша светлость, спору нет, — спокойно отвечал Яков. — Есть грех, чего там говорить, сам вижу. Но только не одни мы повинны в том. Взгляните, господин Баженов, какой лес привозят нам, весь сырой, словно мочалка. Из него не токмо хоромы, но и гробы

для недруга смастерить дело непростое, — немного помолчав, мастер по дереву добавил: — И потом я так думаю. Сим строениям, как разумеет моя дурья голова, вечная жизнь не уготована. А кому охота душу свою в скоропостижное вкладывать.

Баженов сник. Слова задели за живое. Краска выступила на его бледном лице. Он словно был уличен в чем-то стыдном. Сие были его тайные переживания, не дававшие покоя.

— Ежели что не так сказал, то прости, Иваныч, — замечая резкую перемену в настроении архитектора, виновато проговорил Яков. — Воля хозяйская... Извольте приказать, переделаем.

— Не во мне дело, — тихо, подавленным голосом сказал Василий. — Ремесло свое... Ремесло свое уважать надобно.

И, не поднимая головы, не выслушав ответа, Баженов быстрым шагом направился к другому строению.

10 июня 1775 года в Грановитой палате состоялось вручение наград участникам минувшей войны с Турцией.

К этому времени в Москву съехалась почти вся российская знать. Со всех сторон к Ходынскому полю бесконечным караваном тянулись подводы, мчались праздничные кареты, толпами, со всех окрестных деревень и отдаленных пригородов тянулся рабочий люд. Из разных губерний и национальных окраин съехались артисты, циркачи, танцоры, разодетые, как было приказано, в национальные самобытные костюмы. Им предстояло демонстрировать свое искусство и подчеркивать единство наций и народностей, населяющих Россию Великую.

На Ходыне начинались торжества. «Там явился целый город: каждое здание, отличавшееся особенным цветом, в турецком вкусе — с минаретами, киосками и каланчами, походило на крепость, остров или корабль; они назывались Азовом, Таганрогом, Керчью, Эниколем, Таманом, Конарджи, Кинбурном... Когда высокие посетители заняли места в великолепной галерее, поданы были сигналы, возвещавшие начало празднеств».

О прибытии Екатерины II возвестили пушки, многочисленные трубы и литавры.

Императрица, демонстрируя демократичность, прошла сквозь толпу народа. Поднявшись на гилерею в сопровождении свиты, она поклонилась тысячам собравшихся и поздравила их с победой, с началом торжеств.

— Ликуйствуй, народ! — воскликнула императрица, подогревая хорошо знакомые ей патриотические чувства россиян. — Это твоими стараниями, кровью солдатшек, отважных воинов России, умножилась слава и мощь отечества нашего. Пусть видят и слышат иные края, друзья и враги наши, что в сей великий день радость народная беспредельна...

Вновь заговорили пушки, загремели трубы, вспыхнули огни фейерверка, в разных концах «ходынского гульбища» заиграла музыка.

Наступило всеобщее ликование. Слетели покрывала с фонтанов, забивших виноградным вином. Распахнулись ворота павильонов с даровым угощением для простолюдинов: жареными быками, баранами, птицей.

Начались концерты, пляски, скачки азиатов на степных лошадях. Акробаты и фокусники тешили и удивляли народ. Заработали аттракционы, ярмарка.

Андрей Тимофеевич Болотов, описывая зрелище и массовые гуляния, замечал: «Как и самые товары в лавках должныствовали предзнаменовать сию торговлю,

всходствие чего и поделано было несколько небольших морских судов, и расстановлены с их мачтами и флагами в разных местах на одной раньше представляющей море, будто бы плавающими... Для увеселения же подлого народа поделано было... множество крупных качелей, огромных театров».

Баженов плелся в конце свиты, сопровождавшей императрицу. Часто отставал, гладил колонны, резные украшения, деревянные скульптуры, словно впервые видел их. Трудно было поверить, смириться с мыслью, что вся эта громадина величественных строений, в которые он вложил душу, — явление временное.

Екатерина направилась в «Азовскую крепость», где был приготовлен торжественный обед на 319 персон. Но прежде чем сесть за стол, императрица пожелала осмотреть само здание. Баженов давал пояснения.

— Уж не захворали ли вы на самом деле? — неожиданно спросила Екатерина, пристально взглянув на архитектора. — Что-то на вас лица нет.

— Нет, не извольте беспокоиться, Ваше величество, я здоров, — осипшим головом ответил Баженов. — Просто устал малость.

— Оно и видно, что поработали вы отменно. Мне нравится.

— Весьма благодарен за столь лестную похвалу, — с поклоном ответил Баженов.

— Ну а сейчас отдыхайте, вы того заслужили. Бог даст, мы еще свидимся. И такое, быть может, придумаем, что не токмо мы, но и потомки наши с восхищением дивиться будут.

Вечером Ходынское поле засветилось множеством красочных огней.

Гулянье продолжалось почти до рассвета. Поэты посвятили торжествам пламенные оды, газеты щедро выделили места репортажам и описаниям праздника на Ходынском поле.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*При вступлении в великолепные сады
сии прелесть прогулки получает новую
силу воспоминаниями прошлого.*

Андрей Раевский

НОВЫЙ ЗАКАЗ

Летом 1775 года Екатерина решила приобрести подмосковное имение Черная Грязь. Была оформлена купчая.

Здесь в свое время был построен своеобразный деревянный дворец, который в 1722 году описал камер-юнкер голштинского герцога Берхгольц:

«Дом в Черной Грязи построен на китайский манер, с отлогими крышами на два ската, с галереями, по которым можно ходить перед окнами вокруг всего строения, и со многими маленькими башнями, со всех сторон открытыми и обтянутыми только парусиной для свежести воздуха и защиты от солнца. Он весь деревянный, но так как раскрашен и стоит на высоком месте, то издали кажется великолепным. Комнаты внутри его, кроме одной залы, очень невелики, низки и с низенькими окнами, исключая, впрочем, еще комнатки в правом павильоне и во втором этаже, которая довольно высока и служит князю спальней, потому что находится близко от одной из галерей, откуда прекрасный вид».

Екатерина мечтала о большой загородной резиденция. Эти желания в 70-е годы подогревал и Григорий Потемкин.

— Черногрязье, матушка, весьма подходящее место для русского Лувра, — говаривал Потемкин. — Ваш архитектор, господин Баженов, учитывая его талант и фантазию, может приличное царское село основать в оном месте...

— Как ты сказал? — перебила Екатерина, — Царское село... Пожалуй, недурственно, — задумчиво произнесла императрица и тут же решительно добавила: — Быть посему.

Итак, Черные Грязи были переименованы в Царское Село, или, иначе говоря, Царицыно.

Остановившись ненадолго в Коломенском, Екатерина на своей блестящей карете, запряженной осьмью лошадьми, в сопровождении кавалергардов и царедворцев, отправилась в погожие дни осматривать новое владение. В Царицыне ее встречал Потемкин, позаботившийся о том, чтобы имение и вся окружающая обстановка произвели на императрицу хорошее впечатление, оставили приятные воспоминания. И без того живописные пруды были украшены яркими плавающими ладьями, небольшими пристанями — мостками для схода к воде. В глубине парка был сооружен большой шалаш из свежеспянувшего сена. Сюда планировалось подать полдник, а затем отсюда же насладиться «сельским праздником».

Были согнаны статные крестьяне-косцы. Девушки, разодетые в яркие самобытные сарафаны из домотканой материи, пели песни, водили хороводы. Крестьянские подростки на лошадях соревновались в удалестве и ловкости.

Екатерина пребывала в хорошем настроении. Ей все здесь нравилось.

— Вот, Григорий, чего не хватает нам. Мы, городские обитатели, привыкли всюду лоск наводить, дивиться красотам, далеким от естества. А ведь дикость сама по себе красоту имеет. Важно особенно не тиранить ее. — Екатерина мечтательно помолчала, глядя на небо и высокие кроны деревьев. — Красив Лувр, спору нет. Но древние замки, хоть и нет в них лоску, больше взору приятны и дикостью своею пленительны, ибо грубость их сродни с природою.

Это не было твердым убеждением Екатерины. Скорее всего это было сказано под настроение. Но Потемкин решил не упустить удобного случая, сыграл в

унисон и выдал импровизацию за давно продуманную идею.

— Потому, Ваше величество, мне и приглянулись здешние места. Я давно думаю, что ежели строительство здесь учинить в мавританском вкусе, не тираня при том естество, а, напротив, украшая дикость руинами, то приятность для взора может получиться необыкновенная.

Эти пожелания были высказаны и Баженову, когда ему давали поручение составить план строительства в Царском Селе.

Архитектор учел эти пожелания, но не пошел у них на поводу. «Баженов задался целью, — справедливо указывает советский исследователь Е. Н. Шемшурина в книге «Царицыно», — создать в Царицыне национальный русский ансамбль на основе синтеза русских и классических композиционных принципов, но, подчиняясь «высочайшему» заданию, присоединил к этому некоторое количество готических и псевдоготических деталей». Этот стиль затем определяют как «новое национально-романтическое направление русской архитектуры». Следует при этом заметить, как подчеркивает другой советский исследователь творчества Баженова, В. Снегирев, что зодчий «несомненно, исходил из элементов так называемого московского барокко, а не из чужеземного, уже умершего готического стиля... Обращаясь к русской архитектуре XVII века, Баженов не копировал ее, он возрождал ее в претворенном виде, обогащая новыми приемами и мотивами.

Глубокие мысли руководили Баженовым, когда он независимо от придворной моды создавал проекты своих построек, именуемых готическими. Он зажегся мыслью «вернуть к жизни» старорусскую национальную архитектуру, памятники которой были ему так понятны, так дороги».

Главным строительным материалом зодчий избрал красный кирпич и белый камень. Уже одним этим он желал «протянуть руку» допетровским постройкам, напомнить о старорусской архитектурной культуре, показать эстетику сочетания белого натурального камня и обычного кирпича.

Василий Иванович на сей раз решил отказаться от монументальности, величественных форм, характерных для дворцовых построек. Ибо русская природа, окружающая обстановка и поставленная перед самим собой задача диктовали иное: скромность, соразмерность, сочетание построек с ландшафтами, ненавязчивая ансамблевость, усадебная теплота.

В 1776 году проект был готов в виде панорамного чертежа — «Вида села Царицына».

Василий Иванович прежде всего решил поделиться замыслом нового строительства со своими коллегами — непосредственными помощниками и вновь набранными учениками, среди которых были Семен Орфанов, Николай Кузьмин, Иван и Николай Урюпины и другие. Правда, первоначально архитектурская команда при Царицыне существовала больше как бы на общественных, самодеятельных началах, так как официально нигде не была утверждена и денег на ее содержание не отпускали. Предстояло вначале определить объем работ, утвердить смету. Но Баженов, помятуя о том, что с началом строительства у него будет дел по горло, — да и заниматься подбором мастеров, их обучением будет уже поздно, тем более что была команда «со строительством не мешкать» — регулярно проводил занятия с самого начала, когда план застройки только еще складывался.

Баженов неторопливо и на сей раз без волнения пояснял общий принцип задуманного им плана, останавливая внимание лишь на отдельных, наиболее важных строениях.

— Ныне мы привычку имеем, — говорил Баженов, обращаясь к коллегам, — во всем симметрию искать и все постройки располагать по геометрическим осям. В этом нет ничего дурного. Но мы забыли, что древние зодчие, особливо наши соотечественники, и асимметрию ценили, отчего цельность композиции не нарушалась, а, напротив, живописность приобретала. Сие есть закон природы, порожденный самой природою. В этом нетрудно убедиться, взирая на эти пруды и овраги, холмы и деревья, луга и реки. Здесь есть гармония, но нет симметрии.

Баженов проводил свою беседу под открытым небом, точнее — под липовыми кронами. На стволах деревьев — эскизы, планы будущих построек, развернутая панорама — «Вид села Царицына». Такая «аудитория» позволяла зодчему вести беседу более конкретно и наглядно.

— Словом, друзья мои, — продолжал Василий Иванович, — я не намерен тиранить природу, и, надеюсь, что она мне ответит тем же. Посему главное здание замыслил я не в виде единого дворца, как то принято, особливо в городе, а видится он мне павильонами усадебного типу. Анфилады парадных залов обратил я в сторону парка. Сии строения займут центральное место на подъездной площади. В центре среднего корпуса — главный вход во дворец.

— Чем объяснить, — поинтересовался П. Плюсков, ученик Ухтомского, — что столь невелик по ширине своей центральный корпус?

— Именно благодаря этому, — пояснил Баженов, — я хочу добиться включения в сей важный интерьер зеленой лужайки, коя взор ласкает и весьма прелестно вписывается в раму портала. Покои светлейших особ, —

продолжал Василий Иванович, — расположил я в боковых корпусах, форму квадрата имеющих. Тот, что обращен к прудам, предназначается матушке-императрице; другой, супротив Хлебного дома^[6] — для ее наследника. В сей дворцовый ансамбль войдут и другие постройки. Скажу обо всех поочередно.

Большой кавалерский корпус^[7] для именитых гостей и Лакейский дом^[8]. Расположил я их по берегам прудов и оврагов. Особливое значение, как видно на плане, решил я придать третьему корпусу, имеющему форму круга, ибо сие диктуется его местоположением. По той же причине здание венчает богатая декором башня, весьма удобная для обозрения окраин и сельских праздников, если таковые будут иметь место. Фасад корпуса, как изволите видеть, имеет общий со всеми зданиями вкус: цоколь из белого камня, стреловидные окна с декором из того же материалу, красный кирпич и прочее. Но есть и отличие — узорная кладка над окнами и белокаменные кокошники у входа, легкость и дальнюю привлекательность сему строению придающие. Дабы укротить готику и придать строению спокойный ритм, я дал корпусу горизонтальную направленность, призвав на помощь линии парапета, широкий антаблемент и прочие успокоительные в архитектуре чередования, кои весьма важны и для других зданий, мною запроектированных...

Баженов бесшумно ступал по сочной траве, прогуливаясь между деревьями, где были развешаны его работы. Указкой ему служила осиновая палочка с маленькой веточкой на конце, которой он временами отгонял назойливых комаров. Коллеги слушали внимательно, делали наброски отдельных деталей и частей зданий, копируя рисунки архитектора.

— Перейдем к следующему строению того же порядку, к Полуциркульному дворцу, названному мной Малым^[9], — продолжал Василий, указывая на парковую

площадь, Березовую перспективу и на пруды у холма, обращая тем самым внимание слушателей на натуру и предоставляя им возможность самим отыскать названное здание на рисунке и мысленно перенести на то место, где ему в будущем надлежит быть. — Полукружие фасада сего здания обратил я к прудам. С одной стороны открывается величественный холм, очертания коего я повторяю в формах строения. Сюда же глядит и овальный зал, могущий служить столовой. Главный же фасад — парковый. Белокамье придает ему легкость и изящество, кои белоствольным березам свойственны. Потому и обратил я фасад к Березовой перспективе, она живым продолжением сего здания явится. Сей фасад полусферическим куполом увенчан, чем придает спокойствие всему дворцу, как, скажем, крона дерева венчает и укрощает первичную высоту ствола. Посему, как мне думается, оное строение, будь то со стороны холма, прудов или парковой площади, будет словно рожденное самой природою.

Следующее строение — дворец подле боку садового^[10]. Это здание опять же не архитектурным насилием и каменным нагромождением, а самым местоположением и всей натурою в композицию завязано.

Василий сделал паузу. Неторопливо поменял на стволе дерева эскизы, выставив рядом с панорамой отдельные рисованные детали строения.

Паузой воспользовался ученик Баженова.

— Кажется мне, господин Баженов, что сие здание, вами исполненное, имеет детали, особливо оконных проемов, не менее, а более крупные, нежели в других строениях, включая, между прочим, и Главный дворец. Продиктовано ли это его великой величиною или сии отклонения другую причину имеют?

— Похвально, друг мой, — с улыбкой заметил Василий Иванович, — весьма похвальна ваша зоркость.

Отклонения от принципу есть — это верно. И об этом я имел в виду сказать особливо. Здание сие предназначено для торжеств, о чем говорят, к примеру, трехарочные входы и фасады, венчанные гербами государства Российского. Но мне не хотелось подчеркивать огромность его за счет увеличения объемов и общего утягчения. Здесь, как и повсюду, я сохранил спокойный тон во внешнем наряде и умеренность в размерах здания. Но убранство фасада, укрупненные детали декора подчеркивают торжественность и увеличивают масштабы сего здания. Однако сие характерно, как извольте заметить, лишь для Главного фасада. Далее, чем ближе к парковому фасаду, тем менее крупны формы. Столь же не вдруг здание облегчается и кверху. Например, второй этаж по высоте своей — близнец первому, но выглядит несравненно легче, а достигается сей обман зрения белокаменными кружевами. Резьбою по камню надлежит обработать и оконные проемы. Все это не токмо облегчит здание, но и свяжет его с природою и, несмотря на парадность и исключительность дворца, придаст единость с другими строениями. Касательно же Управительского дома^[11], — продолжал Баженов, — скажу немного. Его место — за Лакейским домом, подле оврага. Парапет, портик, антаблемент, фронтон — все это некоторое сходство с Лакейским домом имеет разве что в других пропорциях. Но чтобы придать ему некоторую особость, применил я на углу здания четырехколонные портики, чем и выделил фасад корпуса.

Названные мною здания и составляют дворцовый ансамбль. Да, кстати, войдет в него и церковь^[12].

Баженов предпочел в тот день воздержаться от рассказа о декоративных сооружениях, составляющих немаловажную часть ансамбля, ибо считал, что это тема отдельного разговора, и весьма длительного. Он

придавал большое значение этим «второстепенным» постройкам и хотел посвятить их комментированию специальные занятия, так как ученикам и мастерам предстояло проделать каменно-ювелирную работу, чтобы достичь того эффекта, на который рассчитывал архитектор, проектируя декоративные сооружения.

Главный въезд в Царицыно намечался со стороны Москвы и Каширы. Но путь преграждал овраг. На этом месте Баженов запланировал парадный мост длиной 6, а высотой 50 саженей. Это прекрасное сооружение со множеством декоративных кирпичных столбов, обелисков, белокаменных украшений было исполнено в духе XVII века.

Применяя все те же строительные материалы, кирпич и белый камень, Баженов добивается большого эффекта. Его мост легок, изящен. Достигается это благодаря умелой планировке стрельчатых арок, использованию проемов, белокаменных вставок, сочетанию пучков белых колонн. Если в дворцовых постройках Баженов за счет планировки, пропорций, декоративных деталей облегчал верх зданий, то иную, противоположную задачу — с использованием тех же проемов, строительных «секретов» — он ставит перед собой, проектируя парадный мост. В результате сказочно-кружевное сооружение, несмотря на свою фактическую основательность, словно парит в воздухе.

Не менее интересен другой мост, Фигурный, расположенный на северо-западе, на пересечении въездной аллеи, которая является как бы продолжением Шепиловской плотины и Березовой перспективы. Его основательные башни, соединенные ажурной галереей, тоже кажутся легкими благодаря умелому использованию белокаменных украшений и несут на себе отпечаток своеобразной русской архитектуры XVII века.

Верхняя галерея Фигурного моста — это целый комплекс декоративных сооружений, весьма своеобразных. Кирпичная стена фигурной кладки со множеством стрельчатых проемов чем-то напоминает парапеты царицынских дворцов. Оригинальны по своей архитектуре многочисленные башни, каменные «святильники», украшенные обелисками. Все это создает определенный настрой при въезде в ансамбль, на дворцовую площадь, и для восприятия самобытных построек в Царицыне.

Есть нечто общее с Фигурным мостом у другого строения — Фигурных ворот, замыкающих Березовую перспективу. Арка ворот зажата башнями, имеющими общую схему с башнями моста. Но это далеко не буквальное повторение. При всей своей монументальности, устремленности ввысь Фигурные ворота в то же время характерны своей интимностью и даже сказочностью. Это впечатление усиливается за счет необычных белокаменных узоров, свисающих как кружева в поле центральной стрельчатой арки, декоративного убранства ворот, многочисленных скульптурных фигур, которые, к сожалению, не сохранились до нашего времени. Характерно то, что, проектируя эти ворота, Баженов использовал тот же архитектурный прием, что и при создании моста через овраг. В Фигурных воротах, в противоположность дворцовым зданиям, зодчий перенес акцент белого цвета на нижнюю часть строения, а верхнюю часть, массивные башни, облегчил в основном за счет пластического решения и декоративных деталей. Таким образом, Фигурные ворота, особенно сама арка, при всей своей массивности словно парят в воздухе.

К сооружениям, выполняющим двоякую роль — функциональную и декоративную, — относятся Хлебные ворота и галерея, соединяющая дворец и Хлебный дом.

Советскими исследователями, в частности, А. Михайловым, были обнаружены документы, на основании которых установлено, что Баженов первоначально планировал построить галерею между Хлебным домом и дворцом Павла в 1782 году, а построена она была в 1784 году. Следует, кстати, отметить, что планы строительства в Царицыне зачастую нарушались не только из-за несвоевременного финансирования, но и отдельных корректив, изменений, которые вносились в проект по желанию Екатерины II.

Особенно уникальны в баженовском исполнении ворота, занимающие треть длины галереи. Башни в данном случае являются не столько опорами арки, сколько самостоятельными, весьма своеобразными двухъярусными сооружениями, увенчанными шпилями — пирамидами и многоярусными башенками. И все это очень органично связано с галереей, которая отличается изяществом и, несмотря на обилие декоративных деталей, скромностью.

Цилиндрической формы арка, известная под названием «колючей», благодаря эффектному применению зодчим простого строительного материала тоже выглядит сказочной.

Василий Баженов тщательно продумывал каждую деталь в проектируемых сооружениях. Это видно хотя бы на примере декоративных парковых башенок, расположенных у дворцовой площади и между Главным и Малым дворцами. Детали декоративных сооружений, казалось бы весьма второстепенных, выполнены зодчим с таким же вниманием и мастерством, столь же продуманно их пластическое решение и местоположение, как и все остальное, что включает в себя царицынский ансамбль.

Баженова не менее волновало и другое: как сохранить прелесть первозданной природы, не выделить на ее фоне, а органично вписать в нее то, что будет

создано искусными руками человека? Как заставить кирпич и камень звучать согласенно с окружающим миром, столь же слаженно, как уживаются кряжистые дубы и стройные белоствольные березы, луга и овраги, пруды и чащобы? Именно любовью к русской природе, почитанием ее неповторимой естественности отличается проект зодчего, где учтены и с любовью сохранены естественные лужайки и ручейки, изгибы прудов и березовые хороводы, тенистые аллеи и лесные тропинки, пропадающие в зарослях и болотах. И Баженов, можно сказать, своего добился. Не случайно П. П. Свињин, исследователь и целитель русской старины, в 1823 году замечал: «Вступая в сад, зритель невольно забудет строения царицынские и пленится прелестью природы, — обширные пруды, тенистые аллеи, зелень с умением прибранная, бесконечные дорожки, беседки и домики, везде разбросанные, беспрестанно занимая зрение, производят разнообразные впечатления, и прогулка в садах царицынских оставит в душе приятнейшее воспоминание».

В 1776 году составленный Василием Баженовым план царицынских построек был в целом одобрен. Но архитектор, памятуя о возможных организационных сложностях, каковые возникали при работе над неосуществленным московским кремлевским дворцом, еще ранее, в 1775 году, составил «Памятную записку, что доложить е.и.в. по селу Царицыно». В ней он просил уточнить и решить ряд вопросов: «откуда деньги получать на строение села Царицына, чтоб работникам не замедливать уплату одного дня по окончании их дел; также выдавать за треть или на половину работы, а особливо тотчас платить по окончании дня без всякого

притеснения поденщикам», как заготавливать камень — «дрова на обжиг кирпича, черепицы и извести, наймом или покупать или партикулярно». Баженов напоминал, что в Царицыне еще нет кирпичных заводов, а посему, чтобы не задерживать строительство, «не соблаговолено ль будет взять заимообраано или в зачет с заводов Кремлевской Экспедиции». Василий Иванович беспокоился о привлечении и закреплении хороших работников, особенно подрядчиков: «Подрядчиков, знающих свое дело, усердных и нежадных к большому интересу, беречь таких (следует) и отдавать им против других в будущий год с малою и передачею, а незнающих и не своего дела и в торги не допускать; ибо такие только бывают при переторжке для магорычей, а если за ним установится цена, то такой совсем и дело оставит». Необходимо также, замечал Василий, беречь трудолюбивых и талантливых каменщиков, своевременно платить им, «дабы они не расходились лутчие по другим городам».

В мае 1776 года началось строительство. Баженов велел заложить три здания вдоль Березовой перспективы, в том числе Кавалерский корпус с круглым залом, а также Фигурный мост, Малый дворец и «Дворец против боку садового» (Оперный дом). Работы шли достаточно успешно. Уже в августе того же года Баженов доносил в Петербург, что строительство Фигурного моста заканчивается, «прочие же три дома в половине уже возведены, которые неотмеено в нынешнее летнее время еовсем к концу приведены будут, есть ли не захватит ненастье».

Однако к концу года начались перебои в поступлении строительного материала, так и не пришло разрешение брать белый камень в селе Коломенском, «которого лежит там несколько тысяч без употребления». Была некоторая неопределенность и в смысле дальнейшего финансирования. Из

первоначально выделенных на строительство тридцати тысяч рублей к концу года оставалось только полторы тысячи. Василий Иванович представил «Ведомость употребленным деньгам для строения села Царицына», в которой пояснял, что «Сей остаток должно употребить за четырнадцать тысяч черепицы, жалованья по генварь необходимым чинам при разных должностях, притом на многие расходы, яко то плотникам, за теску камня, за резьбу, что еще производится в селе Царицыне, и на непредвидимое». В своей записке от 12 августа

1776 года, предназначенной для доклада императрице, Баженов спрашивает: «Будет ли что строиться на 1777 год: те ли дворцы, из коих один почти весь выбучен, а другой рвами изготовлен, или что другое в прибавок? ...Такая ли же сумма определена будет на строение, или с прибавкою?.. Откуда получать деньги, и на том ли основании, как нынешний 1776 год производилось, или как лутче заблагоразсудится?»

И все же, несмотря на организационные неурядицы, строительство продолжалось. В 1777-1778 годах были закончены ранее начатые строения. В 1777 году появилась возможность приступить к строительству главного дворца. Оно велось в течение двух лет и было закончено в 1782 году. После этого были заложены Большой кавалерский корпус и Управительский дом.

Зодчий мечтал завершить весь объем работ за два-три года, а строительство растянулось на целое десятилетие.

В эти годы Баженов особенно остро ощутил личную материальную неурядицу. Росла семья, увеличивались долги частным лицам.

Гордый и самолюбивый архитектор был вынужден обратиться за помощью. Он пишет Завадомскому «Изъяснение», в котором просит кабинет-секретаря похлопотать о выдаче ему из казны (заимообразно) 15 тысяч рублей, чтобы расплатиться с долгами и хоть как-

то поправить свои семейные дела. Однако последовал отказ. Это вынудило Баженовых объявить об очередной продаже дома вместе с библиотекой, собранием художественных работ, дорогих и нужных для архитектора эстампов. В «Московских ведомостях» (№ 9, 10, 11, 1776) было дано объявление:

«Архитектора и артиллерии Капитана Василия Баженова каменный о двух жильях дом, в коем до 16 покоев под лестницею каменная баня, деревянный флигель людской о трех покоях и четвертая топлюшка, два погреба с сушилками, каретный сарай, конюшня на четыре лошади, два анбара для хлеба, сад с прудиком, с редкими яблонями, грушами, вишнями и другими для украшения деревьями; оранжерея, в коей близ ста дерев, в том числе персики, разных родов вишни и сливы, пять больших лимонных и оранжевых деревьев и других по нескольку; также при оранжереях и светлица о четырех покоях для садовников; в доме же его до 50 картин редких мастеров, книг архитектурных до ста, также немалое число эстампов, рисунков и прочего, что до художества принадлежат; да жены Аграфены Баженовой, недвижимое имение, состоящее в Пензенском уезде, в Завальном стану, по обе стороны реки Хопра, село Покровское, Березовка тож, в коем церковь Деревянная, утварью весьма снабженная; крестьян по последней ревизии 190 душ, а на лицо мужеского пола с 240, из коих в выключку назначено 40 душ; лесу дровяного по Хопру рощами верст на 6, мельница об одном поставе, земли по урочищам душ на 500, также и сенных покосов с четвертями, что явится по писцовым книгам; есть ли кто пожелает купить по 80 руб. душу или перевести его долги на себя, те б благоволили явиться к помянутому архитектору самому, в доме его, состоящем на берегу Москвы-реки в Средних Садовниках, в приходе церкви Софии Премудрости божии».

Вообще с приобретением и содержанием собственного дома Баженову не везло всю жизнь. Первую покупку он сделал в октябре 1773 года у фабриканта К. М. Матвеева. Но через три года был вынужден продать дом, чтобы расплатиться с долгами. В 1776 году семья Баженовых переселилась в Царицыно. Здесь они жили как бы на казенной квартире. Года через два Баженов вновь сделал попытку приобрести собственный дом. На этот раз на Воронцовом поле, в приходе церкви Николая Чудотворца. Продал ему этот дом генерал А. А. Волков. Казалось, что дела пойдут на поправку. Радость в семье была безмерная. Баженов даже рискнул частично перестроить дом, надеясь, что на сей раз семья осядет в своем «гнезде» более основательно. Но вскоре пришлось продать и этот дом.

Потом Баженовы столь же недолго владели домом за Плющихой, неподалеку от Девичьего поля, в приходе церкви Воздвижения на Пометном вражке.

Постоянная нехватка денег, долги вынудили Василия Баженова нарушить его собственный принцип: согласиться на частные заказы, проектирование отдельных сооружений.

В 1776 году Баженов строит дом Прозоровского на Большой Полянке, в 1780 году — дом Долгова на 1-й Мещанской. Эти сравнительно небольшие жилые дома имеют свои отличительные особенности, некоторые новшества, привнесенные архитектором в планировку и внешний облик подобного типа зданий. Напомним, что в XVIII веке небольшие жилые дома строили по установившейся традиции, дома украшались наличниками и другими деталями с непременно расчленением строения по этажам карнизами — тягами. Баженов заметил, что этот прием подчеркивает малую высоту этажей. Василий Иванович избирает другой путь. Во внутренней планировке он использует объемные композиции. А для внешнего вида он избирает приемы,

характерные для дворцовых построек. Зодчий связывает этажи в одно целое, расчленяет фасады коническими и коринфскими пилястрами. В результате небольшое здание приобретает величавость, широту, архитектурное достоинство, становясь в один ряд с более богатыми домами и даже дворцовыми постройками. Именно этим и характерны дома Прозоровского и Долгова. Этот же принцип Баженов распространяет и на другие здания, спроектированные им, в частности, для А. Долгова, родственника владельца дома на Мещанской, для Румянцева (на Маросейке), для Бекетова (на углу Тверской и Георгиевского переулка), для Юшкова (на Мясницкой).

Приемы, присущие для светских сооружений, Василий Иванович использует и при создании Скорбященской церкви на Ордынке, усадебного храма в селе Влахернском, церкви в усадьбе Пехра-Яковлевское (1779–1786 гг.). Здесь он умышленно придает колоннам тяжеловесность, подчеркивая их функциональное назначение. Большое внимание, как и в царицынских постройках, архитектор уделяет гармоничности строения с окружающей природой. Он умело использует пейзаж: живописный холм, обрывистый берег, гладь пруда. Это находит свое отражение и в силуэте храма, своеобразного с различных углов зрения. Столь же горячо и заинтересованно, как и при создании ансамбля в Царицыне, Баженов, выполняя отдельные заказы, продолжает возрождать и старорусские архитектурные традиции. Василий Иванович предложил построить в Старках — Черкизове (усадьбе князя Черкасского под Коломною) церковь в духе древнерусской архитектуры.

Строительство осуществилось. Церковь Баженова в Старках — это своего рода сказка в камне. Старорусские архитектурные мотивы в ней очевидны. Но вместе с тем Баженов широко использовал готику, не очень характерную для русских церквей. И получился, таким

образом, весьма своеобразный храм: архитектурная одежда — старорусская, а сам силуэт — новый, не имеющий ничего общего с русским зодчеством и традициями церковных построек. Видимо, тут сказалось влияние на Баженова масонов, которые все чаще стали поговаривать о своем желании реорганизовать православную церковь.

ПАУТИНА «БРАТСТВА»

Екатерина Великая, ненадолго остановившись в Вышнем Волочке, прибыла в Москву в первых числах июня 1785 года.

Главнокомандующий граф Брюс, сменивший либерально настроенного графа Чернышева, докладывал:

— В Москве и окрест неспокойно. Случаются крестьянские бунты.

— Сие от неустроенности, нерадивых хозяев и непонимания своих истинных бед, — устало и равнодушно отвечала Екатерина. — Читайте, господа, «Выбранные российские пословицы», не без моего старания изданные. Там сказано: «Тому будет всегда счастливо, кто пашет не лениво». А коли иной мужик не тем занялся, то повинен в том не токмо он сам, но и дворяне, не могущие вольностью распорядиться, законы соблюсти и мужика уму-разуму научить. С них и спрос... Ну а что Москва? Все республикою желает стать?

Граф немного растерялся: именно эту тему он и собирался затронуть, но никак не ожидал услышать сие от императрицы..

— Есть сведения... Московские мартинисты поговаривают об организации какой-то малой республики в Сибири, коя могла бы стать заразительным примером для первопрестольной, а затем и для всей империи..

— Забавно. Выходит, что мартышки сами просятся в сибирские остроги. Но будет ли их кандалная республика заразительна для всех? Сомневаюсь. Впрочем, продолжайте.

— Выходит «Вечерняя заря». Журнал, матушка, весьма странный, политикою вроде бы не

занимающийся, но колобродства в нем предостаточно. В каждом нумере содержатся нелепые умствования масонов о теософии и каббале, а также идеи, направленные на раскол христианства. Издатели глумятся над правоверными, объявляют гражданские хлопоты делом суетным и греховным, не признают никакой мудрости века, кроме божественного откровения мистиков. Богословским наукам они дают свое толкование...

— О коих нет сомнения, — перебила Екатерина, — что они не новые, но старые, да к тому же от праздности и невежества возобновленные мартышками разных орденов. Я полагаю, граф, что речь идет об изданиях Новикова. И не токмо о «Вечерней заре».

Собеседник императрицы замешкался..

— Как вам сказать... Спору нет, издатель Новиков не хуже и не лучше других масонов, упражняющихся в колобродствах. К тому же на «Вечерней заре» стоит его издательская марка. Но сдается мне, что верховодит в этом журнале, как и в Собрании университетских питомцев, не столько Новиков, сколько некто Шварц, агент розенкрейцеров и диктатор в русских ложах.

— Откуда, граф, такая осведомленность? Насколько мне известно, масоны сор из своих берлог не выносят и перед обществом не исповедуются.

— Не смею возражать. Однако факты говорят о том, что Новиков не столь отвращается от словесности и христианско-гражданских дел, как его собратья по ордену, кои видят свою задачу лишь в распространении сомнительного учения. Среди книг Новикова мы встречаем произведения для детского чтения, сочинения по философии, истории, математике, географии, кои противоречат, как мне кажется, их морали. К тому же есть у масонов правило: тот, кто выказывает себя ученым и умным, а тем паче не проявляет смирения, тот делает предательство. Похоже,

Новиков не из податливых. Одно это говорит о том, что в Типографической компании наметился раскол.

— Тем лучше, — все так же устало и равнодушно, задумчиво глядя в одну точку, заметила Екатерина. — И все же за колобродства и вредные книги рано или поздно ответствовать будет издатель Новиков. Пусть будет горькая наука тем, кто именует себя патриотом отечества, а танцует под дудку иноземных проходимцев и не почитает власть, освещенную богом, коему верны истые христиане.

— У них, смею заметить, матушка, свой бог, — силясь скрыть непрошеную улыбку, сказал Брюс и открыл небольшого формата записную тетрадь. — Цитирую: «... ты не должен иметь иного *Бога, кроме Бога Иегова, в тебе живущего*». То же и во второй заповеди: «Ты не должен в уме твоём никакого чужого или странного Бога формировать и образовывать, хотя бы то было и по *небесному подобию*; ибо ты не ведаешь, чему ты в оном поклоняешься или кому служишь». И это мартинисты именуют «Законами райскими, данными от самой премудрости».

Граф не спешил со своими комментариями. Ему интересно было, как отреагирует на такое документальное сообщение сама императрица. Но вопреки ожиданиям бурного возмущения не последовало. Екатерина после паузы неторопливо стала размышлять вслух:

— Не ведают, кому поклоняются... и кому служат... А посему поучают умники, не надлежит свою веру иметь, коя совесть национальную пробуждает... Потому долой православие? Не только. Долой земных и небесных идолов... Если нет в этом премудрости, то хитрости иудиной, пожалуй, с избытком... Что же вы замолчали, граф? — спросила Екатерина, неожиданно перейдя на властный тон. — Продолжайте!

Уловив внутренний настрой императрицы, Брюс оживился:

— Сказывают, что наши мартинисты имеют тайную переписку с берлинскими розенкрейцерами, а также получают от них указания и разного рода наставления.

— О чем?

— Сие покрыто мраком, как и многие откровения в ложах пред лицом заезжих проходимцев. Но я так полагаю: кому нечего скрывать перед богом, царем и отечеством, тот не станет таиться.

— Займитесь этим, голубчик, как следует. И не спешите. Помните, что масоны — хитрые бестии. А пока суд да дело, попросите архиепископа Платона испытать кого следует в законе нашем и на веру в христианство. Может, чего и прояснится. Советую также освидетельствовать книги, до святости относящиеся, но издаваемые не Синодом, а воровски и самовластно набираемые в типографиях масонов. Вы хотели что-то еще сказать? — спросила Екатерина, обратив внимание, что Брюс открыл новую страницу в своей тетради и ждет подходящего момента, чтобы продолжить доклад.

— Простите, Ваше величество, не хотелось бы более докучать своим присутствием, но есть дела, кои требуют вашего самоличного мнения и соизволения для принятия мер. Речь идет о знатнейшей особе. Дозвольте зачитать некоторые слова песни, кою масоны распевают в ложах, а также сочли за возможность опубликовать недавно в первом томе журнала «Магазин свободно-каменщический». Вот эти вирши:

Залог любви небесной
В тебе мы, Павел, зрим;
В чете твоей прелестной
Зрак ангела мы чтим.

Украшенный венцом,

Ты будешь нам отцом!

Судьба благоволила
Петров возвысить дом
И нас всех одарила,
Даря тебя плодом.

Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом!

С тобой да воцарятся
Блаженство, правда, мир!
Без страха да явятся
Пред треном нищ и сир.

Украшенный венцом,
Ты будешь нам отцом!

Уже ты видишь ясно
Врата бессмертных в храм,
К которому опасно
Ступают по трудам.

Тебе Минерва мать!
Ты можешь путь скончать!..

— Кто автор? — резко перебила императрица.

— Весьма сожалею, но не могу знать. Автор аноним. Считаю долгом своим заметить, что изложенное в стихах, как нам удалось установить, соответствует тайным планам берлинских розенкрейцеров. Я излагаю, что именно по этой причине прусский посол зело часто бывает в Гатчине, пытаюсь иметь тайные сложения с великой особой.

— Слышала. А кто еще?

— Доподлинно известно, что весьма знатные господа, в частности Панин. Являясь масонами и выполняя, как мне думается, указания берлинских мастеров, они также находятся в сношениях с Великим князем и одобряют его самоличную политику с иноземцами. Если же говорить о других московских мартинистах, то здесь видною фигурою является архитектор Баженов.

— Позвольте... — Екатерина с недоумением уставилась на Брюса. — Вы сказали, Баженов?

— Именно так. Он уже несколько раз наведывался в Гатчину. Есть подозрение, что масоны передают через него Великому князю свои зловерные книги, пытаюсь обратить наследника престола в свою веру.

Екатерина прищурилась, нервно потерла кончиками пальцев виски, словно пытаюсь устранить мигрень. Без всякой властности, напряженно в это время о чем-то думая, спросила:

— Велика ли правда, граф, в ваших словах?

Брюс растерялся, ибо привык, что императрица не подвергает сомнению ни один из его докладов. И вдруг закралось недоверие. Почему?

— Дайте соизволение, матушка, произвести аресты и кого следует допросить, особливо Новикова и Баженова, — уверенно отчеканил граф. И это прозвучало больше как требование, чем просьба. — Дозвольте развеять все ваши сумнения!

— Аресты? Зачем? — равнодушно спросила императрица. — И не рано ли? А потом не забывайте, мой сокол, что Панины — это одно, Новиков — другое, а Баженов... Политику от художеств отличать надобно, — легкий прищур и игриво-загадочная улыбка неожиданно придали лицу Екатерины решительность, азартный настрой. — А что Баженов? Сколь велика его фигура в их секте?

— Насколько мне известно, русские братья высокие масонские градусы не имеют. Их держат при себе орденские начальники. И вообще, сдается мне, что многие русские братья, находясь в опьянении от масонских таинств, коими заманивают их в свои сети начальники ордена, являются не столько обманщиками, сколько обманутыми.

— В чем еще, кроме вышеозначенного, вы усматриваете невольную зловредность Баженова?

— В тайном отступничестве. Смею пояснить. Спору нет, Баженов личность одаренная. Его архитектура пленительна взору русского человека, ибо имеет черты неповторимые, близкие по духу. Но вместе с тем сия архитектура оскорбительна. На оный предмет я много беседовал с людьми, имеющими отношение к зодчеству, но не причастными к масонству. Они поведали мне тайну. И дело даже не в том, что баженовские строения в Царицыне украшены множеством масонских символов. Сие малый грех. А великий — в другом. Господин Баженов в качестве композиции, построения царицынского ансамбля избрал не дворцовый принцип, а монастырский. Только вместо собора он означил увеселительный дворец, вместо часовен и церквей — беседки для кавалеров и дам, и так далее. Сдается мне, что это издевательство над святынями православия, что, видимо, является обязанностью масона. Потому, может быть, архитектор столь старательно и прикрывает этот срам русским убранством, чтобы тем самым пленить взор соотечественника и заставить его забыть обо всем остальном.

— Но ведь не ровен час, когда сие может перестать быть тайной.

— И я того же мнения. Но тогда повинен в этом будет не столько архитектор, выполнявший высочайший заказ, сколько владелица Царицына, поручившая составить и осуществить проект.

— Вы полагаете, граф, что это сделано сознательно?

— Не могу знать, — искренне и твердо ответил Брюс. — Только сдаётся мне, что Баженова готовили на эту роль давно, чтобы связать его клятвами, воспользоваться знаменитым архитектором в своих интересах или, на худой конец, сделать из него великомученика, коего способны понять и оценить лишь члены ордена.

— Довольно, — неожиданно прервала императрица. — Премного благодарна вам, граф. Одно запомните: есть множество способов укрощать зловредность. А сейчас, любезный, оставьте меня.

В Коломенском дворце Екатерина Великая задержалась ненадолго. Сопровождаемая свитой, она спешила в Царицыно. Баженову накануне сообщил об этом в записке начальник Кремлевской Экспедиции Михаил Михайлович Измайлов.

В доме Баженовых был полный переполох. Аграфена Лукинична не знала, за что братья. Перебрала все платья, все камзолчики для детей. Во что одеться самой — так и не могла решить до последней минуты. А ведь сама императрица пожелала видеть семью в полном составе!

Василий Иванович был рад этой встрече по-своему и тоже испытывал волнение. Насколько он понял, императрица назначила осмотр царицынских строений. Правда, не везде еще были закончены внутренние отделочные работы. Но строительство в целом завершалось. Наконец-то можно отчитаться за проделанную работу, размышлял Баженов. И слава богу. Можно будет не урывками, а по-настоящему заняться другими проектами.

...Летняя коляска с откидным фартуком и богатыми резными украшениями с позолотой влетела, словно на крыльях, в парадные въездные ворота. Несколько всадников, сопровождавших карету, резко осадили лихих коней и остались у Фигурного моста. Остальные, соблюдая четкий строй и интервал, устремились дальше, по Березовой перспективе.

Осмотр длился недолго. Екатерина Алексеевна, нигде не задерживаясь, прошла лишь приемные залы на втором этаже дворца, бегло осмотрела парадную анфиладу. Затем поднялась по трехмаршевым лестницам, побывала в аванзалах, в большом приемном зале, в боковом корпусе, где располагались ее жилые покои.

На внутренней замкнутой дворцовой площади, на парковой лужайке все было готово для того, чтобы начать деловое обсуждение проделанной работы. Генеральный план застройки и панорамный рисунок Царицына Баженов велел расположить на отдельных щитах.

Екатерина Алексеевна, закончив осмотр главного дворца, вышла на лужайку в сопровождении свиты.

Небрежно окинула взглядом чертежи и рисунки, кокетливо улыбнулась аккуратно одетым и присмиривший от любопытства детям Баженова.

Присесть на заранее приготовленные кресла знатным особам, прибывшим в Царицыно, не пришлось. Екатерина спокойно, но властно произнесла:

— Нам и без того все ясно. Не правда ли?

Все согласно закивали головами.

— А ясно нам то, — продолжила императрица, — что деньги на строительство затрачены понапрасну. — Не обращая внимания на растерянные лица, Екатерина размеренным шагом разгуливала по лужайке и словно в такт своей походке чеканила слова: — Лестницы

чрезмерно узки, своды зело тяжелы, комнаты и будуары тесны, залы, будто погребя, темны...

Слова били Баженова наотмашь. Он отказывался что-либо понимать. В голове все спуталось. Сердце учащенно билось. Хотелось кричать, спорить или бежать прочь, куда глаза глядят. Но все его мышцы онемели, тело до невозможности отяжелело. Он стоял как вкопанный, не в силах сделать малейшего движения, не в силах произнести хоть слово.

Екатерина продолжала:

— Мы полагаем, что ошибку господина Баженова, неудавшийся проект, достойно исправит его ученик, архитектор Казаков. Любезный Михайло Михайлыч, — обратилась императрица к Измайлову, — прикажите учинить изрядные поломки и представить на обозрение новый проект дворца. На сей случай, господа, мы так и порешим.

8 июня Екатерина Алексеевна, не вдаваясь особенно в подробности и следуя мирному и спокойному тону предыдущих писем, писала своему сыну Павлу Петровичу и великой княгине Марии Федоровне:

«...Я здорова и уже на обратном пути; ночевать буду в Торжке, а завтра приеду в Вышний Волочек? Петровский дом очень хорошенькая квартира, два другие же, т. е. новые дворцы, Московский и Царицынский, не окончены; последний внутри должен быть изменен, ибо так в нем бы невозможно жить; Коломенский же такой, каким я его оставила. Москва улучшается; строят много и весьма хорошо; водопровод большое предприятие, над которым теперь работают. Прощайте; будьте здоровы; обнимаю Вас. Мое почтение принцессе Виртембергской».

СУДЬБА АНСАМБЛЯ

Дворец в Царицыне был разрушен не сразу. М. М. Измайлов пытался было найти выход из создавшегося положения, хоть как-то помочь Баженову. Переживал за своего друга и М. Казаков. Коллеги договорились: Баженов без особого на то дозволения сделает новый вариант дворца и представит свой ранее, чем это сделает Казаков. Но ничего из этого не вышло, опять труд был потрачен зря! Екатерина отвергла работу Баженова, даже как следует не познакомившись с нею. В феврале 1786 года пришло распоряжение «о разборке в селе Царицыне построенного главного корпуса до основания и о производстве потом (нового здания) по вновь подтвержденному учиненному архитектором Казаковым плану».

Казаков в своем варианте дворца пытался по возможности сохранить избранный Баженовым стиль старорусской архитектуры. Но ему также не повезло. Дворец был запроектирован трехэтажным, с акцентом на центральную часть здания. Однако в ходе строительства пришлось многое переделать, так как ассигнования постоянно урезывались. В результате получилась большая разница между проектом и осуществленным зданием. Было нарушено единство дворца, высота среднего корпуса значительно понижена, что повлияло на первоначальные размеры плана и создало впечатление расплывчатости здания. Остались также неосуществленными богатые декоративные украшения, сосредоточенные по проекту на третьем этаже. В результате дворец потерял характерные для других царицынских построек детали, стилевые особенности. Наконец, строительство вообще не было завершено. В 1793 году здание было покрыто

временной крышей, а в 1796 году, после смерти Екатерины, строительство прекратилось, дворец, как и другие царицынские постройки, был заброшен.

На уникальный архитектурный ансамбль в Царицыне на протяжении двух веков была, так сказать, наложена печать невезения. Кстати, этот ансамбль состоял не только из каменных палат. Его дополняли живописные аллеи, декоративные руины, беседки, мостки, пристани, статуи, вазы, оранжереи. В парке находилось также множество деревянных хижин, избушек, были сооружены живописные пещеры, украшенные естественным камнем, мхом, раковинами.

Одно время Царицыном управлял Н. Б. Юсупов, владелец Архангельского. Он уничтожил многие парковые постройки, приказал снять белокаменные портики казаковского дворца.

В 1835 году Николай I велел архитектору Белоголову снять обмеры, чтобы перестроить дворец и приспособить его для казарм или военного училища. Потом от этой затеи отказались.

В 1860 году царицынские здания были сданы в аренду под завод. К счастью, планы заводчиков остались неосуществленными.

В 1882 году с дворца были сняты кровли, ценные художественные изразцы печей проданы частнику. Словом, строения постепенно гибли, растаскивались, что называется, по косточкам. Однако сами строения, лишенные крыш и безжалостно заброшенные, простояли века, выдержав и жестокие холода, и проливные дожди, и натиск любителей-туристов.

В 1936 году архитекторы Борщ и Зундблат предложили приспособить царицынские постройки под гостиницу-ресторан. Их проект был одобрен экспертной комиссией. Однако это предложение, будь оно осуществлено, привело бы если не к разрушению, то, во всяком случае, сильному искажению и еще более

значительной утрате исторического памятника архитектуры.

Более разумный план предложил в 1945 году архитектор Д. В. Разов. Он составил проект реставрации зданий для использования их под библиотеку, архивы, выставочные залы.

Но и этот план остался неосуществленным.

В сентябре 1972 года было принято решение начать реставрацию и восстановление царицынских строений. Парк и архитектурные сооружения были переданы Академии художеств СССР.

Царицыно превратится в городок молодых художников. В его дворцах разместятся факультеты Института имени В. И. Сурикова. Малый дворец отведен под музей, здесь будут храниться материалы, связанные с историей строительства и возрождения ансамбля.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вокруг имени Баженова скопилось столько былей и небылиц, что уже одно распознавание правды от неправды требует значительных усилий.

Игорь Грабарь

ОРДЕНСКИЕ ИНТРИГИ

Вспомним, на каком этапе своего творчества друг русского зодчего Н. Новиков оказался «уловленным» и масоны.

После острой литературной полемики с Екатериной II и закрытия «Трутня», временного молчания Николай Иванович вернулся к журнальной деятельности. В 1772 году начал выходить его второй сатирический журнал «Живописец». Это совпало с напечатанием и постановкой на сцене комедии «О, время!», принадлежащей перу Екатерины. Сатирическая пьеса высмеивала ханжество, невежество, суеверие, сплетни. Новикову пьеса пришлась по душе, она была созвучна его настроению. В первом листе «Живописца» он призывает автора комедии «О, время!» продолжить полезное дело, взглянуть «беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки». Вместе с тем он предлагает истребить и другую чуму — «слепое пристрастие некоторых знатных российских бояр и молодых господчиков ко всем иностранцам». Он открыто выступает против французского влияния, подчеркивая, что «от обхождения с ними остались у нас легковёрность, непостоянство, вертопрашество, вольность в обхождении границы, благоразумием учрежденные, и многие другие пороки». Не приветствует Новиков и низкопоклонства перед англичанами: «Все английское кажется нам теперь хорошо, и все нас восхищает. Французскую наглость называли мы благородною вольностью, а ныне английскую грубость именуем благородною великостью духа».

Эта тема нашла свое развитие и в журнале «Кошелек». Новиков стал издавать его с июля 1774 года. Во вступительной статье еженедельного сочинения он заявляет о программе журнала и поясняет причины, побудившие издавать оный:

«Я никогда не следовал правилам тех людей, кои безо всякого исследования внутренних, обольщены будучи некоторыми снаружи блестящими дарованиями иноземцев, не только что чужие земли предпочитают своему отечеству, но еще, ко стыду целой России, и гнушаются своими соотечественниками и думают, что россиянин должен заимствовать у иностранных все, даже и до характера; как будто бы природа, устроившая все вещи с такою премудростию и наделившая все области свойственными климатам их дарованиями и обычаями, столько была несправедлива, что одной России, не дав свойственного народу ее характера, определила ей скитаться по всем областям и занимать клочками разных народов разные обычаи, чтобы из сей смеси составить новый, никакому народу не свойственный характер, а еще наипаче россиянину: выключая только тех, кои добровольно из разумного человека переделываются в несмысленных обезьян и представляют себя на посмешище всея Европы. Таковые не только что не видят добродетелей, россиянам природных, но если бы где оные с ними не нарочно и повстречались, то, без сомнения, отвратили бы зрение свое, именуя оные грубостию и невежеством. Да оне и неудивительно: ибо мы уже давно бросили истинные драгоценные жемчуги, предками нашими любимые, яко недостойные и во Франции неупотребляемые, а принялись жадно покупать ложные; но я смело скажу: если бы Франция столько имела жемчугов, сколько имела Россия, то никогда бы не стала выдумывать бусов: *нужда и бедность мать вымыслов*. А ныне развращение во нравах учителей наших столь велико, что они и

изъяснение некоторых добродетелей совсем потеряли и столь далеко умствованиями своими заходят, что во аде рай свой найти уповают; но о сем пространнее поговорим на своем месте».

Изложенная Новиковым программа и затронутые им на страницах журнала темы, а главное — четкая авторская позиция глубоко противоречили масонскому духу космополитизма. Нет, не внешним лозунгам, бытовавшим в ложах и взятым на вооружение русскими масонами. Новиков всем своим творчеством, многочисленными работами, с интересом читаемыми многими русскими, всей своей издательской деятельностью вошел на этом этапе в противоречие с тайными стратегическими планами масонов-иноземцев. В их планы входило: охватить всю Россию сетью масонских лож, втянуть в них особенно знатных людей, подчинить их своему влиянию, воспитать в них преданность целям международного «общества» и покорность воле «провидцев», тайных мастеров. Но для этого необходимо было прежде всего «приуготовить почву», «отесать дикий камень»: внушить ревностным патриотам страны, мнение коих авторитетно для многих, что почитание традиций отечества, национальная «самость», гордость, самосознание и самобытность, «рабское» почитание интересов территориально обусловленного государства, управляемого профанами, людьми «не просветленными», надежды на профанские науки и прочее — все это пережитки, от коих следует избавляться. Словом, им важно было с помощью самих же русских создать такой общественный климат, такой психологический настрой в определенных кругах, особенно во влиятельных, при котором беспрепятственно распространялся бы дух космополитизма — фундамент, на котором легче возводить масонское «здание», добиваться

осуществления орденских планов. И именно в это время, когда Новиков, ставший крупным издателем и популярным литератором, объективно встал поперек дороги масонства, «братья» сами поснешили явиться к нему.

«Собравшись к нему в дом, — свидетельствовал масон М. Лонгинов — они предварительно, как бы посторонним образом, говорили ему о своем обществе и, не взяв обета в скромности, прочли ему принятие и против всякого его ожидания поздравили его членом своего общества. Мы знаем тебя, — говорили они, — знаем, что ты честный человек, и уверены, что не нарушишь тайны». Разумеется, Николай Иванович согласился стать масоном не только из одного интригующего желания «познать таинства» и «приблизиться душою» к «Создателю Вселенной». Масоны, знавшие сокровенные мечты издателя, пришли к Новикову, так сказать, с деловым предложением. Они рекомендовали ему использовать организационную структуру масонства, многочисленные ложи для повсеместного распространения просвещения, полезных книг. Было предложено также войти к нему «в долю» и организовать «Типографскую компанию» — мощный книгоиздательский центр. Это было то, к чему Новиков стремился, о чем так долго мечтал.

Сделка состоялась: Николай Иванович согласился вступить в «братство», хранить обет молчания и следовать клятвам. Но при этом поставил свои условия: «открыть третий градус наперед», что ранее в масонстве не практиковалось. Исключение было сделано, это устраивало уловителей, ибо третья степень никаких особых «тайнств» не открывала. С таким «посвящением» не мог вновь «уловленный» знать и одно из основных правил хранителей «основ вольнокамеппического учения». «Орден существенно непоколебим и неизменяем, а потому и есть та цель, к

которой мы должны стремиться; исполнители же оного суть только средства, чрез которые мы к ней приводимся, а для сего и не надлежит нам засматриваться и взирать на них, как на самую цель, ибо они суть временны и подвержены перемене. Орден же есть вечен». Не мог Новиков предугадать и то, что сам факт принадлежности к масонству обязывает «брата» под страхом смерти и «всеобщего презрения» отказаться от своего «я», почитать «дух смирения», во всем полагаться на «провидение», покорно следовать указаниям «просветленных» и не пытаться подвергать сомнению их «благородные» цели. Однако на данном этапе, в период вступления Новикова в «Братство», тайные мастера не спешили предъявлять «русскому Вольтеру» все эти требования. Важен был сам факт «уловления». В дальнейшем ставка делалась на методы воспитания, отвлечения в область мистических наук, на естественную тягу человека к таинственному, на стремление масона «заработать» очередную степень посвящения, на постепенное втягивание в орденскую систему, на бесконечные клятвенные обязательства, которые в конечном итоге ограничивают волю человека, направляют его деятельность в нужное «мастерам» русло.

Если свести до минимума многообразные масонские хитрости и упростить орденскую стратегию, то весь этот «механизм» будет выглядеть следующим образом. Выдвигая лозунг «усовершенствования человеческого рода», тайные руководители «братства» привлекают тем самым на свою сторону выгодных им людей, в той или иной степени не удовлетворенных официальной политикой или чем-то обделенных судьбою, но вместе с тем достаточно влиятельных и авторитетных в обществе. В ложах им многое обещают, но еще более связывают клятвами. Повиновение же достигается также благодаря естественному стремлению к «тайнам

познания», которые открываются наиболее преданным «братьям» в высших «градусах».

Русский исследователь масонства А. Н. Пыпин писал: «Высшая степень есть мистерия, составленная в новейшие времена из различных церемоний, символических формул и иероглифических образов, где церемониям, формулам и иероглифам придается нравственное значение, но раскрытие их настоящего смысла и полные разъяснения обещаются только в другой, еще высшей степени... И это обещание ведется от одной степени к другой... Эти последние и высшие разъяснения, которые таким образом составляют заключительный камень целой системы, сами по себе не что иное, как выдуманная история ордена, противоречащая всякой действительной истории, не выдерживающая никакой проверки и критики и изобретенная теми, которые не умели иначе удовлетворить все более и более возрастающему любопытству братьев или руководствовались прискорбным убеждением, что люди везде любят обман больше, чем истину, и даже хорошее хотят видеть только через покров обмана».

Жертвой обмана стал и Баженов. Оба они, Новиков и Баженов, оказались в плену у хранителей «тайнств». Баженов, сам того не подозревая, оказался участником тайного антиекатерининского международного заговора. Новиков же, связав свою издательскую деятельность с масонами, в том числе с вожаками лож иноземного происхождения, попал в экономическую зависимость от «братьев» и зачастую был вынужден закрывать глаза на то, что с маркой его издательства выходят масонские книги сомнительного содержания.

Журнал «Вечерняя заря» — первая издательская уступка Новикова. Это издание целиком взял в свои руки Шварц. Он подобрал редакторов из числа своих учеников, объединенных в «Собрание университетских

питомцев», которым сам руководил. «Вечерняя заря», сохранив марку новиковского издания, всем своим содержанием была направлена против этического учения Николая Новикова. Более того, журнал, руководимый Шварцем, «повел борьбу с философией «Московского издания», «прежде всего со стремлением Новикова сблизить этику с политикой». Шварц вопреки позиции Новикова усиленно выступает против философии разума и пропагандирует «философию провидения», «божественного откровения». Всякую активную общественную деятельность, гражданское самосознание агент розенкрейцерства объявляет «суетным и греховным делом».

Благодаря масонским связям и спекулятивно используя орденскую дружбу с Новиковым, Шварц получает видное место в Московском университете, звание профессора, чин коллежского асессора. Он выступает с проектами преобразования школы и вообще всей системы воспитания и обучения в России, а также переиздания учебников. Затем при содействии масонов и на их средства, а также используя прибыль от новиковских изданий, он учредил при университете Педагогическую семинарию, цель которой — подготовка преподавателей из числа масонов или претендентов на вступление в ложи. Должность инспектора в этом учебном органе занял сам Шварц. Он осуществлял отбор кандидатов, читал лекции, рекомендовал выпускников для поездки за рубеж. В числе учеников Шварца был масон А. Ф. Лабзин, впоследствии издававший «Сионский Вестник». Одновременно Шварц издавал на немецком и французском языках «Ведомости», пропагандирующие масонское «учение». Он учредил также при университете переводческий семинарий для переложения масонских авторов и «нравоучительных сочинений» на русский язык.

Так, прикрываясь авторитетом Новикова и пользуясь популярностью его изданий, Шварц делал себе имя, карьеру, утверждал себя на масонском и гражданском поприще. В конечном итоге в тех же масонских изданиях его стали называть «идейным и нравственным оракулом» российской молодежи, «неутомимым просветителем».

Потом по этому поводу русский марксист Г. В. Плеханов справедливо замечал: «Когда Шварца называют ревнителем просвещения, то забывают, что «просвещение», к которому он стремился, на самом деле являлось *мрачной и свирепой реакцией против просвещения XVIII века*. И чем планомернее, чем настойчивее и самоотверженнее была его деятельность, тем больше вреда приносила она...»^[13]

Любопытно привести, например, такое заявление Шварца: «Человек в настоящее время гнилой и вонючий сосуд, наполненный всякой мерзостью. Совершенство его, существовавшее на земле до грехопадения Адама, достижимо лишь через познание себя и Бога в природе теми путями, которые указывают розенкрейцеры. Мудрость преемственна. Искра Адамова совершенства сохранилась в избранном кружке мудрецов — патриархов, от них она перешла к еврейским сектам иесеев и терапевтов, откуда ее и приняли розенкрейцеры».

Поразительная «философия»!

В 1781 году Шварц стал усиленно домогаться, чтобы русские масоны командировали его в Германию для поисков якобы «истинного масонства» и приобретения высоких степеней. У многих же русских масонов, в том числе у Баженова и Новикова, испытывавших некоторое подозрение к чрезмерной зависимости от шведской системы и ее мастеров, были другой план, иные заботы. Они настаивали на поездке Шварца не в Германию, а в Швецию, ибо жаждали освободиться из-под полной

иноземной зависимости и перенести акцент в своей деятельности на нравственное самоусовершенствование и распространение просвещения в России. Наиболее честные русские масоны, хотя бы интуитивно, не отказываясь, впрочем, от мистического мировоззрения, не могли не чувствовать, что чрезмерное увлечение отнюдь не православными ритуалами, почитание заморских мастеров и повиновение их уставам, клятвам, нравам, морали — все это так или иначе наносит вред традиционным нравам. Даже масон И. В. Лопухин, строго соблюдавший орденскую иерархичность и почитавший масонские теории, все чаще стал заявлять, «...что главное искусство российской политики должно состоять в том, чтоб сколько можно не только меньше зависеть от Европы, но и меньше связей с нею иметь, как политическими сношениями, так и нравственными. Под именем последних разумею я обычаи, коих заразительная гнилость сдает древнее здравие душ и тел российских».

...И все-таки Шварц своего добился. Правда, вначале он был на средства масонов направлен в Курляндию, «чтобы, — как свидетельствовал Новиков, — он искал и старался получить акты истинного масонства». В Курляндии — это знали далеко не все московские масоны — действовала немецкая система «строгого наблюдения». Поэтому Шварцу ничего не стоило получить от них рекомендации к берлинским масонам. Он сообщил об этом в Москву и заверил русских масонов в скором освобождении от Швеции. Но для этого, как уверял Шварц, ему необходимо побывать во Франкфурте-на-Майне, где в то время собрался конвент представителей масонских лож и где он обещал выйти с ходатайством об освобождении масонской зависимости России от Швеции.

Генеральный международный конвент масонских лож системы «строгого наблюдения» состоялся в

Вильгельмсбаде в июле 1782 года. На нем Россия была признана VIII «самостоятельной масонской провинцией». Эта самостоятельность, однако, была не только относительной, но и еще более коварной в смысле изоощренного контроля за деятельностью русских лож и масонской зависимости от Берлина.

Шварц был объявлен чем-то вроде диктатора в качестве «единственного верховного представителя теоретической степени Соломоновых наук в России». Ему вменили в обязанность сохранять «тайну ордена», следить за работой русских масонов, собирать с них взносы и пересылать деньги в берлинскую кассу ордена, «присылать в капитул поименный список всех вновь принятых братьев», осуществлять связь посредством секретных шифров с гроттмейстером, получать от него «задания и тайнства». Помощником Шварца без права контроля за его деятельностью был назначен Н. И. Новиков.

Как отнеслись к «новшествам» и сюрпризам Шварца русские масоны? Новиков в ответах на вопросы С. И. Шешковского, который вел следствие, чистосердечно свидетельствовал: «Все мы крайне были недовольны и сказали ему, что это совершенно против нашего желания, что мы с их связей и союзов не искали и не хотим, что градусов с их так называемых рыцарских мы не примем и что мы и от шведского у кн. Гагарина масонства затем отстали, что их употребления не хотели, короче сказать, все совершенно были сим его поступком недовольны».

Но дело было, как говорится, сделано. Масонская орденская дисциплина требовала повиновения, исполнения устава. Кроме того, берлинские мастера располагали бумагами — «прошениями» русских масонов о принятии в орден розенкрейцеров, кои заранее были переправлены Шварцем в Берлин и всегда

могли явиться поводом для шантажа своенравных российских «братьев».

Однако и Баженов и Новиков оказались в числе непослушных. Русский архитектор подчинялся уставу лишь формально. Василий Иванович, не ведая ничего худого, при случае выполняя просьбу «братьев», передавал масонские книги Павлу Петровичу и добросовестно отчитывался в ложах, в коих он бывал, кстати, редко, о разговорах с цесаревичем, его настроении.

И все же, несмотря на весьма формальную причастность к масонству, Баженов в силу сложившихся обстоятельств и чрезмерной доверчивости оказался в числе главных жертв опальных «братьев», на коих Екатерина обрушила свой гнев. Причиной тому послужили вещественные доказательства. Дело в том, что всякий раз, когда Баженов возвращался от Павла Петровича, выполнив соответствующее масонское задание, Шварц и Шредер требовали от архитектора письменный отчет о посещении цесаревича. Иногда такие отчеты ему велено было писать собственноручно в нескольких экземплярах. Один из экземпляров затем поступал к Новикову, коему Шварц или Шредер приказывали отредактировать написанное, а также собственноручно переписать аранжированный отчет в двух-трех экземплярах. Один из них поступал на перевод, для отправки масонскому руководству в Берлин. Другие хранились в ложах, в личных архивах «братьев». Есть основание предположить, что руководители русских «братьев», берлинские агенты розенкрейцеров приказывали хранить эти бумаги не случайно, ибо сами они предпочитали никаких следов не оставлять. Делалось это, видимо, для того, чтобы в критический момент отвести от себя всякие подозрения, обвинения в политическом заговоре и тому подобное и всю вину переложить на русских масонов, сославшись на

их инициативу, на рукописные документы. Не исключено также, что барон Шредер «коллекционировал» эти бумаги и на случай шантажа, так как в его обязанности входило: контролировать деятельность русских «братьев», подчинять их орденой дисциплине, следить за выполнением указаний и клятвенных обязательств.

Многие же русские масоны, в том числе Новиков и Баженов, разного рода письмам, орденой отчетам, собственноручным заметкам должного значения, к сожалению, не придавали, ибо не ведали и не догадывались, что это может быть потом кем-то использовано. К тому же они были искренне убеждены, что в их действиях нет ничего худого. Ведь тайная орденой переписка и все секреты высших градусов были вне поля зрения, а тем более контроля.

Масонская тактика, применяемая розенкрейцерскими мастерами в адрес Баженова, практиковалась и по отношению к Новикову.

Руководителей розенкрейцеров новиковская «самость» стала на определенном этапе раздражать. Они рассчитывали активизировать российское масонство, усилить пропаганду масонских идей. И предполагалось сделать это руками «русского Вольтера». Но вместо этого время уходило на постоянное обуздание издателя. Шварц не переставал упрекать Новикова в равнодушии к масонским делам, нарушении орденой законов и предписаний.

Желая от имени тайных берлинских мастеров упрекнуть Новикова в «своевольстве» и нежелании выполнять главное обязательство «вольного каменщика» — «распространять свет масонского учения», немецкий барон Шредер, один из начальников розенкрейцеров, отдает через Шварца приказ: составить собственноручно опись всем книгам, какие Николай Иванович выпустил в 80-х годах. Это был по-своему

хитрый ход. Во-первых, если бы Новиков поставил в список только то, что выпущено им самим, то оказалось бы, что среди этих книг почти нет масонских изданий. Более того, многие издания противоречат «масонской философии». Это дало бы повод розенкрейцерам обвинить издателя в умышленной враждебности ордену, в нарушении им клятв и уставов. За это грозила расправа. Во-вторых, если бы Новиков согласился вставить в список и те издания, кои легально и нелегально выпущены Шварцем и его учениками, то получилось бы таким образом, что Николай Иванович сам подписывается под книгами, философию коих он не разделяет и даже подчас плохо информирован об их содержании. Словом, это означало признать философию обскурантизма и добровольно, а также заранее (в случае возможных неприятностей) взять всю ответственность за эти издания на себя. Это был бы в руках тайных иноземных мастеров еще один документ на случай шантажирования или снятия с себя каких-либо подозрений и обвинений.

Новиков не выполнил указ, никаких списков составлять не стал. Тогда последовало другое предписание: отказаться от заведования «типографическими делами» и передать все руководство в руки Шварца. Новиков не выполнил и этот указ, еще раз нарушив тем самым масонский устав и законоположения о дисциплине «братьев».

По возвращении из поездки Шварц, как известно, усилил пропаганду розенкрейцераства.

В «Вечерней заре» Шварц с новой силой обрушился на просвещение, на человеческий разум, на практические науки, национальные нравы и мораль, на сатирическую литературу. Он звал молодежь своими публикациями на путь авантюры, политической реакции, мистицизма и провокационной антигосударственности

во имя химерического братства «избранных». Свои идеи он проповедовал и в лекциях.

Баженов неоднократно обращал внимание Николая Ивановича на распространение чуждых русскому человеку идей, философских понятий, на чрезмерное увлечение магией и алхимией, на разгул шарлатанства. Тревога и сомнения стали посещать Баженова все чаще и чаще. И не только его одного. Наиболее передовая часть нарождающейся русской интеллигенции, втянутой в масонство, стала серьезно задумываться не только над постулатами масонства, подвергать сомнению обскурантистскую философию, но и подозрительно относиться к целям международного ордена, его практике. Одних это приводило к наивному желанию отыскать в масонстве «национальные мотивы» и попыткам оградить «русские ложи» от иноземного влияния (что, кстати, в основе своей противоречило орденской сущности и расценивалось как «отступничество и предательство»), другие просто порывали всякие связи с ложами. В числе последних оказался, например, поэт и прозаик Н. М. Карамзин. Случай с ним примечателен, в определенной степени характерен.

Карамзин стал масоном в 1784 году. Выполняя волю своих орденских наставников, он начал было переводить книги, отвечающие масонскому духу, но вскоре бросил это занятие. Карамзин задался целью издавать свой журнал. Тогда масоны потребовали от него изложить программу планируемого журнала. На это поэт ответил, что он не мальчик и имеет право на самостоятельные мысли и поступки. В «Московских ведомостях» он печатает «Объявление», где намекает, что не намерен в своем будущем журнале публиковать «теологические, мистические» и прочие труды масонского плана. И. В. Лопухин, соблюдавший все предписания орденских начальников, предупреждает масона А. М. Кутузова:

«Карамзин совсем анти того, что разумеют мартинизмом». С этого времени масоны тщательно следят за Карамзиным, его литературной деятельностью. И. В. Лопухин пишет: «Карамзину хочется непременно сделаться писателем так, как князю Прозоровскому истребить мартинистов, но обоим, чаю, тужить о неудаче». Н. Н. Трубецкой, тоже масон, расценивает желание Карамзина быть в своей литературной и издательской деятельности независимым от «братьев-начальников» и орденовской дисциплины как самое «безумное предприятие».

Масоны, подталкиваемые тайными иноземными «мастерами», начинают Карамзина травить, преследовать, на него пишут злобные памфлеты. Карамзин идет на разрыв с масонами.

Это был смелый шаг. Что заставило Карамзина решиться на него? Сам поэт и прозаик, памятуя о масонских «законах мести» за разглашение тайны, предпочитал хранить молчание. Он лишь ссылаясь на «нелепые» обряды и «таинственность». Но и этим сказано много. Вряд ли Карамзин стал бы рисковать и идти на конфликт с орденом лишь только потому, что внешняя сторона масонства показалась ему смешной и нелепой. Видимо, зоркий глаз поэта усмотрел в масонских символах, обрядах, законоположениях и таинствах нечто большее, чем забаву или увлечение мистиков и обскурантов. И именно поэтому в силу глубокого внутреннего ощущения, что масонство — это коварная тайная политика, разрушительная и сознательно регламентирующая поведение и мировоззрение человека организация, что задачи масонства несовместимы с задачами национальной культуры и настоящего просветительства, в силу этого Карамзин и решился на смелый шаг, порвал с масонством.

Нечто подобное, хотя и более смутно, менее конкретно и осознанно, чем литератор Карамзин, ощущал и Баженов. Но с выводами он не поспешал: многое еще было неясно. Он лишь делился своими тревогами с Новиковым. Николай Иванович отмалчивался. Но был при этом мрачен, чувствовалось, что ему самому все это не по душе. К тому же он все больше чувствовал себя виноватым перед читателями, кои воспринимали мистическую литературу, подготовленную и издаваемую Шварцем, за новиковские издания.

Наконец, как бы это ни противоречило существующим масонским уставам, Новиков решает выступить против своего орденского диктатора и идейного оракула розенкрейцерского мистицизма. Он пишет и публикует два сатирических рассказа — «Сиди у моря тихого, жди погоды теплая», «Свое добро теряет, а чужого желает».

В первом рассказе, высмеивая тайну ордена и обладателей высоких градусов, интригующих доверчивых людей деланием из ничего золота, Новиков пишет: «Золото есть и всегда будет предметом искания всякого рода людей... Что купцы предприимлют для приобретения золота, всем известно. Да и самые дворяне, сии божки, втуне приемлющие, а даром не дающие, чего не делают для золота? особливо в нынешние просвещенные времена!» Далее следует пародия на розенкрейцерские «практические науки», в том числе на «прогрессистские» лекции Шварца.

Второй рассказ — это, по существу, сатира на изданную Шварцем книгу «Хризомандера» и разоблачение шарлатанской деятельности обладателей «таинств». Эти публикации вызвали негодование не только у Шварца, но и тайных берлинских мастеров.

«...Розенкрейцеры, поняв, что подчинить себе Новикова не удастся, что превратить типографию в

центр масонско-мистического книгопечатания Новиков не позволит, стали смотреть на созданную Типографическую компанию как на чисто доходное предприятие. — Справедливо замечает в своей книге «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века» советский исследователь Г. Макогоненко. — Именно у них, у розенкрейцеров, появилось пристрастие к «экономике», к наживе за счет книжной торговли. Именно они хотели превратить Новикова в предприимчивого управляющего, который бы заботился о доходах своих хозяев. Об этих настроениях красноречиво говорят письма Кутузова (А. М. Кутузова. — *Примеч. В. П.*) из Берлина. Отправленный совершенствоваться в «таинственных науках», увлеченный поисками гомункула, он не забывает о мирских делах, все время беспокоясь, что типография приносит малый доход. В своих письмах Трубецкому он упрекает Новикова в нерадении и предлагает московским «братьям» решительно «ограничить планы Новикова».

Но ограничить планы Новикова одними масонскими указаниями было трудно, и розенкрейцеры убедились в этом.

В 1784 году умер Шварц. На его место был назначен барон Шредер, который начал с того, что под разными предлогами ограничил власть Новикова в ложах. Далее он приказал прекратить регулярные собрания, на которых русские масоны имели привычку откровенничать, обмениваться мнениями, и велел выполнять масонские задания секретно, доверяясь лишь розенкрейцерскому начальству, каковое доверило Шредеру вести тайную переписку и осуществлять связь с русскими масонами.

Вскоре Шредер неожиданно выехал в Берлин. Через князя Трубецкого барон сообщил, что «получает наследство от весьма богатого дяди» и намерен

значительную сумму употребить на приобретение гендриковского дома на Садовой. По планам Шредера в этом доме должны разместиться типография, жилые комнаты типографских рабочих и служащих, больница, благородный пансион, аптека, книжная лавка, помещения для розенкрейцеровских заседаний.

Барон Шредер приказал русским масонам уговорить Новикова заняться домом, заготовкой материалов и перестройкой помещений. Предполагалось, что затраты будут делаться в долг, «до получения от барона денег».

Расчет был верный: Николай Иванович не откажется, так как затраты и хлопоты в данном случае связаны с будущими конкретными благородными делами членов масонского братства, с подлинной заботой о человеке. В таком деле разногласия и личные отношения должны отступить на задний план, и Новиков постарается доказать, что он честный «брат» и движим высокими помыслами.

На этом благородстве, на доверчивости барон Шредер и «купил» Новикова.

Николай Иванович потратил все свои сбережения, много денег взял в долг, до возвращения барона. В переоборудовании и ремонте купленного дома, а также в деятельности Типографической компании активное участие принял Баженов. Это были для него бескорыстные, но приятные хлопоты, отвечающие душевному настрою.

Когда затраты были произведены, князь Трубецкой получил от Шредера письмо, в котором он уведомлял, что дядя требует от него, «чтоб он пошел в герцогскую службу, женился бы и там остался жить, так он его сделает всего имения наследником, но что он на это не согласился, дядя, осердясь, сделал наследником другого... и он остался ни с чем...»

Такая «шутка» могла бы закончиться разорением Новикова. Но русские масоны, члены Типографической

компании, коих было 14 человек, оказались более порядочными, чем их розенкрейцеровский начальник. Было решено сообща покрыть расходы и взять гендриковский дом в компанию. А когда барон Шредер вернулся в Россию и узнал об этом решении, он не замедлил вложить и свою долю, чтобы попасть в число пайщиков.

Однако авантюра барона с деньгами имела свое развитие. В 1787 году Шредер, хорошо знавший натуру Новикова, стал спекулировать на его «масонской совести» и спровоцировал издателя на огромные затраты в помощь голодающим крестьянам. На сей раз Новиков не колебался, он искренне и с энтузиазмом выступил в роли мецената, благодетеля бедняков. Баженов, ставший к этому времени близким другом Новикова и активным членом Типографической компании, считал, что это и есть часть той конкретной работы, ради которой существует масонское братство, поставившее себе целью «приближение к золотому веку Астрея». Разумеется, сам Баженов участвовать в меценатстве не мог, ибо располагал весьма скромными средствами. Но он всячески старался быть полезным Новикову, а посему чувствовал себя причастным к помощи беднякам. Вскоре хлебные и денежные запасы Новикова иссякли. Но большие надежды издатель и его друзья возлагали на новую типографию, на прибыль от книг, которые недавно начали печататься. И именно в это время Шредер потребовал свою долю, вложенную в компанию. Под вопрос тем самым было поставлено все предприятие, так как наличных денег не было ни у Новикова, ни в кассе компании. С огромным трудом удалось выйти из затруднительного положения. Пришлось просить в долг у друзей, а также заложить в опекуновском совете дом, где располагались аптека и типография.

Разорить Новикова, лишить его издательской базы не удалось. Деньги Шредеру были возвращены. Но масонская месть на этом не прекратилась.

В 1787 году барон навсегда уехал за границу. (Русского подданства, несмотря на долгое пребывание в России, он так и не принял.) Свою дальнейшую масонскую месть Шредер осуществлял планомерно и, надо сказать, результативно. Он прекрасно знал о настроениях Екатерины II, ее отрицательном отношении к масонству и с том, что именно в эту пору «берлинский двор» проявляет к России, как выражалась императрица, «в полной мере свое недоброхотство».

Лонгинов в своих воспоминаниях писал: «Зная, что в это время (в 1788 году) Новиков уже считался лицом подозрительным и что найдено было нужным следить за его действиями, а тем более за его заграничными сношениями, Шредер стал писать к нему из чужих краев через почту притворно-дружеские письма, в которых уведомлял его о таких, может быть, и выдуманных делах, которые Новикову были чужды и даже неизвестны, но о которых одно сообщение могло его скомпрометировать. Всему этому Шредер давал такой вид, будто бы исполняет поручения Новикова. Расчет этот был верен: Новиков не получил ни одного из этих писем, которые были задерживаемы как возмутительные, и узнал о них только в 1792 году, когда по ним сделаны были ему запросные пункты после его ареста».

ТРЕВОГА АРХИТЕКТОРА

Василий Иванович оказался практически отстраненным от царицынского строительства. Он получил годовой отпуск по болезни: ухудшилось зрение, пошаливали сердце и нервы. В декабре 1786 года Баженов просил графа А. А. Безбородко, первого секретаря императрицы по принятию прошений, продлить отпуск с сохранением жалованья, чтобы окончательно поправить здоровье. В случае отказа Баженов соглашался и на отставку, «но с пенсией, как и все верноподданные е.и.в. пользуются, ибо, как неизвестно в. с., не имею у себя столько содержания, сколько для большой семьи моей, а притом и для оплаты долгов, потребно».

Прошение удовлетворили. В феврале 1786 года Баженов писал в экспедицию: «...По прошению моему, от должностей, на меня возложенных, уволен я для поправления моего здоровья впредь на один год, а вследствие того бывшие у меня доньне по построению в селе Царицыне планы и прочее представлены в Экспедицию, находящиеся у меня в команде архитектурные ученики Семен Орфанов, Ив. и Николай Урюпины и Николай Кузьмин, которых более при себе я иметь надобности не имею и не могу, и потому, представляя оных в Экспедицию, аттестую, что они поведения хорошего и в архитектурной науке довольно успешны и с пользою для отечества могут быть и на предбудущее время».

Болезни докучали. Аграфена Лукинична, обычно считавшая своим долгом не вмешиваться в дела мужа, стала все чаще слезно умолять Василия не работать ночами, при свечах, чтобы еще больше не повредить зрение.

Время для поправки здоровья выпало не совсем удачное. Баженов жил в каком-то постоянном напряжении. Впрочем, были для этого и свои основания. Василий Иванович чувствовал, что над членами масонских лож сгущаются тучи. От Новикова он узнал, что издателя вызывал к себе архиепископ Платон. Был учинен допрос. Затем стало известно, что Екатерина регулярно отдает приказы московскому губернатору П. В. Лопухину вести наблюдение за масонами, контролировать их деятельность и обо всем своевременно давать донесения государыне. Благо, что Петр Лопухин, как и его брат Иван, сам был масоном и тесно связан с новиковским кружком. Поэтому все тайные приказы императрицы были известны в ложах, и «вольные каменщики» имели возможность своевременно принимать меры предосторожности. Но это было малоутешительным.

«Государыня, — размышлял Баженов, — в любое время может докопаться до связей братьев с Павлом Петровичем, до тайной пересылки ему масонских книг. И бог знает, что усмотрит она в этих связях».

Василий Иванович со дня на день ждал вызова на допрос. Но никто его не тревожил. А нервы между тем были в напряжении, больное сердце предчувствовало неладное. Тревога Баженова относительно масонских связей с Павлом Петровичем была не напрасна. Факты, о которых архитектор не ведал, но о коих знали или догадывались императрица и ее доносчики, в своей совокупности могли выглядеть отнюдь не безобидно. Дело в том, что наследник престола не просто забавлялся масонской литературой и окружал себя мистиками, агентами ордена. В числе его приближенных были: главный воспитатель цесаревича, масон, граф Никита Иванович Панин; его брат, влиятельный человек в российских ложах я «оскорбитель» Екатерины, граф Петр Иванович. «Правой рукой при воспитании Павла

был также масон, Тимофей Иванович Остервальд, состоявший в должности информатора при великом князе тринадцать лет». В близких отношениях с Павлом находился родственник Паниных, влиятельный в России масон, князь Г. П. Гагарин. После отстранения Г. И. Панина от Малого двора его эстафету принял молодой князь Александр Борисович Куракин, «товарищ игр и учения Павла Петровича». На 21-м году жизни Куракин был принят в орден тамплиеров. Ближайшим помощником Куракина по вовлечению Павла в масонство был друг великого князя, назначенный состоять при Малом дворе, капитан флота, князь Сергей Иванович Плещеев.

В 1776 году Павел совершил поездку в Берлин для знакомства со своей невестой, принцессой виртембергской Софией-Доротеей, ставшей затем его женой, княгиней Марией Федоровной. Накануне поездки берлинские тайные мастера ордена дали секретные указания своим агентам в России: сделать все возможное, чтобы цесаревича сопровождал масон. Таковым оказался Куракин, коего берлинские мастера уже давно обхаживали.

Павла встретили в прусском королевском доме с большими почестями. Особенно внимательны были к нему члены масонского ордена, родственники невесты, наследный принц Фридрих-Вильгельм и дядя принцессы, принц Фердинанд, «стоявший, по свидетельству императрицы Екатерины, во главе прусских масонов». «В Берлине указали Павлу и на другого родственного ему высокого масона, шведского короля Густава III».

Согласно тайным инструкциям берлинских мастеров с этих пор одна из главных задач русских масонов — это вовлечь Павла в орден. В частности, такое задание было дано Куракину.

В конечном итоге цель была достигнута. В атмосфере глубочайшей тайны Павел был посвящен в

масоны. Об этом не знали даже многие русские «братья». Об «уловлении» цесаревича лучше всех были информированы берлинские мастера и иностранные дипломаты, выступавшие агентами ордена. Они рассматривали этот факт прежде всего под углом зрения будущей внешней политики России.

Павел все больше и больше втягивался в орденовые обязательства. Он завел также тайную переписку с жожаками прусского масонства: «Со времени путешествия Фридриха-Вильгельма (в 1780 г.) в Петербург, когда он был еще наследным принцем, между обоими наследниками установились дружественные и доверчивые отношения, а также тайная переписка, интимность которой увеличивается еще более вследствие принадлежности обоих принцев к секте иллюминатов. Близость между принцами существовала всегда, но она еще тщательнее поддерживается братьями этой же секты» Тема этой переписки была императрице неизвестна, так как письма шли по масонским каналам. Но кое-какие факты Екатерину настораживали. Именно этим объясняется ее неожиданное решение отстранить Куракина от Павла. «Князь Куракин, сопровождавший великокняжескую чету в ее путешествии за границу (в 1781–1782 гг.), по возвращении своем в Россию, сослан был на житье в саратовскую свою деревню Надеждино по ничтожному поводу...»

Позднее, видимо, не без определенных оснований, граф Ростопчин утверждал, что русские масоны были не столько заговорщиками и «обманщиками», сколько «глупцами», кои шли на поводу у прусских тайных мастеров и не ведали об их планах. Ссылаясь на какие-то письма, он говорил, что мартинисты планировали на своих тайных собраниях в Мюнхене совершить руками русских масонов убийство императрицы, чтобы ускорить

приход к власти члена их ордена, Великого князя Павла Петровича.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мистицизм XVIII века, бывший плодом разложения старого порядка, был вместе с этим реакцией против революционных стремлений того времени.

Г. Плеханов

ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ, В ОПАЛЕ

Все шло наперекосяк. Здоровье пошаливало. А тут еще затянувшаяся тяжба с богатым и своенравным П. А. Демидовым. Выполняя его заказы, связанные с проектированием новых строений, Баженов занял 10 тысяч рублей. По устной договоренности — долг беспроцентный, с выплатой в течение десяти лет. Однако Демидов стал требовать проценты, взыскивать вексель. Пришлось за бесценок продать деревеньку жены, покрыть часть долга. Оставшиеся векселя Демидов предъявил Аграфене Лукиничне и потребовал ее подписи, что та и сделала. Затем Демидов стал настаивать на судебной описи недвижимого имущества Баженовых. Казалось, тяжбе не будет конца. Пользуясь зависимым положением архитектора, Демидов в 1780 году приказал Баженову сделать проект здания Московского университета. Заказ архитектор выполнил, но проект так и остался неосуществленным.

Архитектор пожаловался Екатерине. Он писал ей: «Проект Университетской, коим все были довольны, ему не показался, и он разругал меня столько, что и последний мастеровой едва б снести мог. Я, отделавшись от него, напротив того, слезами, занемог жестокою лихорадкою. Его высство И. И. Шувалов желал меня в то время видеть, я, несмотря на мою болезнь, был у него и на его вопрос о худых поступках со мной госп. Демидова признался, что то было в самом деле. Госп. Демидов, узнав сие, тот же день зачал требовать, чтоб я тот час должные мною 18 тыс. руб. ему заплатил или же заложил ему все мое и женино имение». Но жалобы не помогли. И Баженов в конце концов заложил вещи, картины, книги, вновь залез в долги, в том числе занял часть денег у Н. И. Новикова, чтобы отделаться от

назойливого кредитора. Баженову стало очевидно, что на правительственные заказы ему теперь нечего рассчитывать. Приходилось изменять своим принципам: зодчий хотел всю свою жизнь посвятить государственным постройкам, которые, по его представлению, должны служить не частным, а общим целям, быть памятниками национального градостроительства. Обидно было осознавать это еще и потому, что организованная «Комиссия строительства столичных городов С.-Петербурга и Москвы» в этот период набирала силу, что обширное строительство в центре Москвы, за Яузой и в Замоскворечье осуществляется без его участия.

Оставалось только одно: вложить весь свой талант в частные постройки.

Баженову в некотором роде на этом этапе повезло. Заказ поступил от весьма состоятельного генерал-поручика И. И. Юшкова. Предстояло спроектировать и построить обширный дом на Мясницкой. (Ныне улица Кирова, дом № 21.)

Планировка этого здания была чрезвычайно интересна и оригинальна. Однако, к сожалению, дом в последующие времена часто перестраивался. В зависимости от функционального значения переделывались и внутренние помещения. Более или менее до наших дней сохранились круглый зал и вестибюль с колонной-ротондой.

Дом Пашкова^[14] — особая страница в творчестве Василия Баженова.

«В настоящей части города, на Моховой, недалеко от Каменного моста, на значительном возвышении, возносится этот волшебный замок. Сзади, из переулка,

вы входите через великолепный портал в пространный двор, постепенно расширяющийся от ворот.

В глубине этого двора вы видите дворец, в который ведут несколько ступенек... Два входа ведут в дом. По ним вы достигаете верхних помещений и выходите на пространную вышку в куполе дома, откуда открывается прелестнейший вид на всю Москву. Пройдя сквозь дом, вы приходите к романтическому виду с передней стороны дома от улицы. По неправильно искривленным и змеящимся дорожкам вы сходите вниз среди кустарников, по склону горы, на которой стоит дом. Внизу два каменных бассейна, посреди которых находится фонтан, а от улицы все отделяется железной решеткой. Сад и пруд кишат иноземными редкими птицами. Китайские гуси, разных пород попугаи, белые и пестрые павлины живут здесь либо на свободе, либо висят в дорогих клетках. Ради этих диковинок и прекрасного вида по воскресеньям и праздникам собирается здесь множество народа... Впечатление, производимое домом во время иллюминации, — неопишимо. Эта иллюминация при коронационных торжествах была одной из лучших во всей огромной Москве». Так описывал «Пашков дом» Гоген Рихтер в своей книге «Moskwa. Eine Skizze», изданной в Лейпциге в 1799 году. Усадьба, на которой расположился особняк, принадлежала Петру Егоровичу Пашкову, лейб-гвардии Семеновского полка капитан-поручику.

Баженов создал здесь в буквальном смысле слова замок-сказку. Большой знаток и ценитель русской архитектуры И. Грабарь писал: «Трудно найти более совершенное соотношение всех частей единого сооружения, чем то, которое достигнуто здесь». И далее: «Бесподобно решен план дома, особенно бельэтажа, видимо, тщательно выношенный в творческом сознании зодчего и взвешенный во всех деталях. В своей основе он построен на модуле, точно

определяющем пропорции каждой комнаты, взятые в строго кратных отношениях то по длине, то по ширине, то по диагоналям. Таким модулем является диагональ центральной комнаты главного корпуса. Все профили фасадов нарисованы твердой рукой, притом в индивидуальной, свойственной великому мастеру манере. В некоторых случаях для достижения большей выразительности форм и для повышения их монументальности он не останавливается перед тем, чтобы превратить пилястры в анты, дав им сильной откос от стены. Он относит их значительно больше вниз, нежели вверх, давая им, таким образом, энтазис не только по вертикали, но и по толщине. Вообще Баженов охотно пользуется приемами искусственной перспективы, известной античности и Ренессансу». Мнение русских и иностранцев было единодушное: «Пашков дом» — это жемчужина русского зодчества. Знатоки архитектуры подчеркивали, что при всей изысканности композиционных приемов замысел художника отличается смелостью, полетом фантазии и вместе с тем продуманностью мельчайших деталей. Это в равной степени характерно как для композиции в целом и внутренней планировки помещений, так и внешнего оформления: пилястры, обрамление окон, фриз боковых павильонов, венки с крупными гирляндами, вазы и т. п. Эффектны и отдельные сооружения: ворота, украшенные гирляндами и львиными масками, ажурная ограда с мощными колоннами и фонарями.

В старом путеводителе, в «Указателе Москвы» за 1793 год говорится, что Пашковы имели в Москве несколько домов. Интересно в связи с этим свидетельство И. М. Снегирева. Он писал, что Баженов построил Пашковы дома. Следовательно, речь идет не только о «замке на холме». Пашковым принадлежал монументальный дом неподалеку от Большого

Каменного моста. После пожара 1812 года он был частично перестроен. Другой дом, принадлежавший коллежскому асессору А. И. Пашкову, был перестроен в 1832–1835 годах архитектором Е. Д. Тюриным под «новый университет». И еще один прекрасный дом с большим садом, как свидетельствовали старожилы, находился у Крестьянской заставы. Не исключено, что проектировал эти дома Василий Баженов. Однако точных данных на этот счет не сохранилось. Что же касается «замка на холме», то ему в некотором роде повезло. Дом, правда, горел в 1812 году, но здание сохранилось, его отремонтировали. Отдельные детали (скульптурный герб, прекрасный бельведер, сооруженный для легкости из дерева, и пр.) в прежнем виде не восстановлены. При восстановлении здания архитектор Мельников не совсем удачно изменил бельведер, лишил его коринфских колонок, и вообще почему-то завершил эту легкую ордерную систему (коринфскую) более тяжелой ионической. Были внесены и другие изменения. Например, на гравюре Делабарта 1798 года ясно видно, что галерея, соединявшая павильоны с главной частью здания, была открыта, а не застеклена.

Интересно было окружение «Пашкова дома». Особняк соседствовал с церковью Михаила Малеина и церковью Николы Стрелецкого, а также церковью Николы в Ваганькове. И все это составляло как бы единый ансамбль, ибо Баженов, проектируя здание, учитывал это соседство. В частности, близость к участку церкви Николы в Ваганькове во многом повлияла на планировку парадного двора, на архитектурное решение ворот и всей въездной части.

В 1839 году в «Пашковом доме» расположился университетский дворянский пансион. В 1861 году здание было отдано под Румянцевский музей и Публичную библиотеку. С 1918 года здание

принадлежит Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Баженов проектировал много. Но не все проекты принимались. Опального зодчего сторонились. Василий Иванович был вынужден снизить таксу за свои работы. Архитектор уведомлял: «Особы, желающие воспользоваться приобретенными им знаниями относительно проектирования каких-либо строений, могут быть уверены об точном и скором исполнении их требований. А для избежания всякого неудовольствия нужным почитает назначить платеж за таковые труды на следующем основании. Ежели прожектируемое строение будет на 12 сажнях, то за план оного, фасаду и часть профиля с переделкою того, ежели угодно будет, то двух раз требует он не более 125 рублей, половинное число денег наперед; ежели же оное будет более 12 сажен, то за каждую свыше 12-ти платить должно еще до десяти рублей». Эту таксу Баженов включил в прошение, поданное им в Управу благочиния 18 февраля 1790 года (за № 3008) по поводу проекта устройства художественно-архитектурной школы и галереи. Ссылаясь на незанятость «должностями», Баженов просил разрешить собирать учеников и проводить с ними занятия у себя дома, «сообщая им все нужные сведения об архитектуре, живописи, скульптуре, перспективе, оптике, гравировании, мозаичной работе и во всех тех науках и художествах, которые с ними главными искусствами имеют непосредственное свое соотношение». Срок обучения Баженов предлагал около пяти лет, плата — 150 рублей в год. Если же ученик пожелает освоить искусства, «с архитектурю тесную связь имеющие», то плата повышалась до 300 рублей. Но при этом Баженов добавлял, что «бедных и неимущих родителей дети могут приходить к нему обучаться без всякой платы,

лишь бы только имели они нужные способности и были бы добронравны».

Василий Иванович, таким образом, осуществил свою давнишнюю мечту. Вспомним, как еще в 1770 году в своем автобиографическом отступлении («Мнение архитектора Баженова о Кремле») зодчий писал: «Если бы только я установиться мог, то б вся веселость была в том, как иметь у себя маленькую партикулярную Академию, к сему уже и приготавливаю в Москве мальчиков, с коими уже маленькое начало имею, но только препятствие к моему намерению весьма есть много».

Школа, организованная Баженовым, просуществовала недолго. Разного рода трудности организационного порядка и постоянные денежные затруднения вынуждали отказаться от желанной затеи. Не удалось зодчему в полной мере осуществить и другой план — учредить в Москве постоянно действующую публичную художественную галерею, где выставлялись бы не только картины, но и работы архитекторов, их эскизы, чертежи, проекты.

В поисках заработков Баженов вынужден соглашаться на живописные работы. В 1782 году ремонтировался Донской монастырь. Собор заново расписывался фресками. В этой работе принял участие и Василий Иванович. По его эскизам работал художник А. И. Клаудо. Иногда Баженов и сам участвовал в живописных работах.

Соборная роспись затем подновлялась, переписывалась. Поэтому трудно сказать, что осталось от кисти самого Баженова. Исследователи предполагают, что его рисунок на историческую тему («Татары у стен Кремля») сделан специально для росписи Донского монастыря. Другую художественную работу Баженов выполнил для церкви Ивана Воина в Замоскворечье, на Якиманке (ныне улица Димитрова). В

«Русских достопримечательностях» дается такое описание исполненного им иконостаса: «В 1791 году новый иконостас в четыре яруса с позолоченными колоннами и резьбой (на царских дверях резное изображение «сошествия во ад») сделан по рисунку знаменитого в свое время архитектора и первого вице-президента Василия Ивановича Баженова. Одновременно с иконостасом была устроена над престолом деревянная с орнаментами сень на 6 колоннах, составленная, собственно, из двух крестообразно положенных дуг, по карнизу ее малые образа, числом 8, поставлены были в деревянных кругах».

Это сооружение в 1859 году, при обновлении храма, было уничтожено по распоряжению митрополита Филарета, который, впрочем не без оснований, нашел, что иконостас не соответствует масштабам храма.

«Масоны стремились использовать просветителей, поскольку у тех были идеи, расшатывавшие существующий строй. В свою очередь, масонство могло предложить высшую форму конспиративной организации. Однако критика существующих режимов велась теми и другими с разных позиций, и по мере осознания несовместимости позитивных целей передовые люди отдалялись от масонства, а Радищев, например, отзывался о нем резко отрицательно», — замечал в своей работе «Русское просветительство XVIII века» советский исследователь, доктор исторических наук А. Г. Кузьмин.

Выступая вроде бы с позиций политического либерализма и религиозного свободомыслия, проповедуя утопическую картину «райского труда» в

будущем космополитическом государстве, масоны вместе с тем были далеки от революционных идей, от интересов народа.

Показателен в этом смысле такой пример. Накануне французской революции Радищев после длительного молчания вновь взялся за перо, вернулся к литературной деятельности. В 1789 году он публикует «Житие Ф. В. Ушакова», где характеризует нравы бюрократии и рассматривает их как неизбежный результат политического строя.

В следующем году выходит другая знаменитая книга Радищева — «Путешествие из Петербурга в Москву». И вновь он проявляет себя глубоким реалистом, показывает нужды крестьянства, описывает существующие нравы, выступает против холопства, слепого прислуживания начальству и высказывает мысль, что свободная и добродетельная личность — это человек, который верен своей совести, высшим идеалам, а не деспотам и знатым господам. Эту же революционную мысль Радищев проводит и в другой своей работе — в «Беседе о том, что есть сын отечества». Он пишет, что «истинным сыном отечества» не может быть ни рабовладелец, ни послушный раб и слепой исполнитель воли начальника».

Как отнеслись к этим идеям масоны? Они обрушились на Радищева с критикой, ибо усмотрели в его трудах мысли, противоречащие орденским законоположениям о смирении рядовых масонов, их повиновении «провидцам-мастерам», коим уготована особая миссия и особый дар «воздействия на властелинов». Подогреваемые орденским начальством, русские масоны поспешили отмежеваться от революционного мировоззрения Радищева. Например, И. В. Лопухин бросился откровенно восхвалять Екатерину II, другой масон, М. М. Херасков, в своих новых произведениях стал высказываться в защиту

существующего режима, выступать против революции, рисовать в своих трудах картины утопического государства, где царствуют добрый монарх, справедливые законы, труд и согласие. В ход пускается также элементарная хитрость, подсказанная орденом руководством. Лопухин и Кутузов, знавшие о том, что их письма распечатываются и копируются на почте, стали регулярно обмениваться корреспонденциями, в коих «разъясняли» сущность масонского учения, показывали его гуманность, оправдывали государыню и обличали «нечеловеков, злоупотребляющих ею доверенностью». Это было своего рода масонское обращение к престолу через черный кабинет, к которому, кстати, императрица осталась равнодушна. Ее волновало другое...

Г. Макогоненко в своей книге о Новикове и его времени замечал, что «масонство в целом как идеологическое движение, характерное для XVIII века, было явление антиобщественное. Этим и объясняется, в частности, что в дальнейшей своей истории в XIX и XX веках оно превратилось в активнейшее против трудящихся масс движение».

Чем же тогда объяснить, что Екатерина II, непосредственный и ревностный представитель самодержавия, не только не доверяла масонам, но и активно против них выступала? Дело в том, что в реальность революционных идей просветителей императрица не очень верила. Этим, видимо, и следует объяснять ее показное увлечение «опасными идеями» и не менее показное покровительство знаменитым французским авторам-просветителям. Что же касается масонов, влиятельных вельмож, которые, за редким исключением, не отличались революционностью мышления, то в них Екатерина II усматривала более реальную опасность. И опасность не столько для существующего строя, сколько для престола. Ее

беспокоило ограничение масонами самодержавной власти.

Императрица, не обладавшая, разумеется, классовым мировоззрением и не сумевшая реально разобраться в исторических процессах, тревожилась не совсем напрасно. Агентурные данные и секретные доклады о развитии событий во Франции сводились к следующему.

Масонские ложи во Франции стали убежищем для всех недовольных официальной властью. В них пересеклись пути представителей буржуазии, влиятельного дворянства и прочей французской знати. Они жаждут ограничить короля и обрести политическую власть. Феодально-абсолютистский строй не устраивал их и в экономическом отношении. Таким образом, ложи во Франции являются своего рода политическими клубами. Правда, свои политические цели члены «братства» тщательно маскируют. Но делать это становится все труднее, так как число лож растет не по дням, а по часам, и посещают их достаточно известные французские политические деятели, знатные господа.

Революционная гроза приближается. Неожиданно наступил застой в промышленном производстве, парализована торговля, нарушена система снабжения продовольствием. Положение дел усугубляется тем, что наступил неурожайный год. Крестьяне, оставляя насиженные места, бродяжничают, поднимают мятежи, грабят продовольственные склады. Нужда накаляет политическую атмосферу. Королевский двор бессилен что-либо сделать. Ложа Великого Востока обложила своих многочисленных зажиточных «братьев» более высокими взносами и «добровольными» пожертвованиями. Кассы ордена быстро пополняются капиталом. Значительную их часть тайные руководители масонства определяют на благотворительность, филантропию, на помощь голодающим.

— Полагаю, что это делается для того, — высказывал свое мнение граф Брюс, — чтобы еще больше подчеркнуть несостоятельность законной королевской власти и привлечь простолюдинов на сторону масонов. Таким образом, — резюмировал Брюс, — сии коварные люди одной рукой клянутся в верности государю и отечеству, а другой рукою расшатывают королевский трон.

Абсолютизм действительно потерпел поражение. Но плоды победы достались отнюдь не тем, кто в открытом бою рисковал жизнью. Они достались буржуазной аристократии, которая поспешила прибрать к рукам Национальную гвардию, призванную защищать завоевания революции. Главнокомандующим Национальной гвардии был назначен маркиз Лафайет, весьма влиятельное лицо в масонских кругах. Будучи членом ложи «Чистоты», он не уставал повторять, что задача масонства — это «помощь бедным», «воспитание сирот» и «стремление к братству всех людей» на равноправной основе. Однако, став Главным командующим, он закрыл доступ в Национальную гвардию не только простолюдинам, но вообще представителям всех демократических слоев общества.

Такова же «логика» поведения и самого популярного деятеля революции, графа Оноре де Мирабо. Он тоже был влиятельным человеком среди масонов и завсегдатаем политических клубов — лож. Первоначально Мирабо завоевал себе популярность красноречием, острыми политическими выступлениями, либеральными лозунгами. Однако, став лидером Учредительного собрания, он незамедлительно повернул вправо и стал действовать вопреки Декларации прав человека и гражданина, предложенной самими же масонами и принятой 26 августа 1789 года. Не лучшим образом повели себя и другие «конституционалисты» — представители крупной буржуазии, ловко

манипулировавшие красивыми лозунгами. «Так крупная буржуазия, отделившись от своих недавних союзников по третьему сословию, установила фактически и юридически свое господство в стране». Требования крестьян остались невыполненными. Был принят также декрет, направленный против рабочих. Он запрещал стачки и объединение рабочих в союзы. Зато достигла своих целей буржуазия. Она устранила на своем пути те препятствия, которые мешали свободной предпринимательской деятельности и ограничивали ее политическое влияние.

Разумеется, Екатерина Великая была далека от такого анализа происходящих во Франции событий. Ее, как представителя монархической власти, волновало другое. Графу И. А. Остерману (от 24 сентября 1791 года) Екатерина писала, что французского короля «заставили подписать нехристианскую конституцию, но антихристову, по которой *ipso facto* отрешен от римской веры...». В следующей записке тому же Остерману императрица довольно четко излагает свою позицию солидарности с представителями абсолютистской власти: «Я думаю, чтоб с Венским и иными дворами условиться, чтоб, когда французское собрание пар(ламент) объявит от себя, что оно со всеми державами хочет жить в согласии, им ответствовать и требовать освобождения короля Людовика XVI, супруги и фамилии, и в противном случае от них не принимать министров, а своим приказом выехать, кораблей их не пускать в гавани и всех присягнувших собранию французов не терпеть нигде; королевской же партии дать покровительство, понеже сие дело есть дело всех королей, с которыми тогда уже поссорились, когда по всей вселенной разослали министров для взбунтования народов».

Екатерина на основании некоторых донесений пришла к заключению, что во французской революции и

поражений королевской власти повинны прежде всего масоны, которые, по мнению француза Джона Робинсона, плетут сети заговора «против всех религий и правительств Европы». А посему, считала императрица, отнюдь не случайно, что многие иноземные дипломаты и проницательные торговцы, а также разного рода авантюристы (типа Калиостро), выступающие под видом ученых и ясновидцев, являются масонами, кои пытаются распространить в России свое влияние и заручиться клятвами русских в верности ордену и влиятельным заморским особам. Ближайшие доверенные лица Екатерины, в том числе Брюс, Потемкин и Прозоровский, еще более подогревали тревожные настроения и «догадки» императрицы. Ссылаясь на более или менее достоверные агентурные данные, они докладывали о подозрительной деятельности масонов на территории разделенной Польши, а также в пределах Литвы и Белоруссии, присоединенных к России. В донесениях говорилось, что католики и униатское духовенство направляют свою тайную деятельность на искоренение православной веры, на восстановление шляхетской Польши в пределах 1772 года и что в этом активное участие принимают масоны, особенно члены ордена Злато-розового креста — розенкрейцеры.

Не могло не тревожить Екатерину и то, что в голодный 1787 год члены российских лож объявили кампанию помощи бедствующим крестьянам и стали демонстративно открывать благотворительные общества. Императрица усмотрела в этом коварство, к которому, как докладывал Брюс, прибегали французские масоны, желавшие противопоставить себя официальной монархической власти, заявить о ее несостоятельности и тем самым приблизить час революции.

Чувствуя настроения Екатерины II, русские масоны, близкие к императрице (из числа придворных и секретарей), спешили разуверить «матушку», снять

подозрения в свой адрес. Они снабдили ее доступной масонской литературой, которая не содержала, на их взгляд, никакой крамолы.

Екатерина писала: «...я принялась читать все глупости и неясности масонския, и так как это доставляло мне множество материала, чтобы подшучивать, по крайней мере, над сотней лиц в день, господа члены братства поспешили просветить меня поболее, полагая таким образом привлечь меня на свою сторону». Ответы на все эти старания были однозначны. Екатерина II видела в масонстве «форму притворства» и «лицемерия в этом мире», она называла русских масонов «больными», не видящими того, что даже сама обрядность «носит на себе неопровержимую санкцию той страны, где зародилась эта коварная игра».

«Кто делает добро для добра, тому зачем обеты, притворство с переодеванием, столько же суетным, как и смешным?» — спрашивала Екатерина. Свое отношение к масонам императрица излагает и в написанных ею в 1785–1786 годах комедиях, к которым Екатерина часто отсылает тех, кто пытается изменить ее мнение о «вольных каменщиках».

В комедии «Обольщенный» она высмеивает доверчивых людей, которые одурачены, на ее взгляд, мистической литературой и разными шарлатанами. Говоря о «нравственном учении» масонства, императрица приходит к заключению: масонство отвлекает человека от семьи, от гражданского долга, от общества и делает его эгоистом. Что же касается «тайной» масонской благотворительности, то автор комедии стоит на привычной позиции монарха: абсолютная власть и общественная инициатива должны находиться в полном согласии, ибо всякое проявление частной, не согласованной инициативы — раскол и колобродство.

События во Франции еще более заставили Екатерину II делать выводы именно в этом направлении. Она была убеждена, что разразившаяся революция — это не более чем бунт, спровоцированный злонамеренными людьми, жаждущими власти, а не справедливости. В августе 1791 года императрица писала Гримму: «Я от природы питаю большое презрение ко всем народным движениям и бьюсь об заклад, так же верно, как дважды два четыре, что стоит только открытою силою разнести две лачужки, чтобы всех баранов заставить скакать в какую хотите сторону через палку, которую вы им подставите; самые безумные, самые бешеные из них первые покорятся и будут с жаром опровергать то, что прежде защищали». Не верила Екатерина, давно распрощавшаяся с «революционными мечтами» своей ранней молодости, и в «добрые конституции». Когда в сентябре 1791 года Людовик XVI подписал конституцию, она возмутилась его «глупости» и заявила: «Лучшая конституция не стоит дьявола, потому что она делает гораздо более несчастных, чем счастливых, что прямые и честные люди от нея страдают, и только для злодеев она выгодна, так как им наполняет карманы и никто их не наказывает». Екатерина, стремившаяся оправдать свою монархическую позицию, утверждала, что конституция и провозглашенные в ней свободы — это обман, ибо сие ведет к «безначалию», а «безначалие, — писала она, — есть злейший бич, особливо когда действует под личиною свободы, сего обманчивого призрака народов».

Не могла согласиться Екатерина и с тем, что труды французских философов, коими она ранее увлекалась и даже включала отдельные положения в свои Наказы, могли повлиять на умонастроения людей и приблизить час революции. «Французские философы, — писала она 5 декабря 1793 года, — о которых думают, что они приготовили французскую революцию, быть может,

ошиблись только в одной вещи, а именно они думали, что проповедуют людям, у которых они предполагали доброе сердце и добрую волю, а вместо того прокуроры, адвокаты и все злодеи прикрылись их принципами, чтобы под этим покрывалом, которое они скоро сбросили, сделать все то, что совершало самого страшного самого ужасного злодейство».

«Рассеяние заразы французской» — вот что больше всего волнует императрицу, о чем бы она ни размышляла в этот период. Именно под этим углом зрения была воспринята и знаменитая книга Радищева о «Путешествии».

В марте 1792 года пришло сообщение о покушении на короля Густава III. Говорилось о том, что в заговоре активное участие принимали масоны. Вслед за этим в Петербурге распространились слухи, что якобиты в союзе с иллюминатами и розенкрейцерами готовят покушение на Екатерину II.

В связи с тайными донесениями из Берлина в Петербурге начинаются лихорадочные поиски некоего француза Басевича, которому якобы поручено посягнуть на жизнь государыни. Затем усиленно заговорили о том, что этот план зреет в кругах московских масонов. Князь Прозоровский предложил императрице издать указ об аресте Новикова. Екатерина не решилась. Возразила: «Нет, надобно найти причину».

— Таковые имеются, — возразил, в свою очередь, Прозоровский.

— Но не те, что нам нужны, — перебила государыня. — Господин Новиков печатал ругательную историю ордена иезуитского. Да, мы недовольны сим мероприятием. Но лишь в том смысле, что мы объявили иезуитам Белоруссии свое покровительство, а господин издатель самолично вмешивается в эти тонкие и особливые дела государственной важности. Займитесь другим, более важным, — продолжала императрица. — В

октябре 1785 года я предписывала образовать комиссию для обревизования всех московских школ и пансионеров, в коих масоны сеют колобродства. Я велела проверить учебники. Они должны быть такие же, какие приняты в казенных школах, а не каковы угодны смутьянам. В том же году я предписывала графу Брюсу составить роспись всех книг, изданных масонами; не скрывается ли в них умствований, не сходных с простыми и чистыми правилами веры нашей православной и гражданской должности, не наполнены ли сии книги новым расколом для обмана и уловления невежд?

— Насколько я знаю, таковая работа проведена...

— Вы правы, князь, — опять перебила Екатерина. — Содержателям вольных типографий в Москве мы строжайше предписали подтвердить, чтобы они остерегались издавать книги, исполненные странными мудрствами или, лучше сказать, сущими заблуждениями и колобродствами, ведущими к расколу. В июле 1787 года я приказывала своему секретарю Храповицкому написать в Москву, чтобы запретили продажу всех книг, до святости касающихся, кои не в синодальной типографии напечатаны, И вот теперь надобно проверить, сколь ревностно исполняются эти указы, ибо всякое нарушение предписаний — есть сознательное неподчинение и злобное вредительство. Мною были даны и другие указания, о коих я пока умолчу. Если мои догадки верны, а время и усердие преданных мне людей сие покажет, то аресты, любезный граф, неизбежны.

Тем временем тучи над масонами все больше сгущались. Этому в немалой степени способствовала и международная обстановка. После объявления в 1787 году второй турецкой войны стало очевидно, что Пруссия и Швеция относятся к России враждебно. А между тем покровителями русских «братьев» были именно прусские и шведские масоны. Екатерина поспешила связать это с международной и внутренней

интригой, с возможным существованием заговора. Тем более что иностранные дипломаты и тайные масоны — агенты, как было доложено императрице, зачастили к наследному принцу Павлу. Было решено установить негласный контроль за перепиской масонов, особенно с зарубежными «братьями», а также следить за визитерами к Павлу, в том числе за Баженовым, который уже неоднократно бывал в Гатчине и находился под подозрением. Желая усилить контроль за Москвой, Екатерина назначила князя Прозоровского главнокомандующим, ибо он отличался исполнительностью, во всем любил дисциплину и порядок.

О принятых мерах, в том числе секретных, каким-то образом тут же узнали масоны-иностранцы, руководившие русскими «братьями». Кое-кто поспешил выехать из России, другие затаились, приняли меры предосторожности. Барон Шредер, в частности, приказал русским масонам прекратить (до особого указания) всякую переписку и сношения с зарубежными масонами. При этом он ссылался на указания орденских начальников, которые категорически запретили принимать в ложи новых членов и объявили так называемый «силанум» — молчание. Однако многие русские масоны, ничего не подозревая и не усматривая в своих действиях никакого греха, продолжали свои «работы» в ложах и особой осторожностью не отличались.

Предусмотрительность масонов-иностранцев была не случайной. Через полмесяца после назначения Прозоровского главнокомандующим императрица в собственноручной записке интересовалась численностью масонов: «Касательно известной шайки полезно будет без огласки узнать число людей, оной держащихся: пристают ли вновь или убывают ли из оной». По мнению Прозоровского, «сия шайка» пустила в

Москве глубокие корни. Он сообщает, что масоны всюду: в университете, в церкви, в ученых собраниях, в купеческом обществе, они организуют свои типографии, лечебницы, а своих учеников-семинаристов всячески стараются проводить на влиятельные места и всюду имеют своих ставленников и шпионов.

Екатерина II немедля замечает: «Имена семинаристов нужно знать, паче же тех, кои постриглись, дабы не попались в кандидаты епархиальные для епископства».

В ноябре 1791 года Н. И. Новиков, испытывая финансовые затруднения и чувствуя, что над ним сгущаются тучи, был вынужден подписать «Акт уничтожения типографической компании». Однако масонские книги, запрещенные Екатериной II, продолжали выходить. Они печатались в «тайной типографии», расположенной в доме, где жил Шварц, близ Меншиковой башни. Рабочие здесь были особые — немцы. Это роняло еще большую тень на Новикова, так как книги, печатаемые в этой типографии, выходили под маркой новиковской типографии и часто без указания года. Таким образом, эти книги могли в любое время приписать Новикову, обвинив его в злостном нарушении государевых указов.

Политическая атмосфера в 1791 году еще больше накалилась. Произошел разрыв со Швецией, сопровождавшийся военными действиями. К границам Курляндии двинула свои войска Пруссия. Грозил выступлением Польша. В Англии шли приготовления к выходу флота в Балтийское море. В экономике России, как и во Франции накануне революции, наступил застой. В правительственном аппарате царили разногласия, подогреваемые вельможами-масонами, кои были недовольны действиями императрицы и боялись возможных последствий. Весной 1791 года Екатерина II, по свидетельству приближенного ко двору масона

Лопухина, подписала указ о производстве следствия над «мартинистами». Она передала его графу Безбородко. Но последний не торопился пускать указ в ход, так как «не видел повода» и считал, что преследование масонов «не соответствует славе Екатерины».

Зимой 1791/92 года Баженов, выполняя волю масонов, нанес очередной визит Павлу. Наследник престола встретил на сей раз архитектора не очень дружелюбно. Но, узнав, что зодчий прибыл предупредить его о надвигающейся опасности, Павел весьма подобрел. Цесаревич тут же уничтожил все компрометировавшие его документы. Затем он счел возможным отблагодарить Баженова.

— Я, как ты знаешь, определен матушкой генерал-адмиралом русского флота. Не желаешь ли ты, друг любезный, быть со мною рядом? Я предлагаю тебе поступить на службу в Адмиралтейство по архитектурной части.

Друг зодчего Каржавин писал, что Баженов «вступил в оную службу на 700 рублей жалованья, продав свой дом в Москве, а в Петербурге, заводясь всем нужным, снова пришел до совершенного разорения, когда государь-наследник, выпрося его из ведения императрицы, принял под свое покровительство и поправил состояние его, определив его к разным местам и детей его в собственный свой штат...».

13 апреля 1792 года Екатерина подписала указ Прозоровскому, в котором она велела подобрать «надежных» людей и произвести обыск у Новикова, как в московском его доме, так и в деревне. Одновременно с осмотром имения Новикова Прозоровский подверг обыску и книжные лавки. Запрещенных ранее книг было найдено немало. Имел ли к ним отношение Новиков? Трудно сказать. Ведь многие книги печатались в «тайной типографии» без его ведома. Но их наличие у торговцев и на складах было достаточным основанием

для обвинений, ибо объективно складывалось впечатление, что Новиков знал об их существовании, но умышленно молчал.

25 апреля в Москве началось следствие.

На основании масонских бумаг Прозоровский в период следствия делает вывод, что «вольные каменщики» отрицают существующую организацию государства и церкви. Их цель — создание особой космополитической организации, членам которой «в присягу вмещено, что повиноваться они безмолвно должны главному начальнику, но кто он таков, об нем не спрашивать». Прозоровский замечает: «О государстве и отечестве нигде в розовых кавалерах (т. е. у розенкрейцеров) не видно; да, кажется, отечества быть у них и не может, как они братья со всеми в свете масонами» и стремятся «ввести единоезаконие в свете». От таких людей, по мнению Прозоровского, немалый вред, «ибо которые вошли и привязались к ним, те все удаляются от всякаго государственнаго служения». Прозоровский предложил не передавать дело в обычный суд, чтобы лишить возможности масонов и обывателей «замешать оное дело». Екатерина прислушалась к этому совету и 10 мая 1792 года приказала А. А. Прозоровскому переправить Новикова в Шлиссельбургскую крепость, «а дабы оное, — писала она, — скрыть от его сотоварищей, то прикажете везти его на Владимир, а оттуда на Ярославль, а из Ярославля на Тихвин, а из Тихвина в Шлюшин, и отдать тамошнему коменданту; везти же его так, чтоб его никто видеть не мог, и остерегаться, чтоб он себя не повредил».

Далее допросное дело было передано С. И. Шешковскому.

Разбирая масонские бумаги, Прозоровский наткнулся на записку о Павле, составленную Баженовым. Это был отчет архитектора о его очередном визите к цесаревичу. По этому поводу Новикову были представлены

вопросные пункты. Из показаний следовало, что это не первоначальный вариант записки. Отчет значительно отредактирован. Однако на основании первоначального варианта, как выяснилось на допросе, была сделана выписка «о образе мыслей той особы и по переводе отдана барону Шредеру, который хотел об этом писать в Берлин...».

Императрица, пришедшая в негодование и считавшая, что это есть свидетельство заговора, была вынуждена обратиться за разъяснениями показаний масонов к великому князю.

Но Павел все отрицал и даже, кажется, сумел убедить Екатерину, что это все наветы и «клеветническо-лакейские намерения». Императрица решила этот вопрос не заострять, чтобы не давать поводов для лишних разговоров. Однако подозрения остались, о чем свидетельствуют ее возражения на показания Новикова, найденные в следственном деле.

В. Баженов остался нетронутым. На сей раз ему повезло. Государыня сочла, что архитектор был слишком мелкой пешкой в этой игре, что он оказался игрушкой в руках масонов-заговорщиков, за что в достаточной степени и поплатился. Что же касается известного книгоиздателя и литератора Новикова, то императрица решила серьезно отомстить ему и тем самым устрашить других масонов. Формальных оснований для этого было достаточно. Имелись в том числе и дополнительные секретные донесения о сомнительных целях берлинских масонов, с коими поддерживались связи, о подозрительной переписке с зарубежными «мастерами» и т. п.

Кое-какие сведения и факты, представленные Новикову во время следствия, действительно были для него новостью. И если это каким-то образом затрагивало интересы отечества и роняло тень на его гражданскую честь, то издатель искренне каялся и не менее искренне

заявлял о том, что был в неведении и никогда не помышлял о том, что его действия и причастность к масонству могут быть направлены супротив государства.

Решение императрицы — проучить масонов — было непреклонным. 1 августа 1792 года она подписала указ, в коем говорилось: «...И хотя поручик Новиков не признается в том, чтобы противу правительства он и сообщники его какое злое имели намерение, но следующие обстоятельства обнаруживают их явными и вредными государственными преступниками».

Екатерина в указе отмечала, что масоны «делали тайные сборища, имели в оных храмы, престолы, жертвенники; ужасные совершались там клятвы... которыми обязывались и обманщики и обманутые вечною верностию и повиновением ордену Злато-розового креста, с тем чтобы никому не открывать тайны ордена, и если бы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпевать мучения и казни». В документе масонов обвиняли в том, что «дерзнули они подчинить себя герцогу Брауншвейгскому, отдав себя в его покровительство и зависимость», что «имели они тайную переписку с принцем Гессен-Кассельским и с прусским министром Вельнером изобретенными ими шифрами и в такое еще время, когда берлинский двор оказывал нам в полной мере свое недоброхотство». В числе прочих провинностей указывалось и на то, что масоны практикуют обряды и ритуалы, «вне святой нашей церкви непозволительные...».

Словом, приписывая Новикову все масонские грехи, которые, возможно, и были, но в коих повинен был не столько книгоиздатель, а сколько его ловкие орденские руководители, императрица повелела в указе «запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

...Принимая заказы от вельмож и толстосумов, он также сознавал, что строит дворцы, усадьбы, мавзолеи не для них, а для возвеличения своей родины и русского искусства. Вот почему эти несравненные создания до сих пор стоят перед нами как красноречивые свидетели творческой и культурной мощи русского народа...

Игорь Грабарь

СНОВА В ПЕТЕРБУРГЕ

Работать приходилось много. Архитектор следил за ходом большого строительства в Гатчине, осуществлял проекты внутренней отделки торжественных залов старого гатчинского дворца, проектировал новое грандиозное здание с манежем и придворным театром, составлял проекты других будущих сооружений, в частности, здания комендатуры, конюшен, мостов и павильонов для гатчинского парка. Не все, правда, было осуществлено на практике, ибо Павел потом охладел к реконструкции Гатчины, да и средств не хватало. Кроме гатчинских и павловских построек, Баженов работал также над проектами церкви — «Намереваемой Лейб-гвардии Семеновскому полку», Инвалидного дома и церкви Иоанна Предтечи, сооружение которых планировалось на Каменном острове, проектировал Михайловский (Инженерный) замок, мастерские для Главного адмиралтейства и каменный корабельный сарай. Есть в литературе свидетельства и о том, что Баженов участвовал в постройках гауптвахты и башни у Петербургских ворот в Кронштадте, манежа возле Смольного и отдельных сооружений для Аракчеевских казарм, в создании каланчи нового Адмиралтейства, Литовского замка и т. д. Выполнял зодчий в этот период и отдельные частные заказы, проектировал усадебные дворцы.

Создается впечатление, что Баженов работал в этот период как бы полулегально, стараясь не афишировать своего имени, а в отдельных случаях он, возможно, даже был склонен прикрываться именами других архитекторов. Понять зодчего нетрудно. Он, находясь в опале, не хотел ставить в неловкое положение своих заказчиков. Поэтому на многих своих проектах и

сооружениях Баженов, видимо, предпочитал «автографа» не оставлять. В результате многие баженовские постройки впоследствии оказались приписанными другим архитекторам. И потребовались многие десятилетия, прежде чем была восстановлена истина. А вокруг некоторых строений и проектов разногласия об авторстве существуют и по сей день.

Таким спорным проектом остается «загадка Останкинского дворца».

Граф Николай Петрович Шереметев был поклонником театра, музыки, живописи и любил много строить и перестраивать. Переехав из Кускова в Останкино, граф Н. П. Шереметев начинает создавать свою усадьбу, строить дворец. Многочисленные записи в «домовых книгах» и «повеления» графа свидетельствуют о том, что проекты присылались из Петербурга. Туда же посылались для консультаций и чертежи, выполненные крепостными архитекторами, в частности А. Ф. Мироновым и Ф. П. Аргуновым. В Останкине непрерывно ломали и что-либо переделывали, так как хозяин постоянно высказывал недовольства. К осени 1792 года был построен театр — прообраз дворца. Наружная архитектура строения весьма примитивна. Шереметева не устраивало это здание. Он решает расширить его, пристроить флигели, изменить внешний облик. Этим занялся Ф. И. Кампорези. Он сделал множество чертежей, акварельных набросков. Однако сооружения по его планам опять не устраивают Шереметева. Хозяин подключает к работе архитектора К. И. Бланка. Вновь начались переделки. Граф решает чаще советоваться с архитекторами Петербурга, «близкими к малому двору», цесаревичу Павлу, с коим у Шереметева дружеские отношения. В 1793 году в роли советчика выступает Бренна. Он напрашивается в авторы отдельных частей здания, архитектурных украшений. Однако здание от этого

становится еще более разностильным. Назревает необходимость поручить кому-то разработать общее архитектурное решение дворца.

Крупнейший советский исследователь истории русской архитектуры И. Грабарь считает, что эта работа была поручена Баженову, которого Шереметев знал давно, с 1770-х годов, когда зодчий строил павильоны Эрмитажа в Кускове, где находилась усадьба Шереметевых. Не исключено, как предполагают исследователи, что Баженов был привлечен к строительству, к разработке проекта, но вместе с тем сознательно оставался в тени. Правда, на многих чертежах стоит подпись «Елезвой Назаров». Но исследователи считают, что во всех этих работах чувствуется сугубо баженовская рука. При этом многие архитектурные детали и приемы имеют поразительное сходство с другими баженовскими работами, выполненными им как ранее, так и позднее. Что же касается Назарова, то он был исполнителем баженовских проектов, предназначенных для строительства в Останкине. Категорично придерживаясь этого мнения, Грабарь замечает: «В делах домовой конторы имя Баженова появляется в первый раз в 1792 году 18 мая. Шереметев приказывает «Управителя Аргунова сына Павла отправить в Петербург к господину архитектору Бажеву для обучения». Никакого архитектора Бажева не существовало, и в данном случае мы имеем дело с опиской переписчика. Речь идет, конечно, о Баженове, активно включающемся с этого времени в останкинское строительство. В Петербурге у Баженова уже были ученики, к которым по просьбе Шереметева он присоединил и 24-летнего Павла Аргунова. За полтора года талантливый юноша многому научился у Баженова, о чем свидетельствуют его чертежи и самостоятельные проекты, сделанные вполне профессиональной рукой, на хорошем художественном

уровне. Надо думать, что и Баженов был им доволен, чем, быть может, и объясняется быстрое возвышение крепостного архитектора, которого Шереметев вскоре поставит над его старшими товарищами.

Аргунов затем довольно часто бывал в Петербурге. И всякий раз привозил с собой новые чертежи.

Долгое время о Михайловском замке ученые могли судить лишь по гравюрам, подписанным почему-то Бренной. Это давало повод для разноголосицы. Но затем были обнаружены проекты, подписанные лично Баженовым. И тогда появилась возможность сравнивать, делать глубокий анализ стилевых особенностей тех или иных сооружений, проектов. Эти исследования позволили ученым заявить, что, в частности, проекты и чертежи одного из фасадов Останкинского дворца, несомненно, принадлежат Баженову.

При этом те части здания, которые строились в последние годы, отличаются ярко выраженным баженовским стилем, и архитектурные детали имеют наиболее законченный вид.

Расследование масонской деятельности продолжалось. Расправившись с Новиковым, Екатерина продолжала следить за другими «вольными каменщиками», а также интересовалась событиями в Польше и действиями масонов Франции и Пруссии. Ей стало известно, что в 1784 году в Польше был основан «Великий Восток», объединивший 13 больших лож, расположенных в разных городах и областях. Все они приняли единый устав, состоящий из 54 параграфов. В параграфе 52 говорилось, что масоны не признают первого раздела Польши и согласно конституции «Великого Востока» приветствуют то, что ложе —

матери «Екатерины под Северной звездой» подчиняются «все земли и края, находившиеся под польским владычеством, а также края и провинции, лежащие за границей». Польшу охватили антирусские настроения. Такая же атмосфера царила и в ложах. В 1789 году ложа «Екатерины под Северной звездой» была переименована в ложу «Станислава-Августа под Северной звездой». После чего польские масоны вошли в тесный контакт с прусскими ложами.

Российскую императрицу не могло сие не тревожить, так как продолжали поступать сведения о том, что цесаревич Павел не прекращает свои тайные связи с берлинскими масонами и, по сути дела, проводит самостоятельную международную политику. Распространились даже слухи, что Павел с помощью масонов готовит план раздела России на зоны орденского влияния. Как показало следствие, в масонство оказались втянутыми не только наиболее богатые люди, но и представители духовенства, а также влиятельные чиновники, в том числе состоящие на службе при дворе, в императорском совете, Государственной коллегии иностранных дел, в тайных экспедициях. Барсков, автор предисловия к книге «Переписка московских масонов XVIII века», оправдывая благие порывы наиболее честных русских масонов, в то же время замечал: «В конце 70-х гг., после Пугачевского бунта, в Москве пошли толки о тайных масонских собраниях с участием знатных вельмож, недовольных правлением императрицы и близких к меньшому двору (Павла). В следующем десятилетии масоны выступили публично с явным стремлением все захватить в свои руки — управление, суд, школу, печать, благотворительность. Правительство и общество насторожились». Далее Барсков замечает: «В эту толпу русских бар, политиков, мечтателей, мистиков, филантропов, педагогов и книголюбцев проникли

немецкие «братья» разных «систем» с их политическими и корыстными целями». Барсков внимательно изучил дневник барона Шредера, тайную переписку берлинских розенкрейцеров и пришел к выводу, что русские «братья» «стали жертвами политической интриги, которую затеяли немецкие обскуранты, переодевшись по тогдашней моде в масонский наряд».

В 1792 году 18546 экземпляров книг, найденных Прозоровским на складах московских типографий и у разных книготорговцев, признали вредными. Почти все эти книги по приказу Екатерины были уничтожены, ибо «сеяли колобродства» и направлены «супротив православия». В том же году были приняты строгие цензурные меры, чтобы впредь такие книги не выходили. 20 мая 1792 года князь Прозоровский писал Екатерине: «Осмеливаюсь всеподданнейше просить Вашего Величества, чтобы повелеть изволили положить границы книгопродавцам книг иностранных и отнять способы еще на границах и при портах подобный сему книги вывозить, а паче из разстроенной ныне Франции, служащие только к заблуждению и разврату людей, не основанных в правилах честности. Я хотя все меры к этому взял, но довольно способов не достает совершенно сие удержать без генерального учреждения потому, что они (книгопродавцы) таковыя книги продают скрытно, а тем вводят многих более в любопытство их покупать и платить гораздо дороже, как за публично продаваемым книги; и без ошибки сказать можно, что все, какие только во Франции печатаются книги, здесь скрытно купить можно».

Предложения Прозоровского приняты к сведению. Цензурным комитетам вменили в обязанность контролировать ввоз литературы, особенно масонской, и давать удостоверения, чтобы в таких-то «сочинениях или переводах ничего 3. Божию, правилам

государственным и благонаравию противного не находится».

Указ о «генеральном учреждении» цензуры датирован 16 сентября 1796 года. Это последнее распоряжение императрицы.

В том же году, 6 ноября, Екатерина II скончалась.

На следующий день после смерти императрицы Павел освободил Новикова, удостоил его аудиенции. Помилованы и другие масоны. Некоторые из них приближены ко двору, как, например, С. И. Плещеев, князь Куракин, князь Н. В. Репнин; высокие назначения получили Лопухин и Трубецкой, они стали сенаторами. Директором Московского университета назначили ранее опального Тургенева.

Многим казалось, что мечта масонов — иметь в лице императора своего покровителя — сбывается.

МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК

«При сем строении можете употребить коллежского советника Никифора Пушкина и архитектора Соколова с подлежащим числом помощников и каменных мастеров; действительный же статский советник Баженов должен иметь наблюдение, чтобы строение производимо было с точностью по данному ему плану» — так говорилось в указе от 28 ноября 1796 года.

Павел давно задумал построить себе внушительный замок и назвать его Михайловским. Были отпущены деньги, учреждена строительная экспедиция во главе с тайным советником В. С. Поповым.

Баженов работал урывками: болели глаза. Ему помогал сын, Владимир, рано проявивший склонность к архитектуре.

— А будет ли довольна высокая особа, — интересовался Владимир, старательно прорисовывая наброски отца и исправляя кривые линии, — что все фасады замка отличия друг от друга имеют? Конечно, вкус имущий, может, сие и оценит. Но...

— Возможно. Но такова, сын мой, традиция русских, имущих в архитектуре свой вкус, а не чужой. Так зачем же мне иные мерки? Ведь я русскую землю своими художествами отягчаю, она и судья мне, а не она особа. Когда пройдут многие лета, то не Павла вкус оценивать будут, а мой, баженовский.

В январе 1797 года Баженов выехал в Москву. Ему было велено проследить за строительством церкви в имени Безбородко. Поэтому присутствовать на торжествах по случаю закладки Михайловского замка зодчему не пришлось. Торжество состоялось 26 февраля 1797 года. Закладка дворца сопровождалась традиционными церемониалами: процессии,

выступления, положение в основание памятной доски и яшмовых камней в форме кирпича, орудийные залпы и т. п.

Работы на строительстве дворца велись почти круглосуточно. Наследник престола велел одновременно вести инженерные работы. Он задумал построить дворец в виде крепости. Вокруг него возводили высокую каменную стену, создавали специальные посты для караула, платформы для пушек, рыли водные рвы, строили подъемные посты.

В связи с болезнью и занятостью Баженов бывал на строительстве редко: торопился осуществить свои новые замыслы хотя бы на бумаге, так как много времени уходило на академическую работу, да и здоровье все больше пошаливало.

В масонских ложах в этот период Баженов почти перестал бывать. Его туда, собственно, не очень-то и звали. Видимо, выполнив в свое время миссию посредника между масонами и Павлом, зодчий перестал представлять интерес для «братьев». В этот период не испытывал к ним особой тяги и сам архитектор, так и не сумевший за все эти годы ответить на вопросы: чего хотят масоны? Почему и от кого они таятся? Зачем веру православную заменить пытаются своею? Почему так ревностно почитают каббалу и авторитет заморских гроссмейстеров, не замечая мудрости российских добродетелей и не видя среди них пророков?..

К сентябрю Баженов почувствовал себя плохо. Какая-то странная болезнь, быстро убивающая человеческие силы, прокралась в его организм. Зодчий пишет завещание, в котором сам себе ставит диагноз и излагает суть недомогания: «...По причине мозговой в голове моей болезни, которую я начал чувствовать уже давно, и по многим трудам и печалям мира сего, приступила болезнь, называемая водяная, — это предвещатель должного в коротком времени быть

разрушения тела моего, хотя же она болезнь может еще стараниями человеческими быть пресечена, но лета же мои удручили весь состав костей и тела моего, что есть несомненное доказательство, что мне должно готовиться предстать на суд господен...»

Следить за ходом строительства Михайловского замка поручено Бренна. Ранее он был простым каменщиком и привезен из Италии в Россию каким-то польским вельможей. Бренна особыми талантами и знаниями в области архитектуры не отличался, но славился ловкостью, предприимчивостью. Функции продолжателя баженовского дела Бренна понял по-своему. Он изменил облик первоначального проекта, в частности, убранство фасадов, которым Баженов придавал большое значение, ибо они подчеркивали его приверженность исконно русским архитектурным традициям. Бренна, видимо желая быстрее завершить строительство и тем самым потрафить наследнику престола, не очень-то разбирающемся в архитектурных тонкостях и стилевых особенностях, устранил на фасаде колонны и скульптурные украшения, отказался от аттикового этажа (надкарнизный этаж), что придало дворцу тяжеловесность и некоторую однообразную вытянутость по горизонтали. Эти незначительные и в общем-то не самые удачные «новшества» дали основание Бренна приписать себе авторство Михайловского замка. К концу строительства, когда подлинный автор проекта уже не мог быть свидетелем жульничества, Бренна поставил свое имя на фасадах дворца.

На поиски первоначальных проектов, где была бы подпись Баженова, на научные изыскания, кропотливые исследования потребовались многие годы. Сегодня доподлинно известно, что настоящий автор Михайловского замка, а тем более его первоначального проекта — Баженов.

ЕЩЕ ОДИН НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ПРОЕКТ

Федор Васильевич Каржавин долгое время жил в семье Баженовых. Он хранил рисунки и проекты Баженова, вел дневник. Эти ценные материалы сохранились до наших дней. Они позволили советским исследователям сделать интересные открытия, высказать ряд предположений.

В альбоме Каржавина есть баженковский рисунок под названием «Паперть для храма». В правом нижнем углу рисунка на цоколе изображенного сооружения надпись: «Василий Баженов...» Архитектурный анализ паперти Казанского собора в ее нынешнем виде привел исследователей к неопровержимому выводу, что «данный рисунок является бесспорной частью первоначального замысла Баженова — проекта западной паперти Казанского собора». Точнее, перспективным рисунком западной паперти этого проекта.

Однако существует, как известно, устоявшееся мнение, что знаменитый Казанский собор спроектировал А. Н. Воронихин. В чем же дело? Опять присвоение авторства? Нет. Воронихин этим не отличался. Он высоко ценил творчество Баженова, был с ним дружен, дорожил его трудами. Попытаемся найти причину еще одного неосуществленного баженковского проекта.

Наследник престола Павел давно замыслил построить в центре Петербурга внушительный собор. Об этом узнал Баженов. И конечно, не мог позволить себе остаться в стороне от оной работы, ибо она в полной мере соответствовала его творческой манере, художническо-архитекторскому размаху. Не дожидаясь окончательного решения и утверждения сметы, Баженов

стал делать наброски. Вскоре о планах относительно Казанского собора стало известно в Петербурге многим. Не исключено, что именно в этот период петербургские масоны, воспрянувшие духом и отныне возлагавшие свои надежды на наследника престола, решили воспользоваться удобным случаем, чтобы побудить Павла воздвигнуть (в лице Казанского собора) первый в России грандиозный масонский храм. И зодчий, по сути дела уже охладевший к масонству, вновь слепо выполняет волю «братьев». Над проектом собора он работает с увлечением, все детали тщательно прорисовывает. Следуя опять же древнерусскому «церковному» зодчеству, а также применяя свои огромные познания в области классических форм и пропорций, Баженов добивается в проекте поразительной легкости, торжественности, одухотворенности грандиозного предполагаемого строения. Архитектор учитывает и пожелания «братьев». На западный фасад собора он откровенно выносит масонскую символику.

В 1797 году проект фактически был готов. В этом же году было дано указание составить смету. Однако указаний от Павла о начале строительства не последовало. Не исключено, что это было связано со строительством Михайловского замка, для которого требовались в большом количестве и материалы, и денежные средства. Но была, судя по всему, и другая причина. Наследник престола явно не приветствовал идею строительства «масонского храма». Ранее он сблизился с «каменщиками» вполне сознательно. Павел видел в них своих союзников, с помощью которых он хотел быстрее завладеть тронном. Но теперь, обретя всю власть, он стал подозрительно относиться к масонам и даже побаивался их. Немудрено: наследник знал о них больше, чем его покойная матушка. Делить с «братьями» власть, давать им волю и действовать под

их руководством властолюбивый Павел не собирался. Но и заявить об этом открыто тоже вначале не решался, ибо знал, чем это может кончиться.

Баженовские проекты Павлу всегда нравились. Очевидно, он остался доволен и проектом собора. К тому же наследник считал себя другом и покровителем зодчего. Но положение сложилось особое. Как сказать, что «масонский храм» — не ко двору? Сказать прямо — значит, раскрыть карты, восстановить против себя множество «братьев».

Выход, кажется, был найден. Павел со строительством Казанского собора не спешит, тем более что Баженов чувствует себя неважно. В 1799 году умирает Баженов. И вот тогда, на следующий год, Павел I неожиданно дает указ составить проект и срочно утвердить состав строительной комиссии Казанского собора, «а производить строение архитектору Воронихину по подтвержденному нами плану». Примерно дней через 20 после указа проект, был представлен и строительство началось. Темпы, скажем прямо, марафонские, даже для столь талантливого архитектора, каковым был Воронихин. Не исключено, однако, что императору было все равно, чье имя будет стоять на Казанском соборе. И поэтому он мог просто приказать Воронихину, чтобы последний не тратил много времени на разработку проекта, а просто воспользовался уже готовыми архитектурными замыслами и находками Баженова (к тому времени уже покойного), тем более что его проект собора представлялся удачным. Возможно, Воронихин, поставленный Павлом в определенные жесткие условия, был вынужден именно так и поступить. Во всяком случае, сравнительный анализ существующего строения, а также рисунков Воронихина и баженовского проекта позволяет говорить об этом.

Многие советские исследователи справедливо замечали, что в неосуществленных вариантах западного фасада чувствуются попытки Воронихина уйти от архитектурных форм Баженова, но они всегда оказываются менее удачными, и ему снова приходится возвращаться к исходному началу. Так, например, паперть Казанского во всех деталях совпадает с «Папертью для храма» — баженовским рисунком.

Конечно, возможны и просто взаимовлияния. Но рисунки Баженова появились, несомненно, раньше. Поэтому речь идет о влиянии творчества Баженова на творчество Воронихина, тем более что последний — ученик Баженова. В этом мы лишний раз убеждаемся, сравнивая рисунок паперти с осуществленной натурой. Совпадение форм и воздействие замысла Баженова на работу Воронихина очевидны.

«ПРИМЕЧАНИЕ» ЗОДЧЕГО И ЕГО ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

26 февраля 1799 года В. И. Баженов особым указом был назначен вице-президентом Академии художеств. Ему положили жалованье 1875 рублей в год.

...Василий Иванович сидел в мягком кресле в кабинете своего нового петербургского дома под № 229 по Екатерингофскому проспекту. Шторы были задернуты. Зодчего раздражал яркий свет: болели глаза. Баженов диктовал сыну докладную записку — «Примечания о Императорской академии художеств»:

— «Войдя во все потребности нынешнего положения Академии художеств, нашел я, что она по нижеследующим причинам в рассуждении переменившихся обстоятельств, во многом отошла от намерения, с каким она была основана для общего блага Российской империи».

Василий Иванович задумался. Возможно, вспомнил свои давнишние споры с коллегами относительно принципов воспитания и обучения «гениев искусства», свои расхождения с Бецким. Чему-то грустно улыбнулся. Продолжил диктовать:

— «Более тридцати лет уже приметно стало, что от Академии художеств желаемого успеха не видать; хотя появились прямые и великого духа российские художники, показавшие свои дарования, но цену им немногие знали, и сии розы от терний зависти, либо невежества заглохли; при этом же признаться должно, что таковых художников было немного, а причина сему та, что мы взялись неосторожно за воспитание, несходственное с нравами национальными, не узнавши склонности молодого человека...»

Баженов закрыл ладонью глаза и долго сидел неподвижно. Наступившая тишина стала тяготить Владимира. Он попытался подтолкнуть отца вопросом, предложением следующего пункта записки.

— Может быть, далее о делах денежных? Или о дурных обычаях все важное доверять иноземцам, что отнимает тем самым у россиян не только хлеб, но и самый случай показать свое усердие и искусство...

— Нет, об этом потом, — решительно возразил Василий Иванович и при этом вздрогнул, словно неожиданно проснулся. — Мне более надобно сказать, что Академия художеств не может заменить собою школу, коя обязана давать начальные знания и выявлять если не даровитость, то хотя бы склонности своих воспитанников. Пиши: «Большое число малолетних детей, принимаемых без разбора в воспитательное ее училище, прежде нежели развернулась влияющая природою господствующая к наукам ли, или к мастерствам склонность, отягощается вдруг многими и трудными понятиями в разборе разных букв иностранных языков, когда те дети не знают еще собственного своего языка».

Отец мельком взглянул на сына, желая уловить его реакцию относительно написанных строк. Владимир, перехвативший взгляд отца, пожал плечами, дав понять, что он не собирается возражать. И все же Василий Иванович счел нужным пояснить свою мысль.

— Я супротив того, что, показывая усердие к знаниям иностранным, мы о своем, российском вкусе забываем, не развиваем любопытства к русским художествам. А посему, забывая о своих древностях и своей самобытности, мы научаем детей с малолетства и мыслить по-иноземному, и строить не на русский лад. Ибо нравы национальные в забвении пребывают. Но об этом потом. А сейчас вернемся к детям, кои приходят в

академические классы без понятия о знатнейших художествах и своих склонностях. Пиши...

«И в то же время начинают обучать их рисованию, часто против склонности их, от чего при самом начале учения показывается им горестно и делается отвращение, рождается душевная унылость...»

Стало смеркаться. Аграфена Лукинична, незаметно вошедшая в кабинет, зажгла свечи. Молча поставила перед мужем чашку с горячим молоком и блюдце с лекарствами. Тихо удалилась. Вскоре молоко остыло. О лекарствах Баженов тоже не вспомнил. Он диктовал четвертый пункт своих «Примечаний»:

— «Для лучшего успеха профессорам должно быть всякий день в своих классах в часы учения, ибо, когда учитель не работает сам в классе, тогда ученик не может применяться к приемам учителя: не видит, как рука его действует молотом или владеет кистью. Эстампы, гипсы и картины суть учителя немые, горячат идею; но без деятельного учения должен мальчик доходить до искусства оцупью, и, наконец, по хорошему образцу выйдет из него холодный подражатель, но не будет он никогда мастером своего художества...»

Успеваешь? — поинтересовался Василий Иванович.

Уставший Владимир ничего не ответил. Лишь движением руки попросил диктовать дальше.

— «Следует из сего, что все профессора и другие разных наименований учителя и мастера художеств, пользующиеся академическим жалованьем, должны работу свою, какая бы она ни была, т. е. собственная или заказная, партикулярная или казенная, делать в академическом классе, с такою же свободою, как в своей комнате. Сие будет тем полезнее для воспитанников, что будет тогда кому поправлять их в рисунке и давать им мысли».

Было поздно. Владимир устал. Отец выпроводил его спать. Сел писать сам.

Работал почти до самого утра, пока боль в глазах и помутнение в голове не заставили отложить перо.

«Примечания» Баженова приобрели силу законодательного акта, стали важным документом, вошедшим в «Полное собрание законов Российской империи» под № 18981.

В эти же дни, менее чем через месяц после назначения на новую должность, Баженов составил указ, которым надлежало руководствоваться академии. В нем говорилось, что необходимо немедленно приступить к разысканию и собранию рисунков, гравюр, чертежей, кои наглядное представление дают о лучших строениях и мастерстве того или иного российского архитектора, «...присовокупляя к тому и все прожекты, каковые сделаны были для предполагаемых к действительному построению ка-ковых-либо зданий, но почему-либо не были построены, буде они, по важности предметов своих и архитектуре, заслуживают быть изданными в свет». Баженов задумал многотомное издание «Российская архитектура». Это был его конкретный ответ на те вопросы и проблемы, которые он поставил в своих «Примечаниях». В частности, в этих изданиях он намеревался широко представить традиционную русскую архитектуру, показать ее прелесть и самобытность. Он хотел вернуть славу незаслуженно забытым мастерам зодчества, обнародовать творения подлинных художников, а также преградить путь тем ловким «копировщикам», которые привыкли создавать себе славу за счет других, ничего нового не создавая, а лишь заимствуя удачные находки у своих коллег и не всегда удачно используя их в своих работах.

В указе говорилось: «В книгах оных должны быть каждому зданию или прожектору — план, фасад, профиль и подробное к нему описание с показаниями как

преимуществ, так и недостатков оных, когда и кем таковые здания произведены, а прожекты сочинены».

Это было последнее большое начинание Василия Ивановича Баженова. Сему важному «проjektу» при жизни архитектора не суждено было осуществиться.

В сентябре 1798 года Турция объявила войну Франции. Российский император Павел был рад этому факту. Павел считал, что война помешает распространению французской «заразы» — революционных идей и разного рода республиканских, антимонархических настроений.

В этот период мистически настроенный Павел переживал страх. До него дошли слухи, что европейские масоны готовят заговоры против «несговорчивых» государей, не желающих покровительствовать «вольным каменщикам» и выполнять их волю. Пугало и то, что в России по рукам стало ходить множество «безбожных» книг и разного рода масонских изданий, невесть кем привезенных из-за рубежа. И именно в это время Павлу становится известно, что молодой М. М. Сперанский и некоторые другие русские «братья», выполняя волю своих орденских наставников иностранного происхождения, пытаются втянуть в ложи наиболее авторитетных и влиятельных представителей духовенства и ставят своей задачей дальнейшее преобразование православной церкви на масонский лад. В довершение ко всему Павлу был представлен донос о том, что пять лет назад «каменщики» участвовали в заговоре на жизнь Екатерины Великой и будто жребий «известить ее» пал тогда на масона Н. В. Лопухина. Ранее, при жизни Екатерины, Павел, возможно, воспринял бы такое известие как «реверанс» в свой адрес. Но теперь,

став обладателем власти, впечатлительный император все чаще стал думать о том, что такая же участь может постигнуть и его. И Павел спешит удалить от двора Лопухина, которого он ранее назначил своим статс-секретарем. Однако другие масоны, не ведавшие о страхе и сомнениях Павла, были полны радужных надежд и, выполняя волю тайных орденских начальников, писали проект о «наилучшем устройстве масонства». Это сочинение предназначалось для императора. В анонимной записке говорилось, что масонство может повлиять на «улучшение попорченных нравов» в России и преградить путь к образованию других сообществ, основанных «на вредных началах». Для этого, указывалось в записке, масонскому союзу необходимо поручить осуществлять повсеместный тайный надзор за обществом, но эта роль масонства должна быть известна лишь министру полиции и высшим орденским начальникам, каковые неизвестны не только «профанам», но и многим «братьям». Для облегчения влияния масонского союза и осуществления надзора предлагалось основать «ложу-мать», которой обязаны подчиняться все ложи империи».

Император Павел усмотрел в этом своего рода ультиматум и тайное стремление масонов прибрать к своим рукам государственную власть. Он еще больше утвердился в этом мнении, когда узнал, что среди высших чинов министерства полиции немало масонов. И Павел принимает для себя окончательное решение — «искоренить» масонство. Однако у него хватает сообразительности, чтобы официально не отдавать такого приказа, ибо император понимает, что курс на решительное «искоренение» может обернуться противоположным результатом — жребием «известить» государя. И Павел решается лишь на то, что запрещает масонам собираться в ложах, проводить собрания и осуществлять бесконтрольные связи с зарубежными

«братьями». Большую надежду он также возлагает на войну. Союз с Турцией и война против революционной Франции, по его мнению, должны отвлечь внимание масонов от престола и политических интриг, а также невольно возбудить в них чувства национального патриотизма, что и заставит их порвать связи с иноземным тайным орденом руководством.

Однако «сценарий» императора не совсем удался...

В это время осложнилось положение в Италии. Неаполитанская монархия выступила против Римской республики. На помощь Риму пришли французы. Они вступили также в Неаполь и провозгласили там в январе 1799 года Партенопейскую республику. Павел I выразил готовность оказать помощь свергнутому неаполитанскому королю. Русская армия выступила против Франции. В апреле русские войска во главе с Суворовым вошли в Милан. Французские войска освободили Италию и перешли за Рейн. Армия австрийской монархии, выступавшей в этой войне союзницей России, находилась в это время в Швейцарии. Австрийцы должны были начать совместные военные действия с русской армией. Однако австрийцы словно специально поторопились вывести свои войска из Швейцарии. Русская армия, которой надлежало сменить австрийцев на военных позициях, начала хаотичное перемещение. Отдельные части русских войск оказались полностью изолированными друг от друга, что дало возможность французам нанести ощутимые удары. Таким образом русская армия неожиданно оказалась в «ловушке». Полного поражения удалось избежать лишь благодаря мужеству и находчивости Суворова и героическому переходу русских через Альпы.

Павел I был возмущен австрийцами. Он дал приказ о возвращении русской армии. Таким образом, эта война, кроме отдельных героических эпизодов самой русской

армии, не принесла российскому императору желаемого политического эффекта.

И это поспешили использовать его враги, в том числе масоны, упрекавшие императора в предательстве орденовских интересов.

В конце 1800 года Павел I почувствовал, что против него зреет недовольство, что надвигается какая-то опасность. Он отдает приказ срочно завершить строительство Михайловского замка.

В конце января — начале февраля 1801 года, когда в замке еще не совсем просохла краска император переехал в свой «неприступный» дворец. Он окружил себя усиленной охраной. Однако крепость, в которую он добровольно себя заточил, оказалась не очень надежной. Ему не помогли ни караулы, ни каменные стены и брустверы, ни подъемные мосты и водные рвы. В ночь на 12 марта 1801 года Павел I был убит в собственном замке.

Ходило предание, что Павел был приговорен к смерти масонами за его непослушание, нарушение орденовской клятвы и невыполнение обещаний покровительствовать «вольным каменщикам». Насколько были верны эти слухи, сказать трудно.

Достоверно известно лишь то, что среди заговорщиков действительно были члены ордена.

После смерти Павла I масоны вновь воспряли духом и развернули бурную деятельность. Кое-что ими было подготовлено ранее. В частности, масоны предусмотрительно обхаживали будущего императора Александра I. Обязанности в этом смысле были распределены заранее и весьма четко. Например, масон А. А. Жеребцов, сын урожденной О. А. Зубовой, принимавшей участие в заговоре против Павла I, уже в 1796 году в числе других придворных масонов состоял при Великой княгине Анне Федоровне, супруге Великого князя Константина Павловича. «Братья» умело

распределили между собой и другие «влиятельные» места.

После смерти Павла А. А. Жеребцов открывает в Петербурге ложу под названием «Соединенные друзья». Она вела свои «работы» исключительно на французском языке и по французским «актам». Большим влиянием начинает пользоваться ложа «Новый Израиль». Большим тиражом издаются масонские песни. Вновь начинает выходить журнал «Сионский Вестник». Шведы, немцы и французы забрасывают русских «братьев» масонскими инструкциями. Масон И. В. Вебер, родом из Веймара, добивается разрешения у императора основать ложу «Александра благотворительности к коронованному Пеликану» и разворачивает бурную деятельность по вовлечению в ложу новых адептов. В Петербурге организуется также ложа «Палестины». Специально для военных открывается ложа «Железного Креста», руководимая берлинскими мастерами ложи «Трех Глобусов». Открываются затем ложи «Сфинкса», «Пламенеющей Звезды» царя Давида, «Озириса» и многие другие. Высшие орденские власти, как и раньше, остаются «братьям» неведомы. В списке русских масонов известные имена: герцог Александр Вюртембергский (Белорусский генерал-губернатор), граф Станислав Костка-Потоцкий (позже министр исповеданий и народного просвещения в Царстве Польском), граф Александр Остерман-Толстой, Карл Осипович Оде-Сион, граф Иван Александрович Нарышкин (церемониймейстер двора е. имп. велич.), Александр Христофорович Бенкендорф (впоследствии шеф жандармов при императоре Николае I), Александр Дмитриевич Балашев (министр полиции при императоре Александре I) и многие другие вельможи. Среди почетных членов многих лож является в это время Игнатий Аврелий Фесслер, приглашенный в Россию Сперанским для преподавания еврейского языка в

Петербургской духовной академии. Особенно бурную масонскую деятельность, направленную на «переделывание человека» и «реформацию веры», Фесслер развил в Саратове и других местах Волжского края.

Словом, империя все больше и больше стала покрываться сетью тайных обществ, в ориентации которых зачастую не могли разобраться даже сами «братья», верившие, однако, в непогрешимость орденского руководства. Впрочем, продолжалось это недолго.

«Покровитель» масонов Александр I неожиданно издал указ о запрещении деятельности лож. Но это уже другая страница истории, выходящая за рамки данной книги.

После белых петербургских ночей Баженову стало совсем плохо. Как и раньше, в молодости, он страдал бессонницей. Но тогда была сила, было здоровье. Сейчас одолевали болезни, прогрессировала слабость.

В конце июля (а это был 1799 год), в одну из белых ночей, Василий Иванович попросил детей — Оленьку, Надежду, Веру, Владимира, Всеволода и старшего из сыновей, Константина, — собраться у его постели.

— Ну вот, — улыбаясь, сказал отец. — Наконец вы все вместе. Такое нечасто бывает.

— Хочу я, дети мои, немного рассказать о себе. Раньше не мог. Времени не было. А теперь вроде бы пора, иначе поздно будет... Интересно ли вам слушать меня?

Дети молчали. В их глазах была тревога. Но никто не решался что-либо спросить.

Баженов начал свой рассказ тихим, спокойным голосом:

— Много мне довелось повидать. Побывал я в чужих краях. Впрочем, сие вам известно...

Глубокие морщины пролегли на лице Баженова. Казалось, что он был зол на свою память и что-то усиленно пытался вспомнить.

— Скажу о другом, о чем, кажется, не говорил... Разные бывают желания и прельщения у людей, кои выезжают в далекие края. Одни прельщаются праздностью, другие ловкостью в коммерции или европейской ученостью. Там всего в избытке. Но польза от холопского прельщения малая. Чужое к себе не пристегнешь, да и надобности в этом нет... Помню, в году шестьдесят четвертом позвал меня Поччи в Рим. Сей господин был там секретарем Академии Святого Луки. Приехал я в Рим. На публичном экзамене представил опыты своего знания в архитектуре и рисовании. Много восторгов было, много добрых слов сказано. Пожалован я был дипломом на звание академика с привилегией быть даже действительным профессором архитектуры в сей академии. Стали ко мне заказы разные поступать. Но ни предстоящей славой не прельстился я, ни обещаниями хорошей платы за мои труды. Почему?..

Баженов долго молчал, словно не находил ответа на им же поставленный вопрос. Потом чему-то улыбнулся и неторопливо продолжил рассказ.

— Казалось бы, простая материя, а рассуждениям почти неподвластна. Впрочем, попробую... Своими моделями Лувра и храма Весты, проектом Инвалидного дома и другими работами я не токмо порадовал учителей своих, но и доказал, что русские в сложных науках зодчества тоже весьма преуспеть могут. Но не поняли некоторые из просвещенных европейцев, что для нас, русских, мастерство и знания — это токмо азбука

художества. Не техникою художества прельщают нас творения русских, кои землю российскую украшают. Наш взор более пленяет самобытность. Творение без самобытности — это все равно что человек, лишенный души и сердца. Однако же глупо вкусы, привычки и нравы своей нации чужому племени навязывать. Можно, конечно, и техникою ограничиться, не думая о душе творения. Но сие неизбежно влечет за собою и перестройку душевную, но токмо уже в самом себе, в архитектуре человеческой. Потому и не стал я архитектором французским или итальянским. С большей охотою выполнял я какую ни на есть черную работу. Заработав немного денег, отправился я бродяжничать по Италии. Был в Генуе, Пизе, Флоренции, побывал в сказочном граде Венеции. Сие путешествие было для меня много полезно. Рисовал я разные древние храмы, античные колоннады, фонтаны на площади Треви, ползал среди развалин, интересуясь орнаментами и техникою строений, авторы коих — наши далекие предки. И лишь нужда — постоянный мой спутник — заставила меня покинуть эти чудные места. В Венеции познакомился я с русским майором Валериани. Он выручил меня, дал 50 червонцев. На них я добрался до Парижа, ибо денег на прямую дорогу в Россию не хватало. Здесь я вновь повстречался с учителями. А далее... — Баженов потянулся было к столу, но рука задрожала и беспомощно опустилась. Архитектор перевел взгляд на детей, виновато улыбнулся. — Возьми, Оленька, вон ту тетрадь. Страница заложена. Прочитай вслух.

— «Париж, майя, тридцатого дня, — тихо, слегка дрожащим голосом начала Оля, — как было условлено, король принял нас при выходе. Его величество Людовик Пятнадцатый, христианнейший король Франции и Наварры — изрядного росту, тучен, у него жирная шея,

круглые, навывкате, глаза. Разговаривая, он тяжело дышал.

На нем был лилового шелка кафтан, серый, в мелких кольцах парик, через грудь лента ордена св. Духа. В приемной мы были втроем. Господин де Вальи представил меня королю. Людовик дальнорук, мои рисунки он смотрел, вытянув руку вперед. Король стоял у окна. Было за полдень. Стриженная аллея уходила в синеву Версальского парка.

Покончив с осмотром, его величество изволил произнести:

— Я оставляю вас архитектором двора, — и протянул мне папку.

Что сделалось со мною, трудно передать. Подталкиваемый учителем, я опустился на одно колено, как требует здешний этикет.

— Сир, — вымолвил я, путая от волнения французские слова, — я безгранично восхищен вашим вниманием и огорчен тем, что недостойн его.

Король приподнял брови.

— Вы отказываетесь? — удивленно спросил он и, не дожидаясь ответа, грузно пошел к дверям.

Мой бедный учитель стоял как громом пораженный. Это меня развеселило, и я оправился совершенно. Всю дорогу, сидя в карете, увозившей нас в Париж, Карл де Вальи повторял, качая головой:

— И вы отказались? Непостижимо! Вы, который так любит Париж, Францию...

Что я мог ответить!

Да, это верно, я люблю Францию, привык к ней, но родину, Москву я люблю больше всего на свете».

— Довольно, дочка, спасибо... Вы вправе спросить — жалею ли я о своем решении? Нет. Иного решения быть не могло. Не скажу, чтобы жизнь моя в родном отечестве была легкой. Но на судьбу не жалею. Лучше сносить обиды у себя дома, чем всю жизнь

холопствовать в чужих краях и довольствие испытывать не душою, а лишь телом, постоянно в праздности пребывающим. Этим я хочу оправдать и те неудобства, кои по моей вине выпадали и на вашу долю. Посему не судите меня строго. Ибо честен я был даже тогда, когда в чем-либо заблуждался. В одном грешен я перед богом. Случалось, что совесть моя была подвластна гордыне. И тогда не отличал я плевел от зерен. Суетность овладевала мною. И сам того не разумея, начинал я тогда в художествах более ценить плоть, чем дух. Было желание утвердить чрез то свою гордыню, затмить своею фантазией предков, создать свою самобытность, коя к тому же была лестна людям, почитавшим особую духовность. Сдается мне, что эти люди в великом заблуждении пребывают, предавая землю, коя взрастила их. Потому и греховны они пред нею, как греховен и я, поверивший в их мудреные науки и соблазнительные тайны особого человеческого бытия. Дорого я платил за свои ошибки. Но, видно, и далее предстоит расплата. Ибо не мы себе судьи, а господь Бог и наши потомки. Помните об этом, дети мои.

Баженов устал. Побледнел. Стал тяжелее дышать. Но продолжал говорить, чаще останавливаясь, переводя дыхание:

— Не знаю, понятны ли вам мои слова... Ну да ладно, пора спать. Поговорим потом... Нет, постойте, — архитектор словно боялся остаться один и потому поспешил еще немного задержать детей, переводя разговор на другую тему. — Боюсь, что забуду сказать... а это важно. Старайтесь крестьян, коих нам даровали вместе с деревней Глазово, излишне работами не отягощать. Не отягчайте их участь незаконными поборами и унижением... Не расточайте их труды безрассудно. И не токмо потому, что сие супротив совести человеческой и оскорбляет господа нашего... Крестьяне наши братья, наши дети. А дети, каковыми

являетесь и вы, продолжают род и не дают ниточке оборваться. Крестьяне не блещут ученостью и тонкими манерами — это верно. Но они — совесть наша, ибо побуждают нас не забывать о земле, коя взрастила русского человека. Они — фундамент нашего племени...

Остальное прочтете в завещании... А впрочем, пребывайте счастливы. Живите мирно...

Он умер во второй день августа 1799 года. Баженов в своем завещании писал: «Погребение зделайте мне простое, то есть без всякой лишней церемонии с трезвым священником одним в простом виде и где Бог приведет и весьма желаю быть положенным в Глазове».

Это желание архитектора было исполнено.

Глазово мало чем отличалось от села Дольского, где 63 года назад родился в семье дьячка Василий Баженов. Такие же дворы, разбросанные по косогору, обширные луга и пашни, маленькая речка, затерявшаяся в зарослях, почти такая же церквушка, потемневшая от времени.

Зодчий за свою долгую жизнь спроектировал и построил немало дорогих мавзолеев и гробниц, предназначенных для богатых и знатных лиц. На месте захоронения Баженова — простой земляной холм. Он вскоре затерялся, и где находится могила великого русского зодчего, это по сей день неизвестно.

Баженов в своем завещании, адресуясь к наследникам, писал: «...а сами не стройтесь, ибо совершенно от строения разоритесь».

В этой печальной истине архитектор убедился на жизненном опыте. Впрочем, собственная неустроенность огорчала его всегда меньше, чем отсутствие настоящей работы и возможностей для реализации грандиозных замыслов во славу отечества. Он был глубоко искренен, когда, еще будучи молодым, на территории древнего Московского Кремля пламенно клялся: «Ум мой, сердце

мое и мое знание не пощадят ни моего покоя, ни моего здоровья».

И именно этой клятве, данной публично, всегда оставался верен великий русский архитектор.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. И, БАЖЕНОВА

1737, 1 марта^[15] — В семье церковнослужителя Ивана Федоровича Баженова, в селе Дольском Малоярославского уезда Калужской губернии родился сын Василий. В том же году семья Баженовых переезжает в Москву, где Иван Федорович получает должность псаломщика в кремлевской церкви Иоанна Предтечи, приделе ныне существующего собора «Спас за золотой решеткой».

1751 — Василий Баженов определен вольным слушателем в школу «архитектурии цивилис» (гражданской архитектуры), организованную Д. В. Ухтомским.

1753-1754 — Участие в отделочных работах сгоревшего Головинского дворца.

1755 — Баженов учится мастерству у П. Никитина, С. Яковлева, И. Жукова, перенимает опыт у живописцев И. Вишнякова, И. Горяинова. В этом же году Ухтомский определяет Василия Баженова в новоучрежденный в Москве университет, где он изучает иностранные языки.

1756, январь — В. Баженов переведен в открывающуюся в Петербурге Академию наук (академическую гимназию), где ему предстояло продолжить изучение иностранных языков.

1756-1759 — С. И. Чевакинский строит собор Николы Морского на Сенной площади. Архитектор доверяет Баженову составление проекта и сооружение колокольни Никольского собора.

В 1757 г. было объявлено об открытии в Петербурге Академии художеств. Баженова по его просьбе назначили в архитектурный класс, где он работал под руководством Чевакинского, Кокоринова, Деламотта.

1759 — Многие исследователи считают, что В. Баженов закончил свой первый самостоятельный проект — церковь села Черкизово-Старки под Коломной.

1760, 1 мая — За успехи в учебе Баженов в соответствии с указом Сената определен «архитектурии-помощником в ранге прапорщика».

1760, 12 сентября — В. Баженов отправлен в Париж для продолжения учебы.

1762, 19 августа — Петербургская академия на своем публичном собрании зачла присланные Баженовым работы за экзамен и заочно произвела его в адъюнкты.

1762-1764 — В. Баженов в октябре 1762 года отправляется в Рим для усовершенствования своих знаний в области архитектуры. В Италии он участвует в конкурсах, становится профессором архитектуры, академиком Флорентийской и Болонской академий, членом Клементийской и Римской академии св. Луки. Посещает Геную, Пизу, Флоренцию, Парму, Венецию.

1764, август — Возвращение Баженова из Венеции в Париж. Королевская аудиенция.

1765 — В мае Баженов возвращается в Петербург. В июне того же года в академии была устроена выставка работ молодых художников, в которой принял участие и Баженов.

1765 — Баженов создает «проект увеселительному императорскому на Екатерингофском месте дому» и представляет его в Академию художеств. Проект получил высокую оценку, но остался неосуществленным.

1766, 2 декабря — Императрица Екатерина II назначает В. Баженова архитектором при Артиллерии с чином капитана Артиллерийского и берет его в свое ведение.

1767 — Баженов командирован в Москву «для казенных артиллерийских надобностей». В этом же году архитектор заканчивает работу над проектом

«Института для благородных девиц при Смольном монастыре в Петербурге». Проект получил высокую оценку, но не был осуществлен. Проект усадебного дома в селе Никольском.

1768 — Баженов разработал проект церкви в усадьбе Знаменке (бывш. Тамбовской губ.). В том же году Баженов представил Екатерине эскизный проект реконструкции Кремля.

1771 — Зодчий разрабатывает проект церкви-памятника. Интересный замысел Баженова остается неосуществленным. К этому же периоду относятся и три проекта шатров над гробницами.

1772, июнь — Баженов подает прошение в городские власти о строительстве собственного дома в приходе церкви Иоанна Предтечи близ Новодевичьего монастыря. Летом этого же года Баженов завершает сооружение «Готической» часовни на Преображенском кладбище.

1772, август — Приступили «к вынугию первой земли» для закладки фундамента под Кремлевский дворец.

1773, 1 июня — Торжественная церемония «положения первого камня» Кремлевского дворца. Программная речь архитектора.

1775 — Екатерина II отменяет кремлевское строительство, велит разобрать фундамент, засыпать рвы, а строительные материалы употребить на ремонт стен.

1775, 10 июня — Празднование Кучук-Кайнарджийского мира. Увеселительные строения на Ходынском поле, спроектированные и построенные Баженовым.

1775 — Создание проекта застройки и перепланировки Царицына — загородного имения Екатерины. Строительство церкви Спаса в Глиницах в Москве. Начало строительства по проекту Баженова

дома Прозоровских. (Ныне не существует. Сохранилась копия с чертежа 1848 года.)

1777 — Проект церкви в Пехре-Яковлевском. Строительство церкви в селе Виноградове, а также церкви Георгия на Всполье. Авторство этих строений приписывают Баженову.

1779 — Начало строительства центрального баженовского дворца в Царицыне. Переезд в Москву Н. И. Новикова, его дружба с Баженовым. Строительство усадьбы Панина и усадьбы в Михалкове.

1780 — Исполнение Баженовым заказа А. Демидова — проект здания Московского университета (проект остался неосуществленным).

1780-1785 — Строительство ансамбля в Царицыне. Исполнение Баженовым отдельных заказов. Работа над проектом Павловской больницы для строительства в Замоскворечье (проект не был осуществлен).

1782 — Участие Баженова в живописных работах, в росписи Донского монастыря.

1784-1785 — Сооружение по проекту Баженова «Пашкова дома» на Моховой (ныне Госбиблиотека имени В. И. Ленина, старое здание).

Первая половина 80-х годов — Строительство Скорбященской церкви на Ордынке и храмов в селе Влахернском и Пехре-Яковлевском.

1786, февраль — Распоряжение императрицы «о разборке в селе Царицыне построенного главного корпуса до основания и о производстве потом (нового здания) по вновь подтвержденному, учиненному архитектором Казаковым плану».

1787, декабрь — Баженов просит графа А. А. Безбородко продлить ему отпуск в связи с состоянием здоровья.

1780-е годы — Строительство усадебного ансамбля в селе Красном (принадлежал А. П. Ермолову). Строительство «Дома Юшкова» на Мясницкой (ул.

Кирова. д. 21). Строительство «Дома Долгова» на 1-й Мещанской (проспект Мира, № 18). Строительство «Дома Прозоровских» на Б. Полянке, у Малого Каменного моста. Во второй половине XIX века здание перестраивалось. Ныне не существует. Сохранилась копия с чертежа 1848 года. Постройки, относимые исследователями к работам Баженова этого периода: дом князя Голицына в М. Казенном переулке (ныне больница Мосздравотдела), дом Дашковой (на месте нынешнего здания консерватории, ул. Герцена), дом на углу Маросейки (ул. Богдана Хмельницкого) и Армянского переуллка (№ 11), принадлежавший ранее фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому.

1789 — Строительство двухэтажной церкви в селе Быкове (имение принадлежало М. М. Измайлову). Примерно к этому же периоду исследователи относят и сооружение по проекту Баженова готического дома в усадьбе Спасское Арзамасского уезда Нижегородской губернии. (Строительство велось для помещика Безсонова.)

1790, февраль — Прощение Баженова об устройстве в Москве художественно-архитектурной школы и галереи.

1791 — Указ Екатерины II о производстве следствия над «мартинистами». Подписание Н. И. Новиковым, близким другом архитектора, «Акта уничтожения Типографической компании». Поездка Баженова к цесаревичу Павлу и предупреждение об опасности.

1792 — Начало судебного расследования деятельности масонов. Арест Н. И. Новикова. Переезд Баженова в Петербург. Начало службы (по архитектурной части) в Адмиралтействе. Предполагаемое участие в проектировании Михайловского замка.

1793-1796 — Участие зодчего в различных строительных работах, осуществляемых в Гатчине и

Павловске, а также проектирование Инвалидного дома, церкви Иоанна Предтечи, мастерских для Главного адмиралтейства, гауптвахты и башни у Петербургских ворот в Кронштадте, манежа и домов для Аракчеевских казарм близ Смольного.

1796, сентябрь — Смерть императрицы Екатерины Великой. Освобождение масонов. Присуждение Баженову чина действительного статского советника.

1797 — Создание Баженовым проекта церкви «Намереваемой лейб-гвардии Семеновскому полку». Закладка Михайловского замка. Написание Баженовым завещания. Предполагаемое участие Баженова в проектировании Казанского собора.

1799, 26 февраля — Особый указ о назначении Баженова «первым по временам вице-президентом Академии художеств».

1799, март — Указ зодчего, вице-президента академии, об издании «Увража российской архитектуры» во многих томах.

1799, апрель — Докладная записка Баженова на имя императора: «Примечания о Императорской академии художеств».

1799, 2 августа — Умер Василий Иванович Баженов,

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ, ЛИТЕРАТУРА О В. И. БАЖЕНОВЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ

Борисов С. Баженов. М., 1937.

Шишко А. Каменных дел мастер. М., 1941.

Снегирев В. В. И. Баженов. М., 1950.

Петров П., Ключников В. Семья вольнодумцев. Спб., 1872.

Чернов Е, Г., Шишко А. В. Баженов. М., Изд-во АН СССР, 1949.

Янчук Н. А. Знаменитый зодчий XVIII века В. И. Баженов и его отношение к масонству. Петроград, 1916.

Безсонов С. В. Жизнь и деятельность В. И. Баженова. — «Архитектура СССР», 1937, № 2.

Курбатов В. Очерки из истории русской архитектуры — «В. И. Баженов», «Зодчий», 1906, № 34.

Шемшурина Е. Н. Царицыно. М., 1957.

Згура В. В. Проблемы и памятники, связанные с В. И. Баженовым. М., 1928.

Болховитинов Е. Баженов Василий Иванович. «Словарь русских светских писателей», т. 1. М., 1845.

Щусев А. В. Василий Иванович Баженов. Сб.: «Люди русской науки», т. 2. М., 1948.

Романов Н. И. Западные учителя Баженова. — «Академия архитектуры», 1937, № 2.

Некрасов А. И. В. И. Баженов. 1737-1937. — «Искусство», 1937, № 3; Народность В. И. Баженова. — «Архитектурная газета», 1937, № 15; Новгородские мотивы в творчестве В. И. Баженова. — «Академия архитектуры», 1937, № 2; Проблемы творчества Баженова. — «Академия архитектуры», 1937, № 5;

Пространство у Баженова и московская архитектурная традиция. — «Академия архитектуры», 1937, № 2.

Мордвинов А. Великий русский архитектор. — «Правда», 1949, 13 августа.

Кожин Н. А. Проект Михайловского замка. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ». Вып. I. М., 1946.

Бондаренко И. Архитектор В. И. Баженов и его проект Кремлевского дворца. — «Академия архитектуры», 1935, № 1-2.

Гамбурцев В. О Баженове и Казакове. Значение их работ в подражательном и самобытном зодчестве XVIII века (доклад в Московском архитектурном обществе, 1898, март).

Письмо к издателю. — «Московский телеграф», 1831, № 17.

Проекты и рисунки архитектора В. И. Баженова. 1737-1799. Альбом автотипий. Вступительная статья Е. А. Белецкой. М., 1949.

Петров П. Н. Сборник материалов для истории Имп. академии художеств, т. 1, Спб., 1864.

Описание ходынских торжеств. — «Московские ведомости». 1775.

Грабарь И. Останкинский дворец. — «Старые годы», 1910. Май — июнь.

Иконников В. С. Значение царствования Екатерины II. Киев, 1897.

Автобиографические записки императрицы Екатерины Второй. М., 1908.

Валишевский К. Роман одной императрицы. Екатерина Вторая, по ее запискам, письмам и неизданным документам государственных архивов. М., «Русская быль», № 2, 2-е исправл. издание.

Сборник императорского русского исторического общества, т. 15. Спб., 1875.

Пыляев М. Старый Петербург. Спб., 1889.

Ключевский В. Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени. «Очерки и речи». 2-й сб. статей, 1919.

Новиков Николай Иванович. Избр. соч. М.-Л., 1951.
Макогоненко Г. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.-Л., 1951.

Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М.-Л., 1925.

Карамзин Н. Неизданные сочинения и переписка. Спб., 1862.

Пыпин А. Русское масонство. — «Вестник Европы», 1867, т. 4, № 7.

Масонство в его прошлом и настоящем, т. 1-2. М., 1914-1915.

Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века. — «Русский вестник», 1858, № 22.

Сборник материалов для истории имп. С.-Пет. академии художеств за сто лет ее существования, изданный под ред. *П. Н. Петрова*. Спб., 1864, т. I.

Русское искусство XVIII века. М., 1973.

Иллюстрации

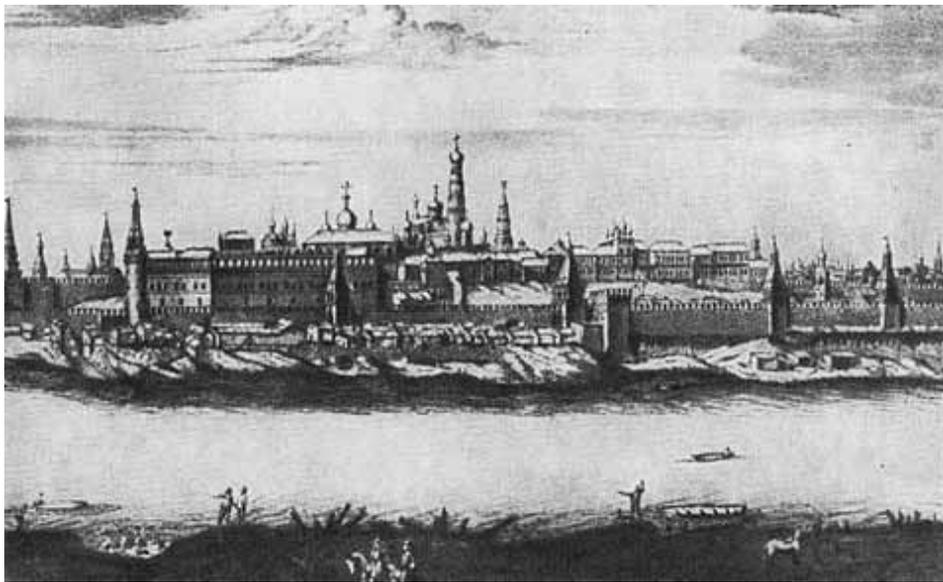
Вид Кремля в конце XVII века.

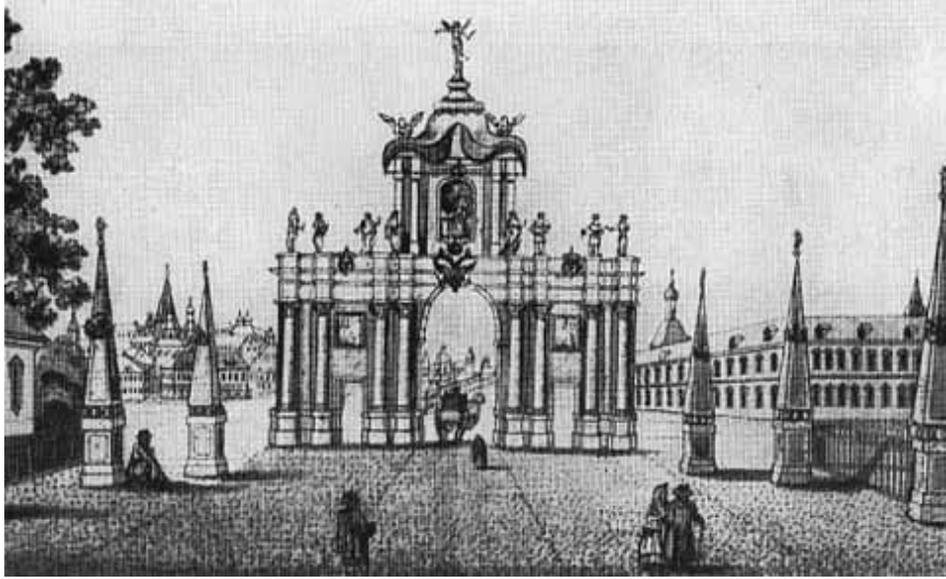
Архитектор И. Е. Старов.

Архитектор А. Д. Захаров.

Вид Кремля в XVIII веке.

Красные ворота.

Предполагаемый портрет Ф. В. Каржавина.

М. Ф. Казаков.

В. В. Растрелли.

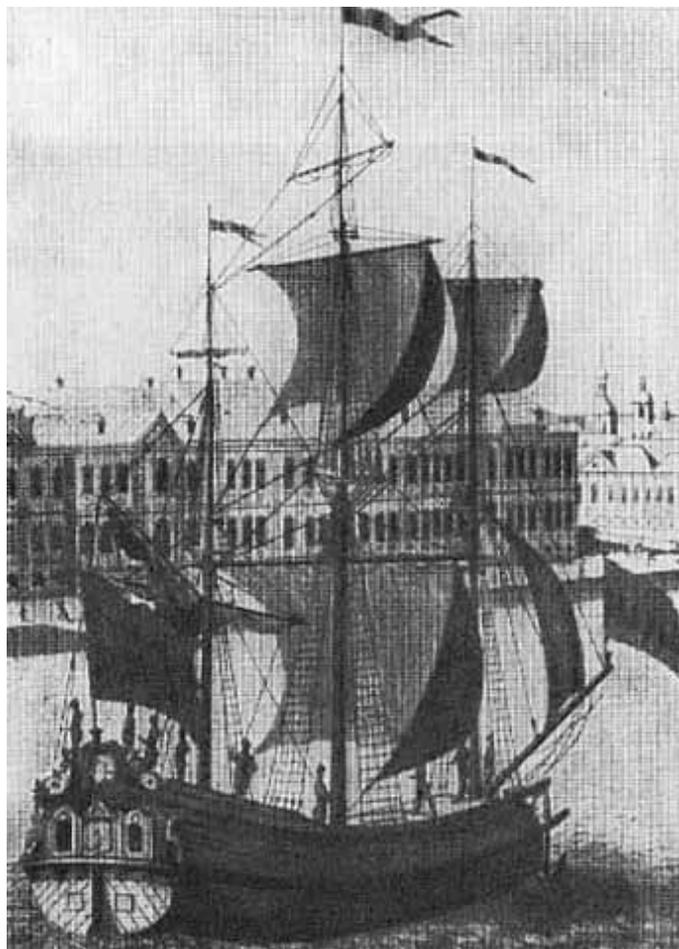
Д. Кваренги.

Автопортрет А. П. Лосенко.

С. И. Чевакинский.

М. И. Махаев. «Проспект вверх по Неве-реке от Галерной верфи». Фрагмент гравюры.

Колокольня собора Николы Морского.

И. В. Лопухин.

С. К. Грейг.

Вакханка под деревом. Офорт В. Баженова.

Рисунок А. Лосенко.

«Вакханалия». Рисунок В. Баженова.

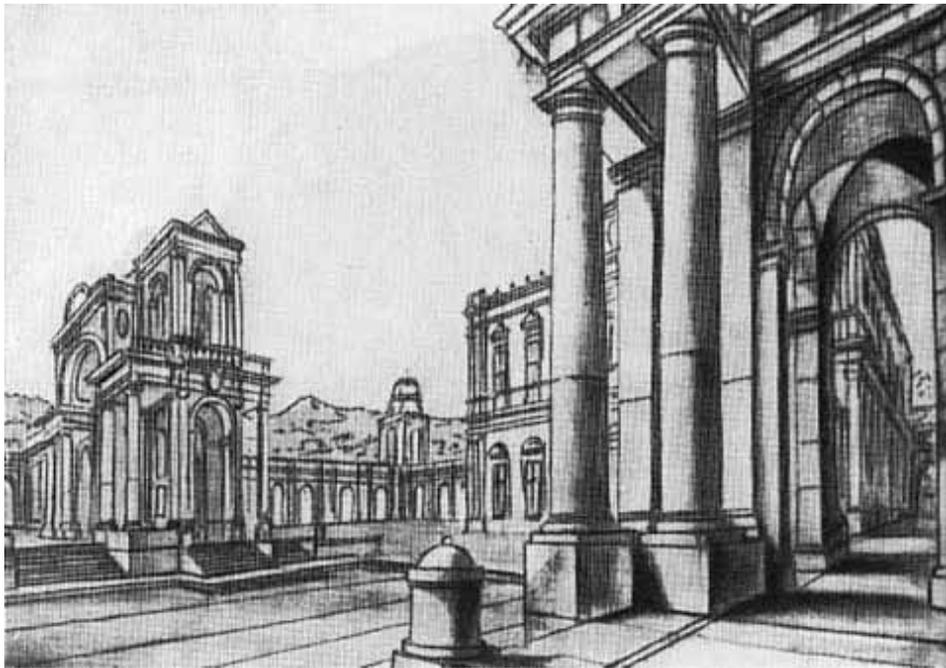

Рисунок Баженова из собрания В. Я. Курбатова.

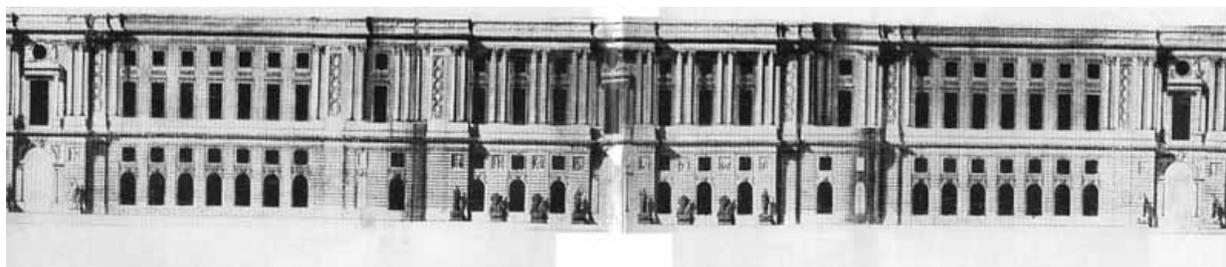
Итальянский пейзаж.

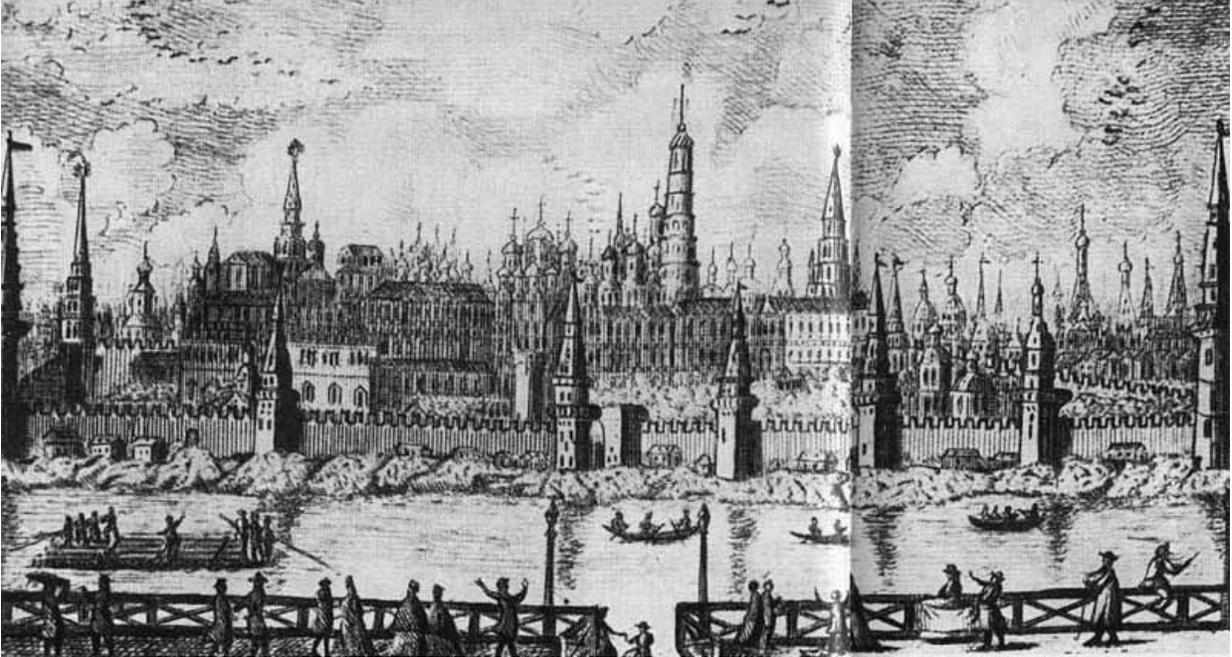
Портрет Екатерины II.

Н. Н. Новиков.

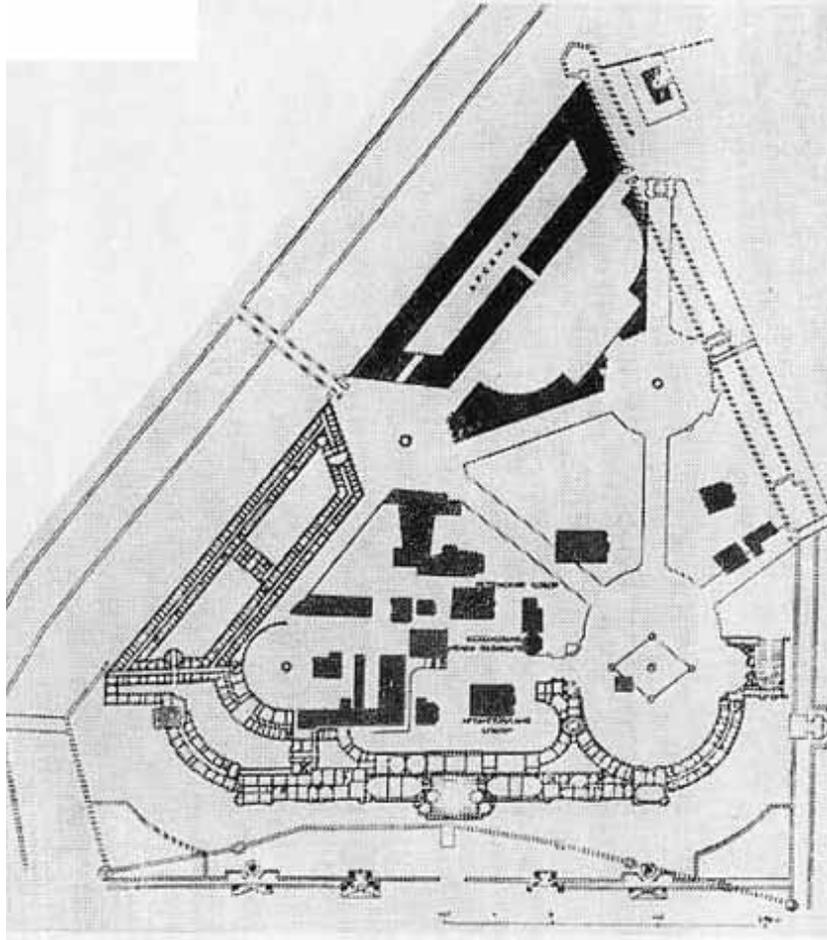
Проект Смольного института (фасад).

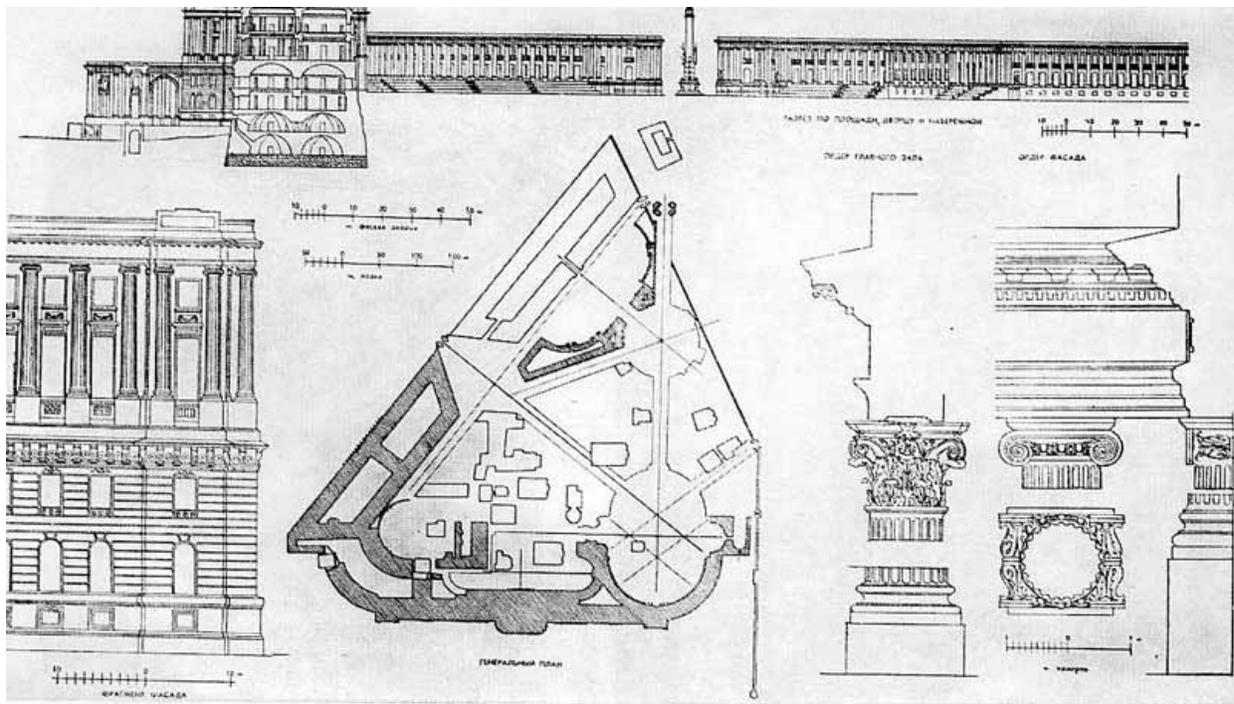
М. Махаев. «Вид Кремля из Замоскворечья». 1763 г.

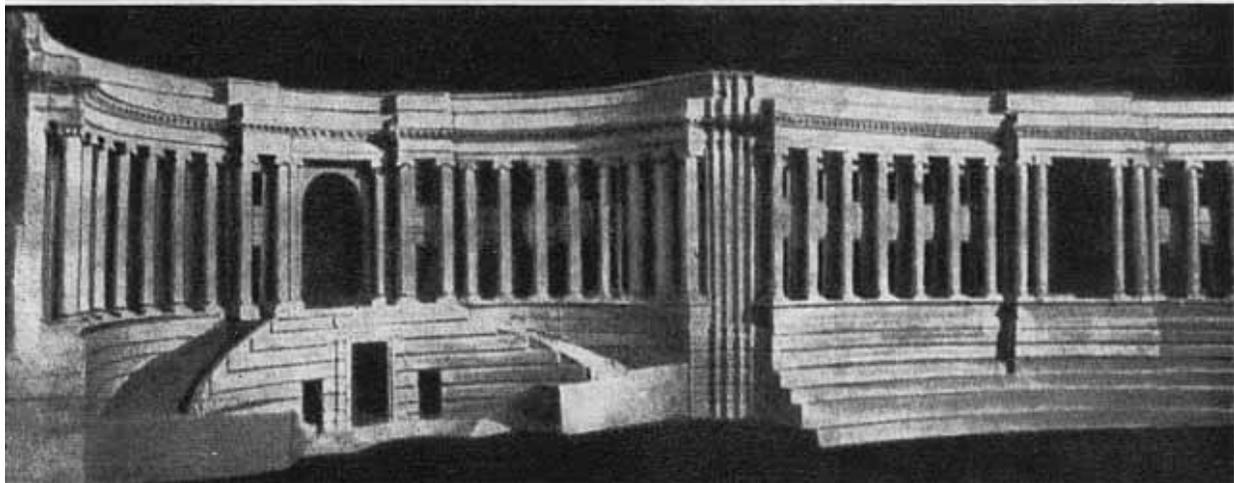
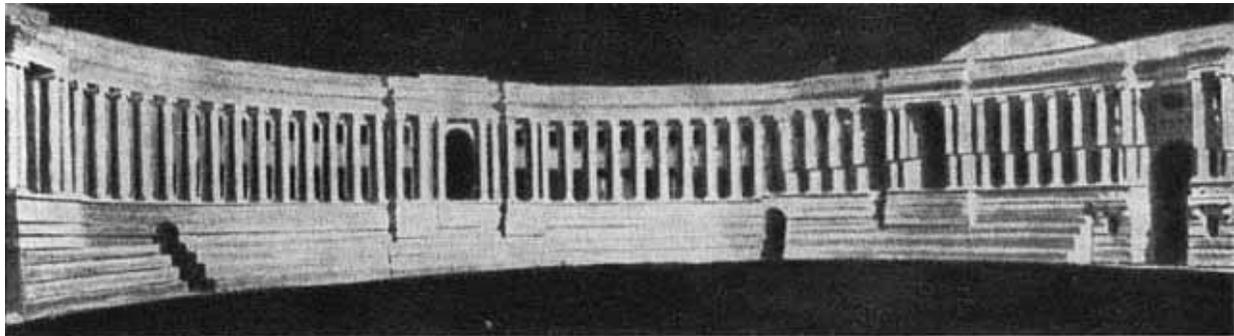
М. Казаков. «Вид Кремля». После 1775 г.

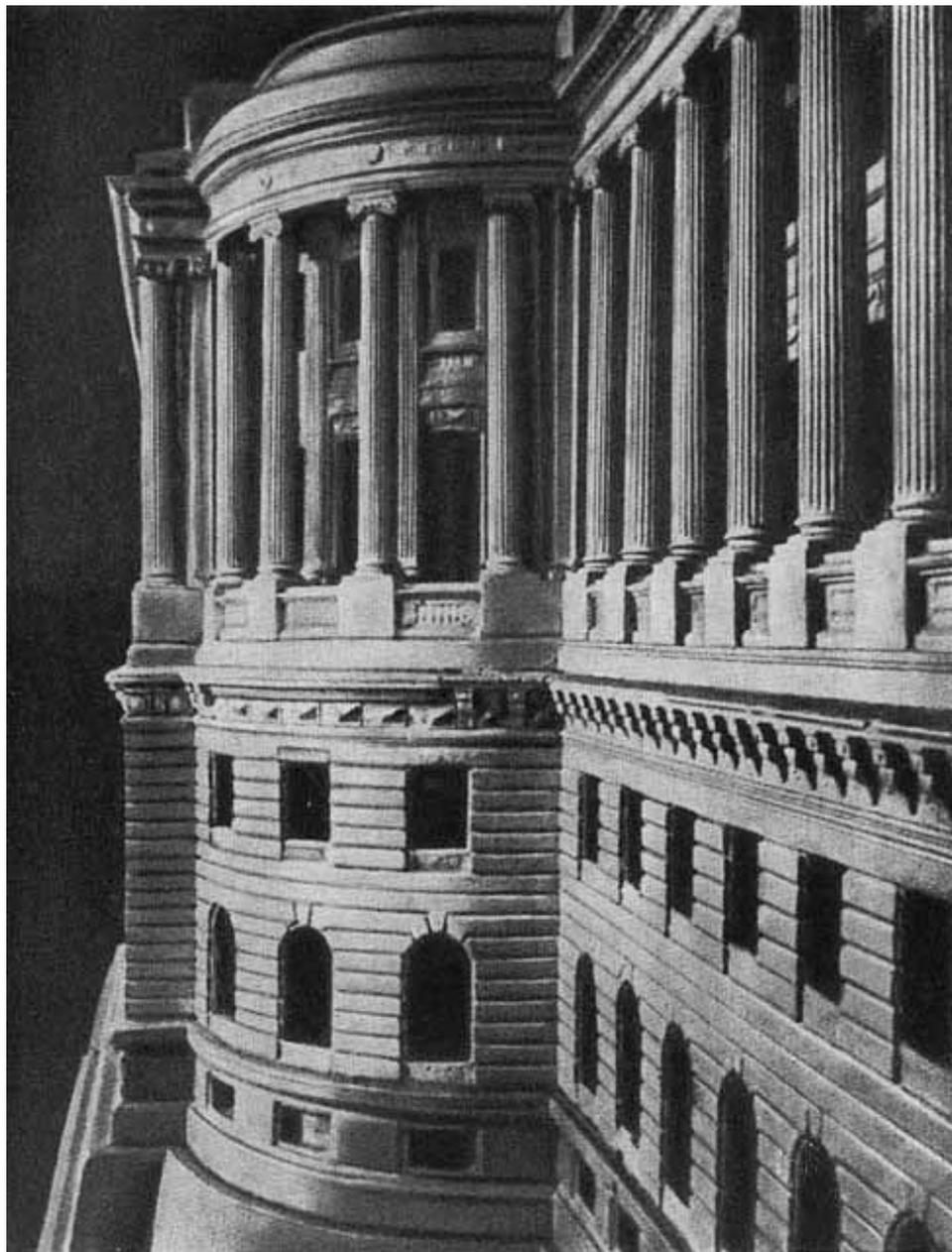
План Московского Кремля. В. Баженов.

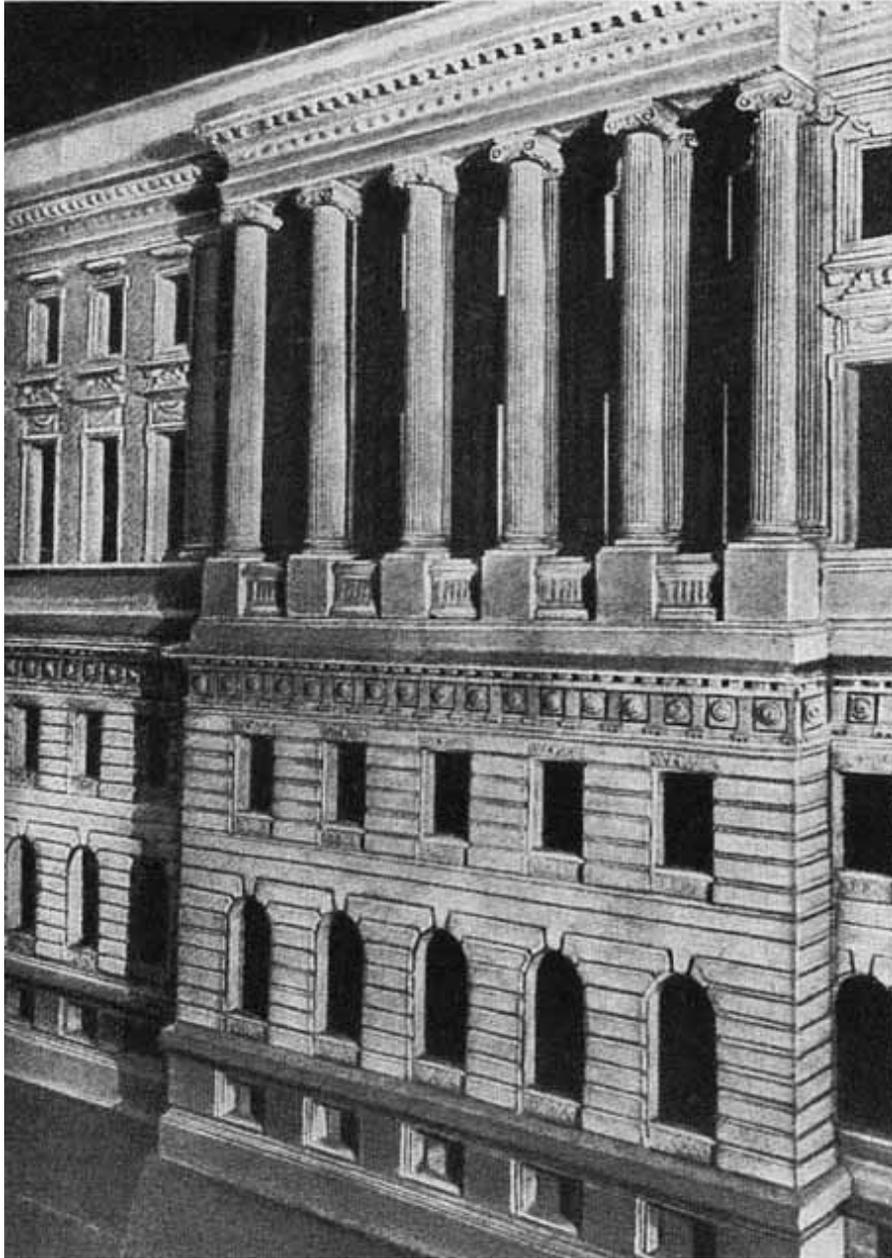
Большой дворец в Московском Кремле (проект В. И. Баженова).

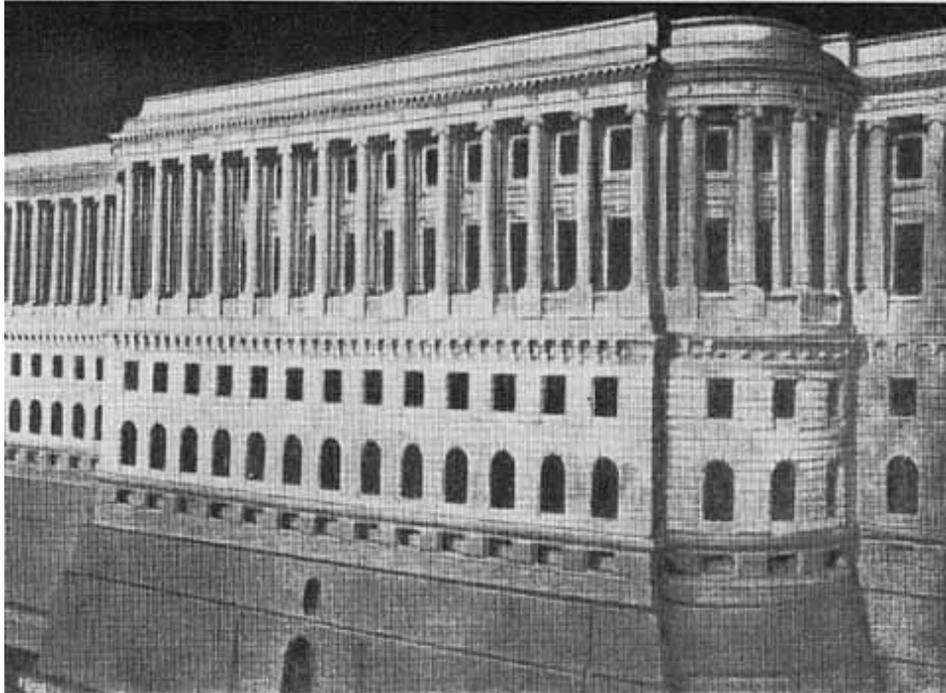
Модель Кремлевского дворца.

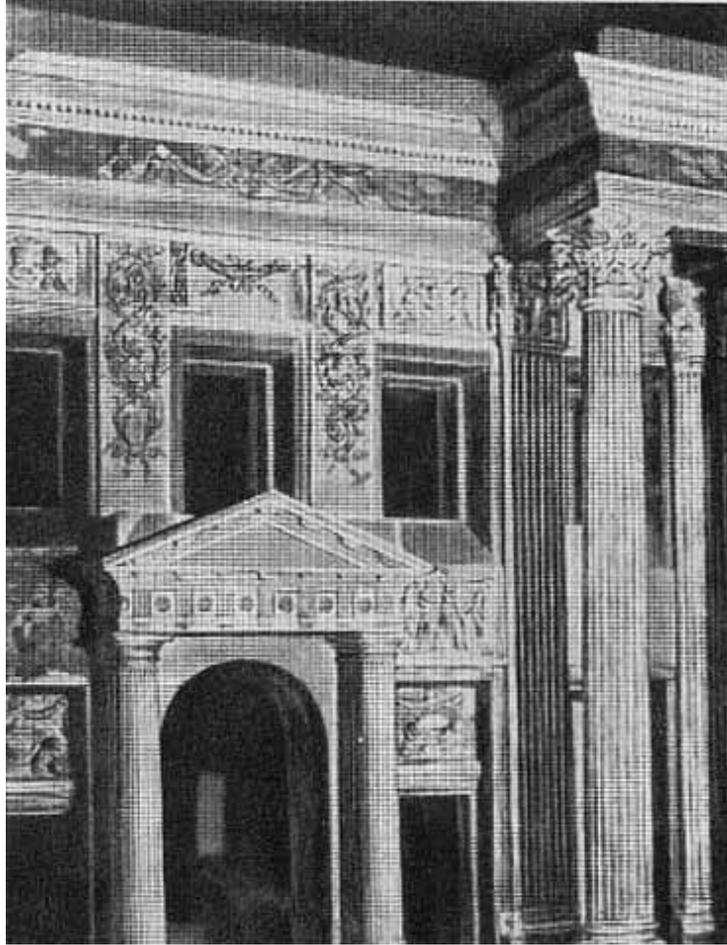
Фрагмент модели Кремлевского дворца.

Модель Кремлевского дворца. Портик фасада, обращенного к Москве-реке.

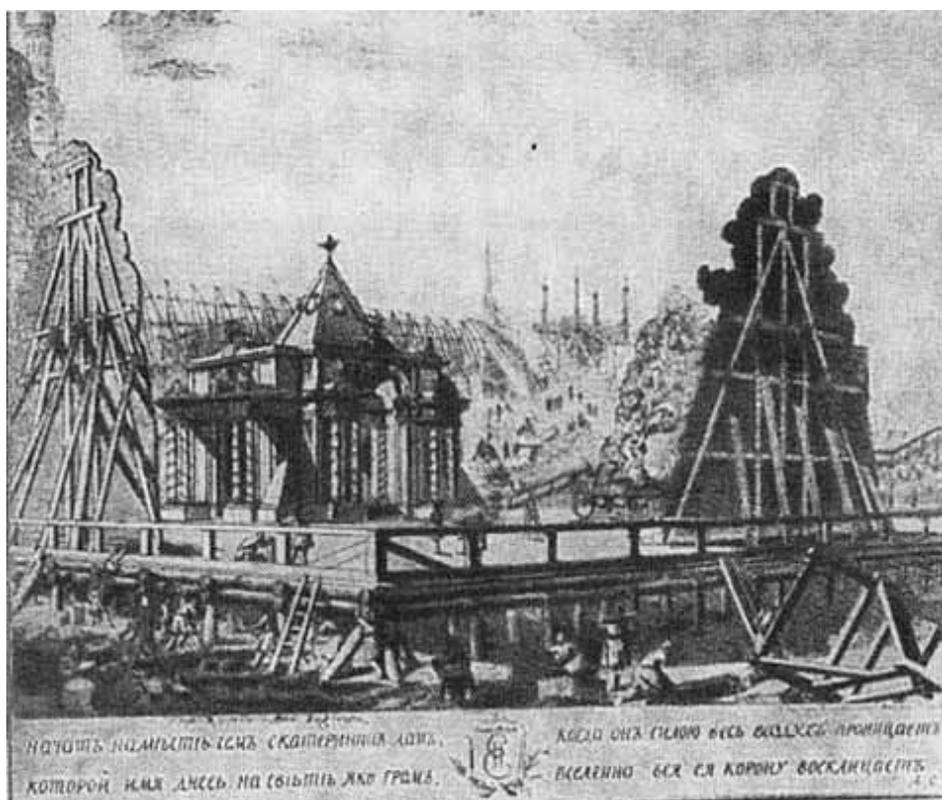
Модель Кремлевского дворца. Часть фасада.

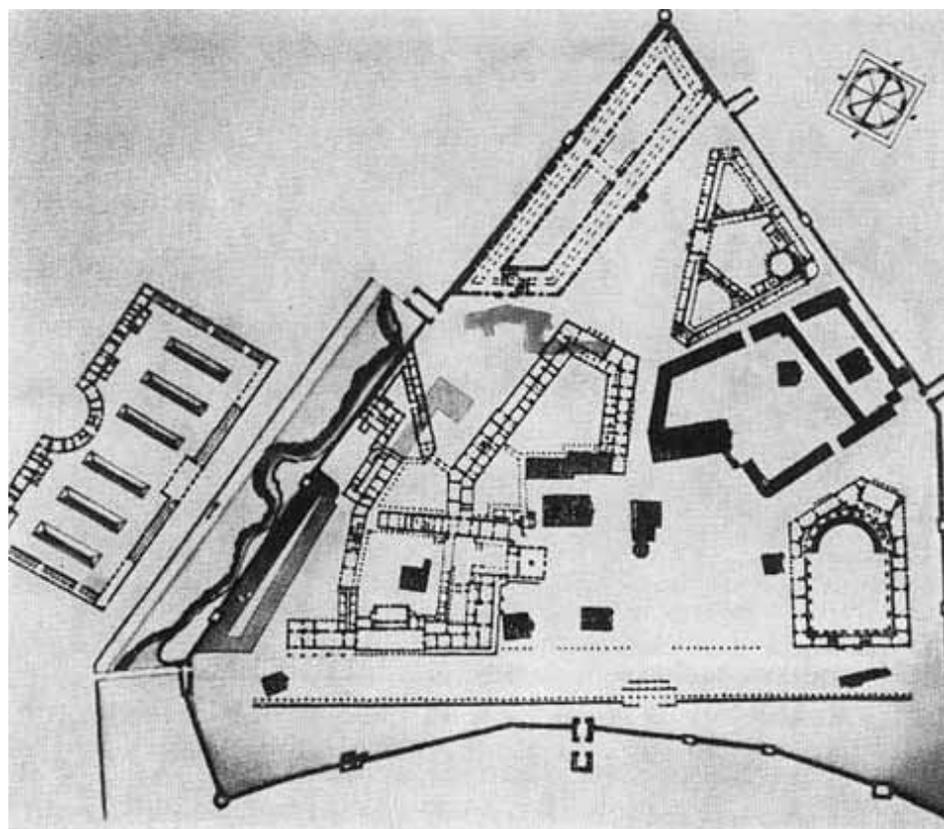
Модель Кремлевского дворца. Вход в центральный зал.

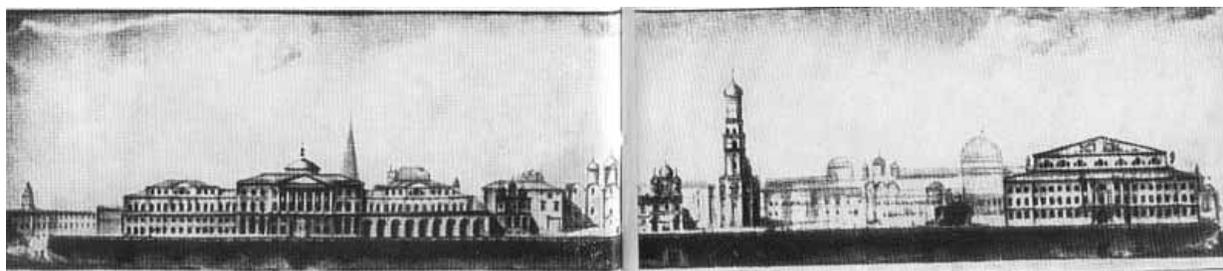
Церемония начала земляных работ на кремлевском строительстве (1772). Рис. М. Казакова.

Церемония закладки Кремлевского дворца (1773).
Рисунок М. Казакова.

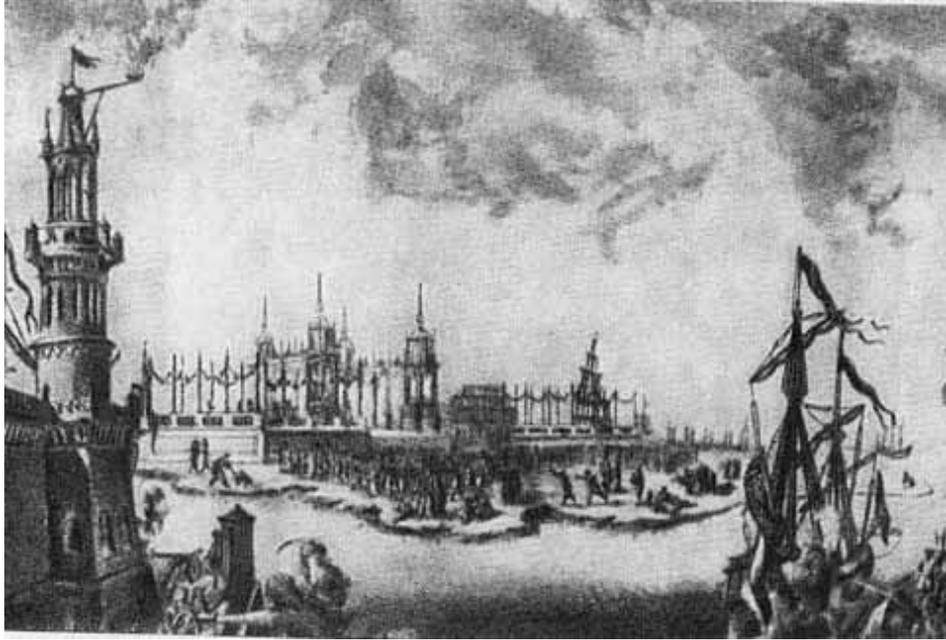
План Московского Кремля. 1797 г. М. Ф. Казаков.

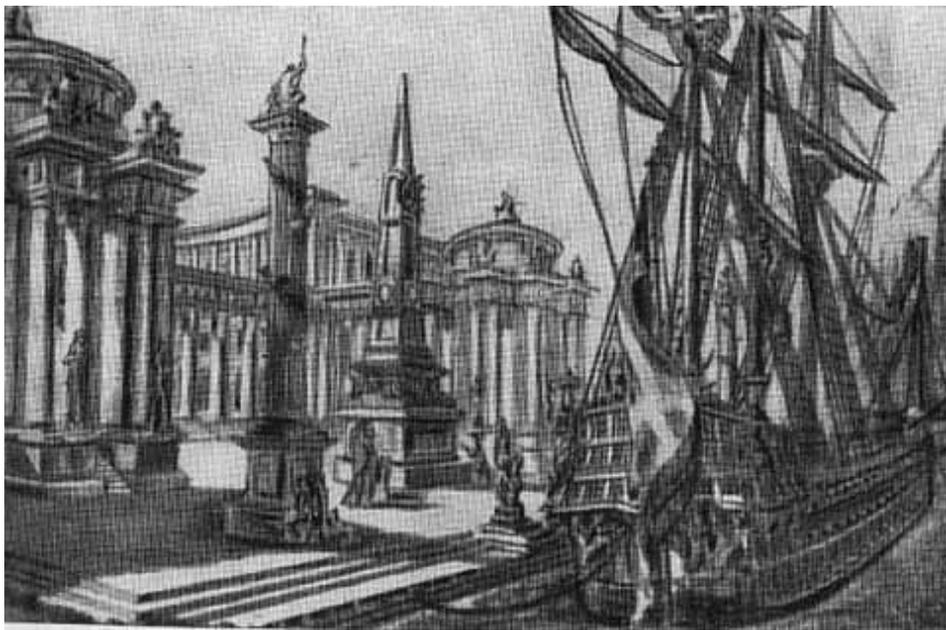
Проект Кремлевского дворца. Архитектор М. Казаков.

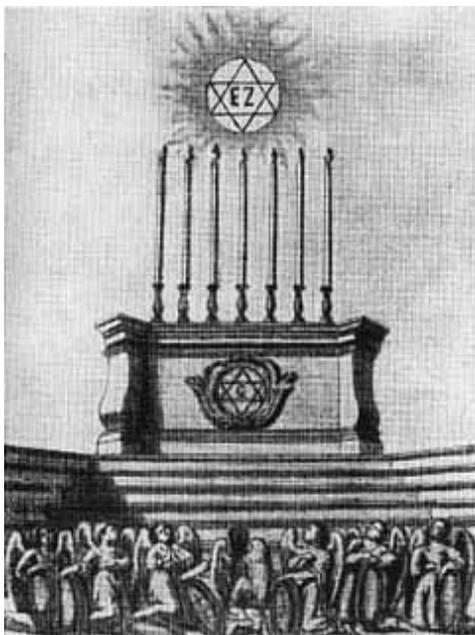
Колокольня Ивана Великого. 1505-1508 гг.

Увеселительные строения на Ходынском поле.

Увеселительные строения на Ходынском поле.

Масонский алтарь.

И. Г. Шварц.

Основатель масонской системы Циннендорф.

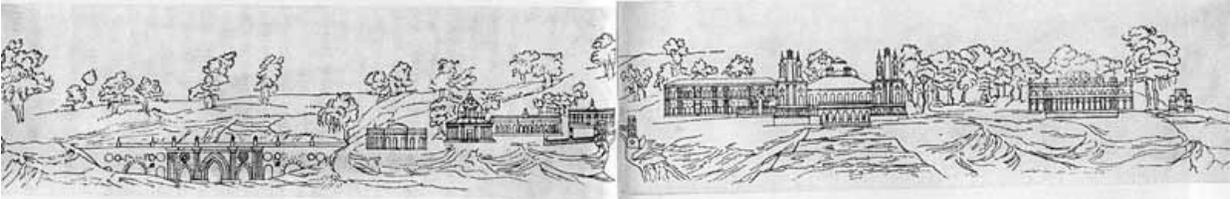
Карл, герцог Зюдерманландский.

Панорама Царицына. Рисунок В. Баженова.

Панорама или «генеральный фасад» села Царицына.

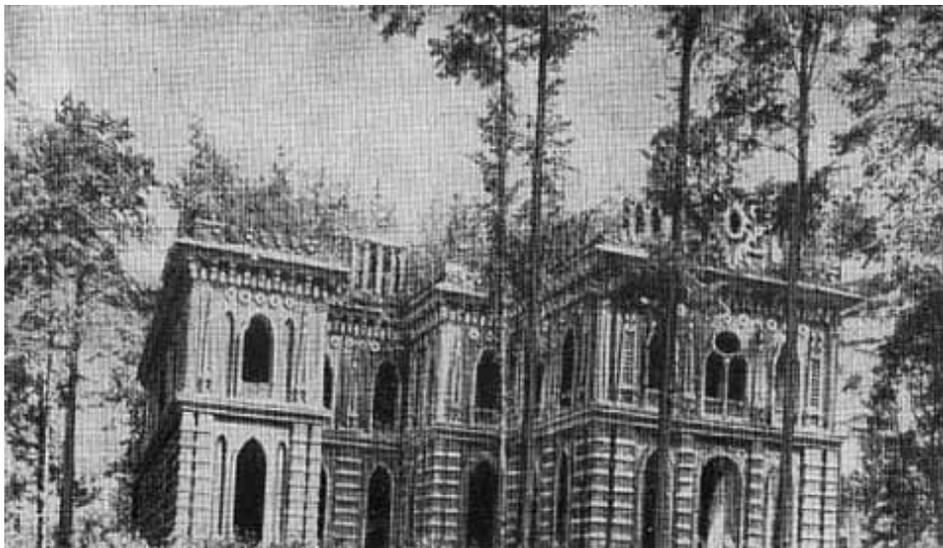
Современная панорама Царицына.

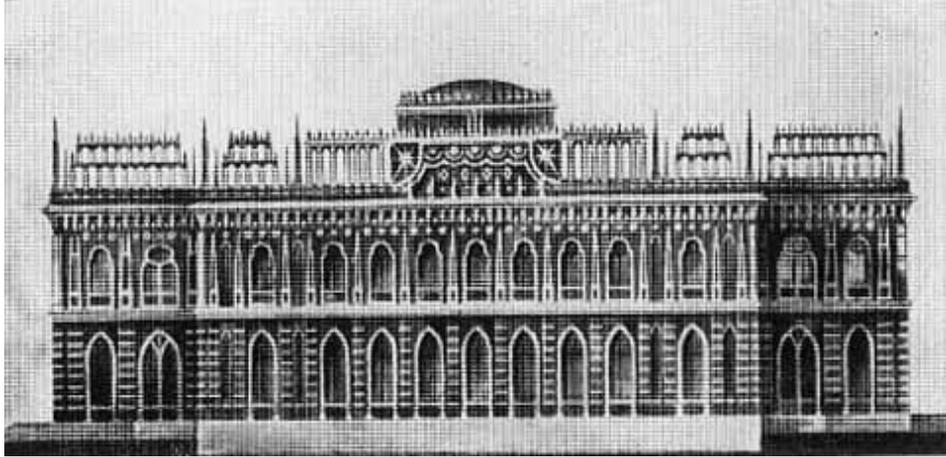
Царицыно. Общий вид дворца.

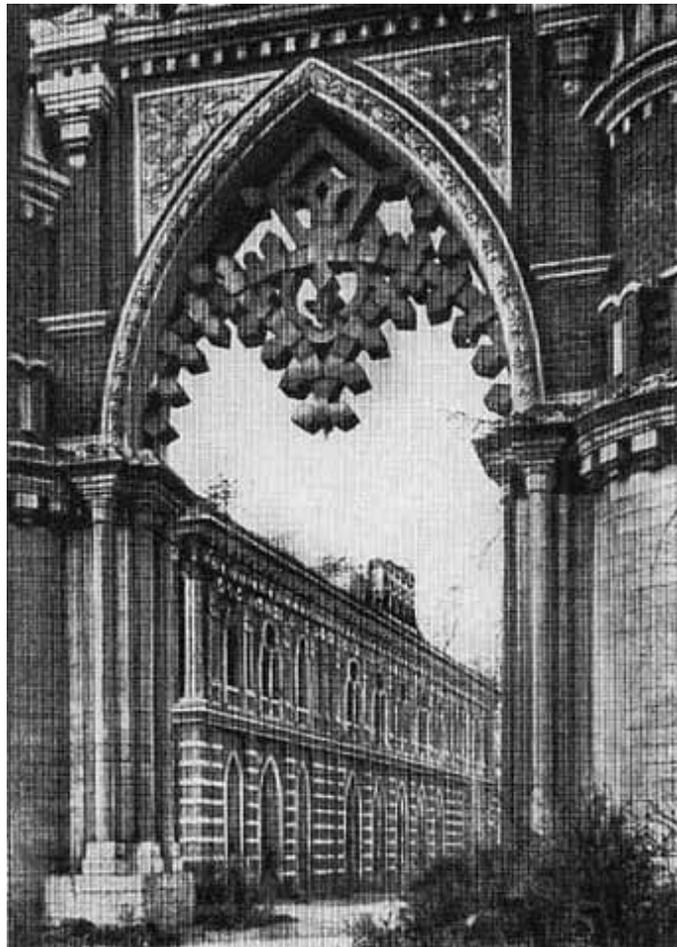
Царицыно. Фигурные ворота.

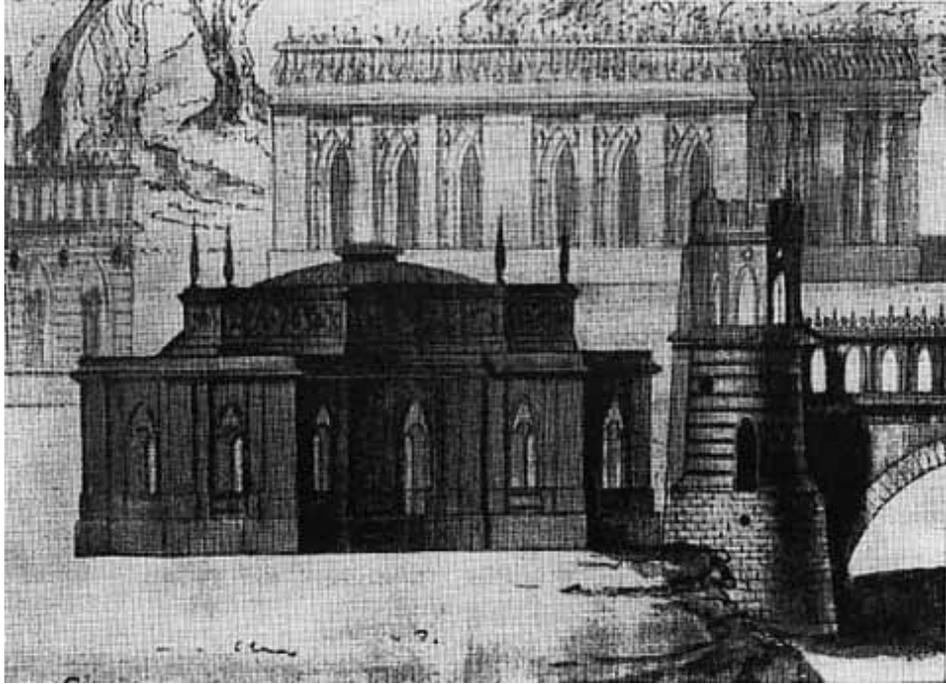
Царицыно. Боковой фасад дворце.

Царицыно. Оперный дом.

Царицыно. Фигурные ворота и Оперный дом.

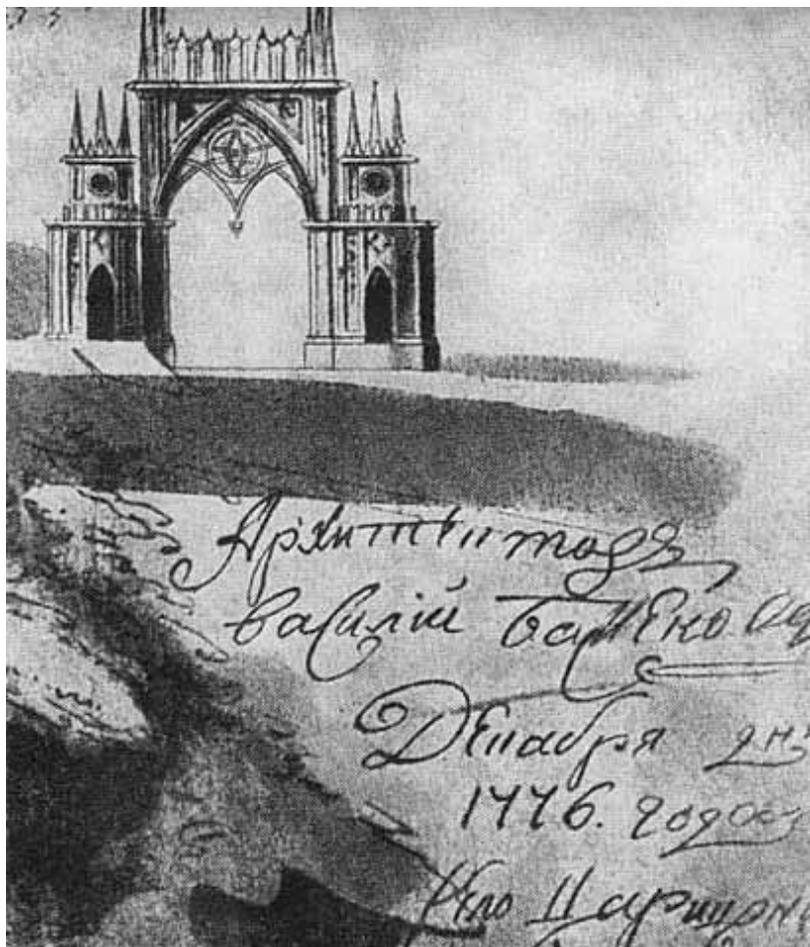
Деталь панорамы села Царицыно.

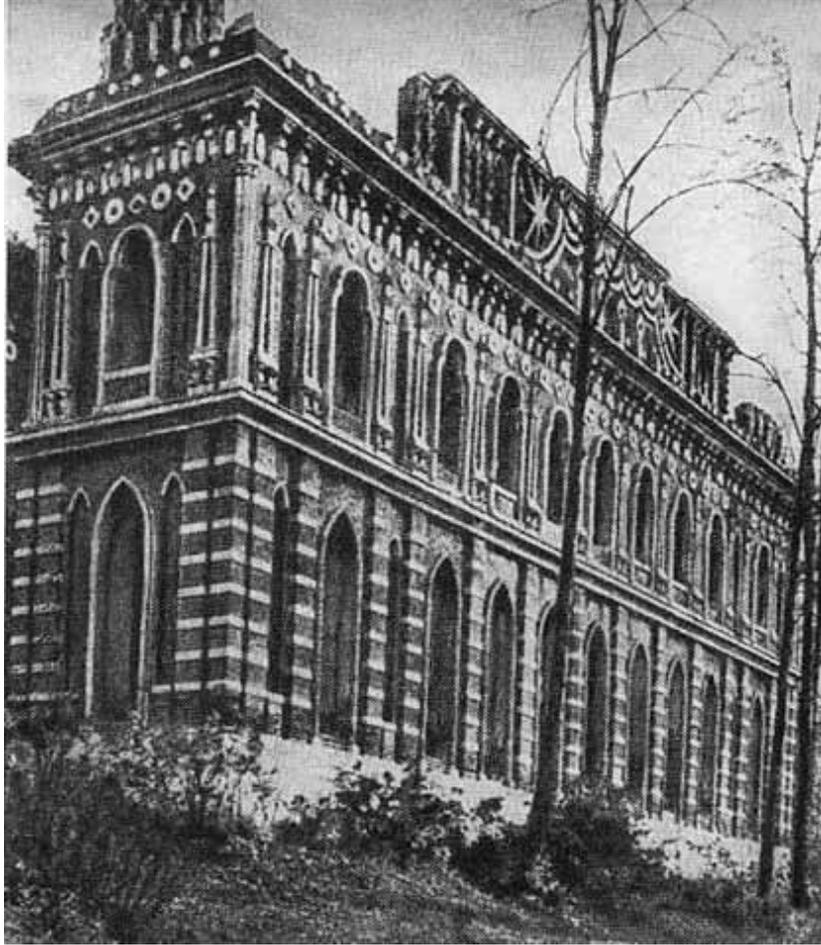
Царицыно. Фигурный мост.

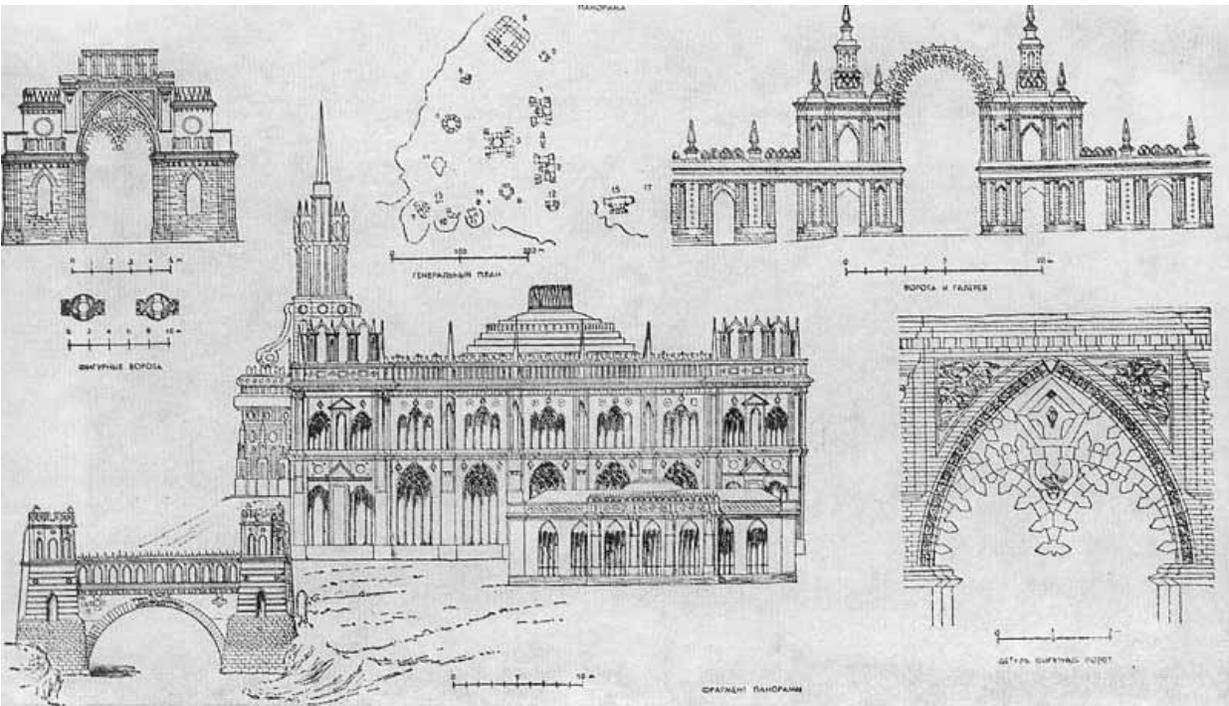
Царицыно. Фигурный мост.

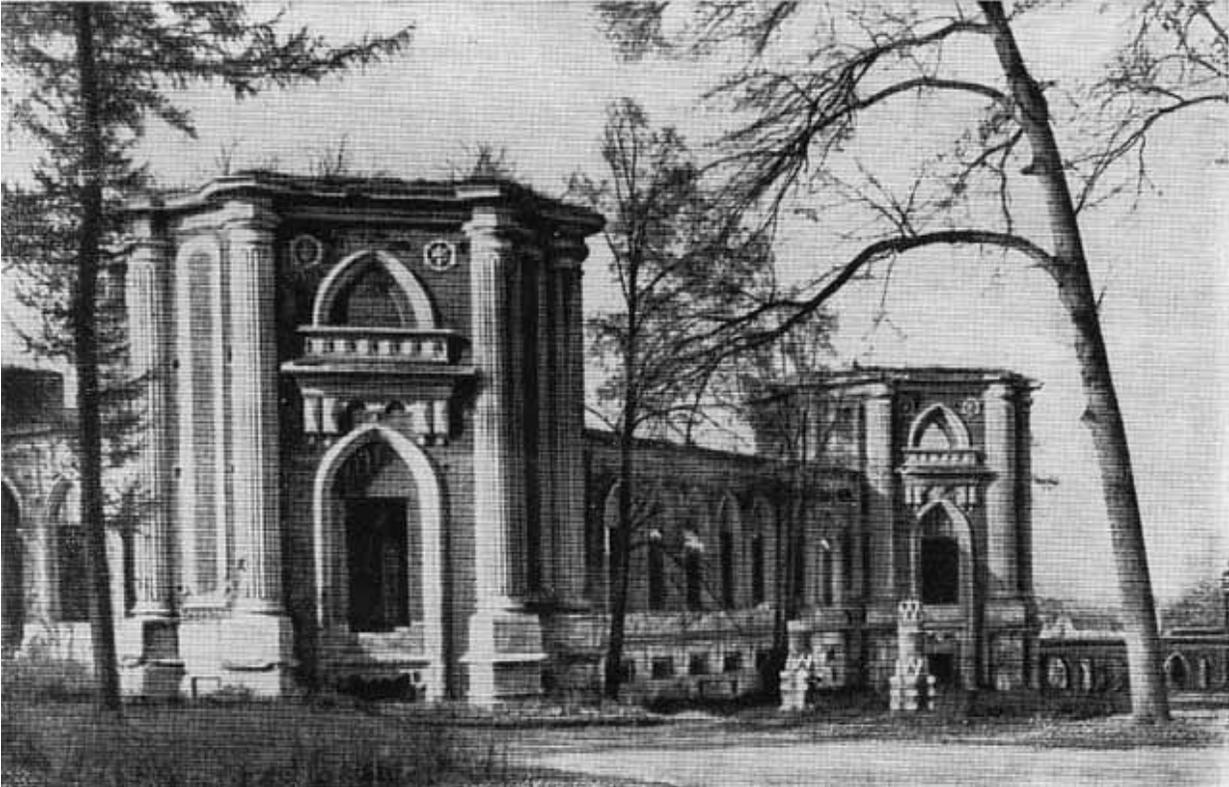
Деталь панорамы села Царицыно.

Приемный дворец Екатерины II в Царицыне.
(Оперный дом.).

Царицыно. Фрагмент панорамы.

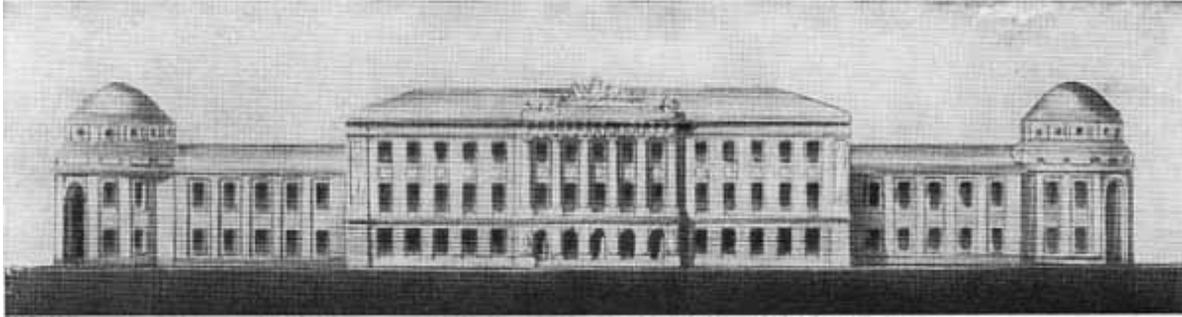
Царицыно. Дворец.

Коломенское. Акварель Д. Казаренги конца XVIII века.

Возле Мясницких ворот. Направо в глубине — «Дом Юшкова». С литографии 1840-х годов.

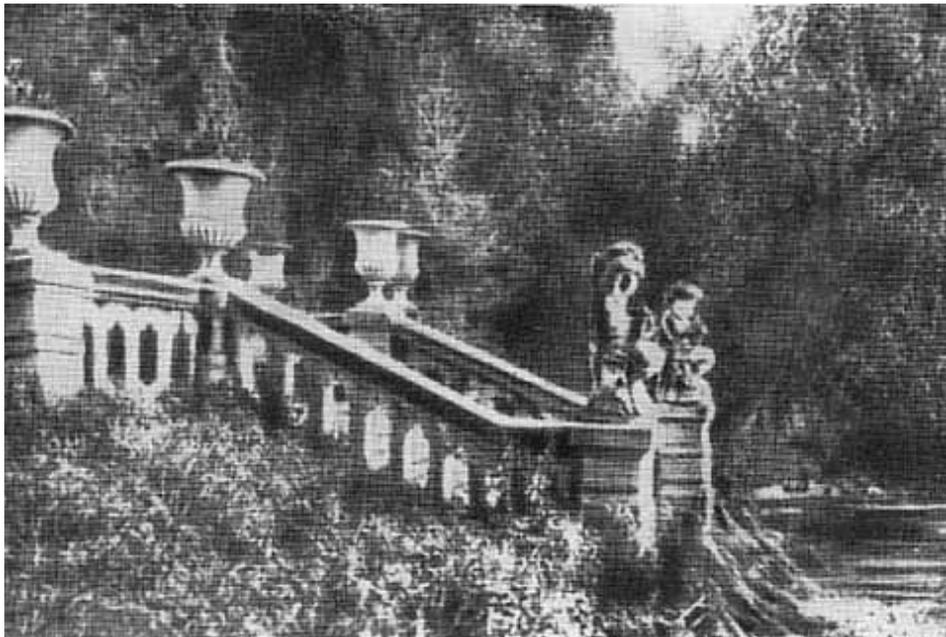
Здание Кригс-комиссариата в Москве.

Мавзолей Барышниковых в Николо-Погорелом. Фото И. Грабаря. 1905 г.

Петровское-Алабино. Общий вид усадьбы.

Быково. Павильон у пруда.

Быково. Пристань.

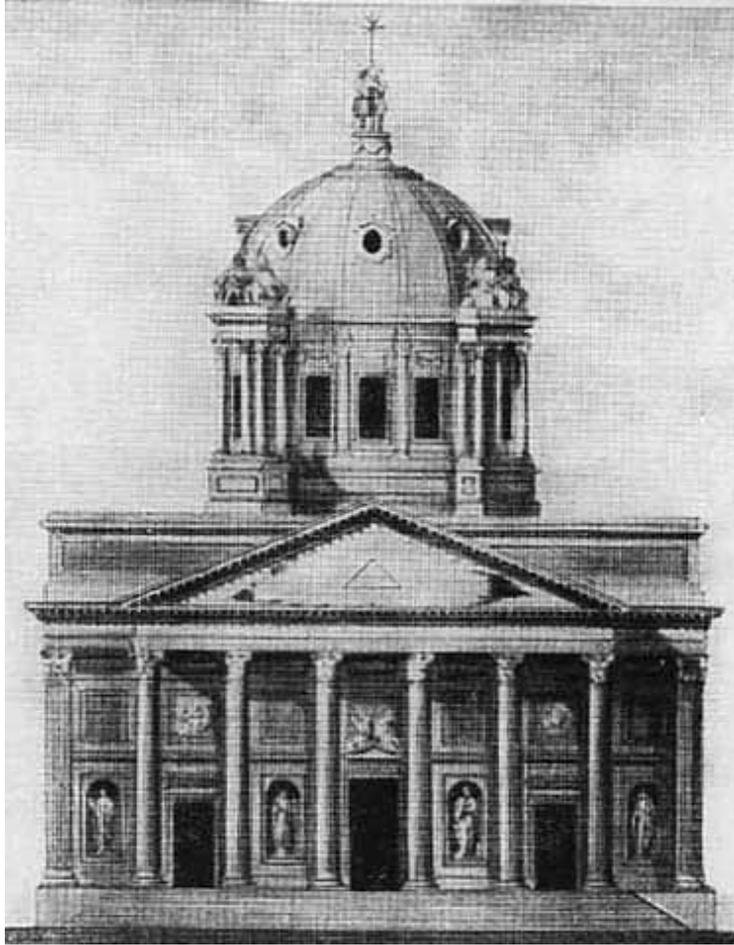
«Дом Пашкова» в Москве.

«Дом Пашкова» в конце XVIII века. Офорт Ж. Делабарта.

Церковь в Троицком-Кайнарджи.

Казанский собор. Вариант западного фасада.

Быково. Владимирская церковь.

Виноградово. Владимирская церковь.

Волинщина. Въезд на парадный двор.

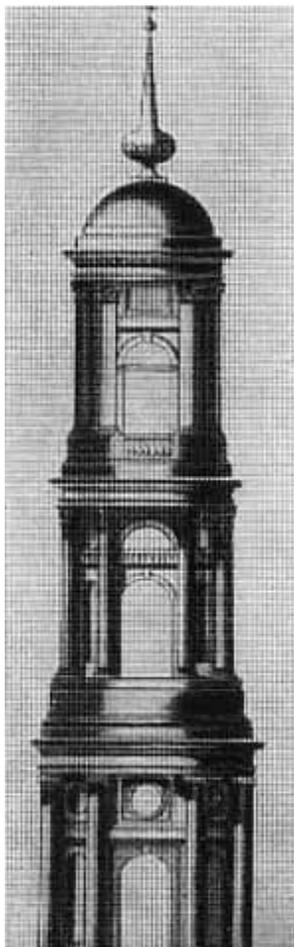
Черкизово-Старки. Никольская церковь.

Село Вешаловка. Церковь Знамения.

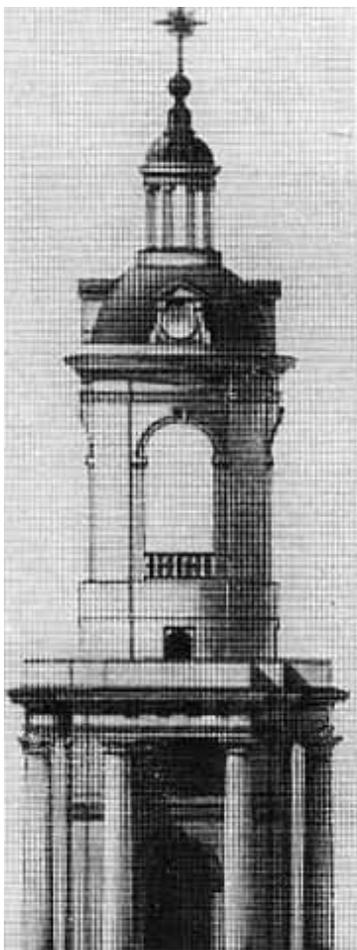
Пехре-Яковлевское. Общий вид усадьбы.

Колокольня Скорбященской церкви на Б. Ордынке в Москве.

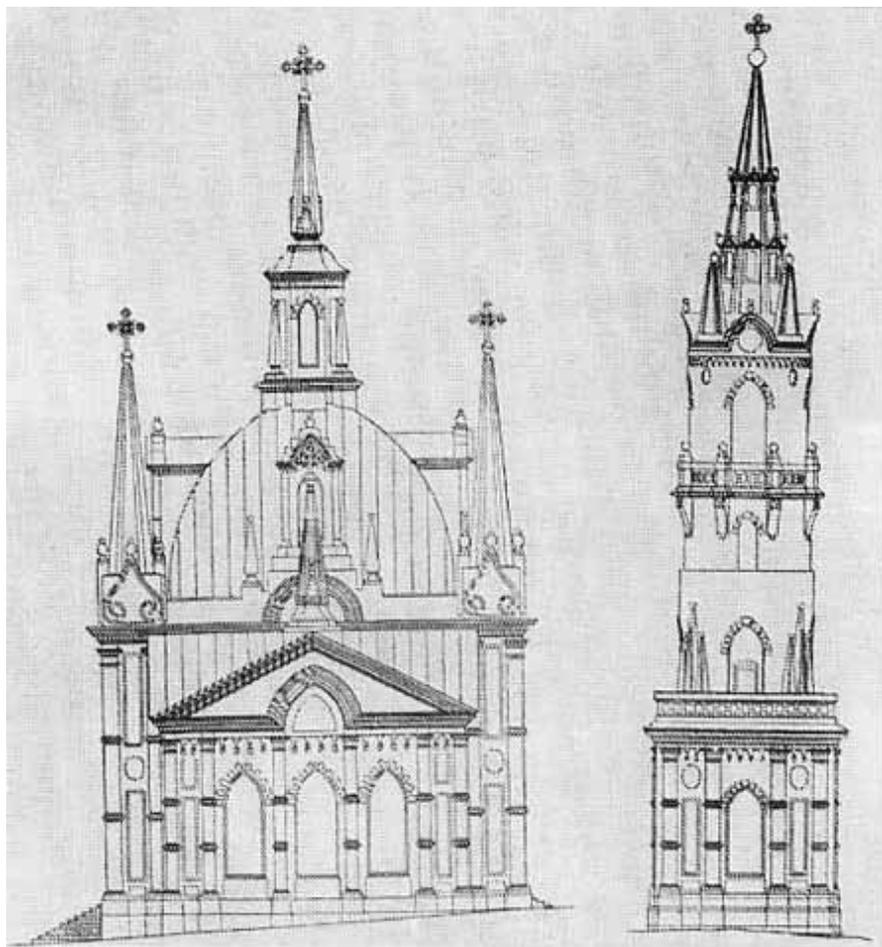
Черкизово-Старки. Проект колокольни.

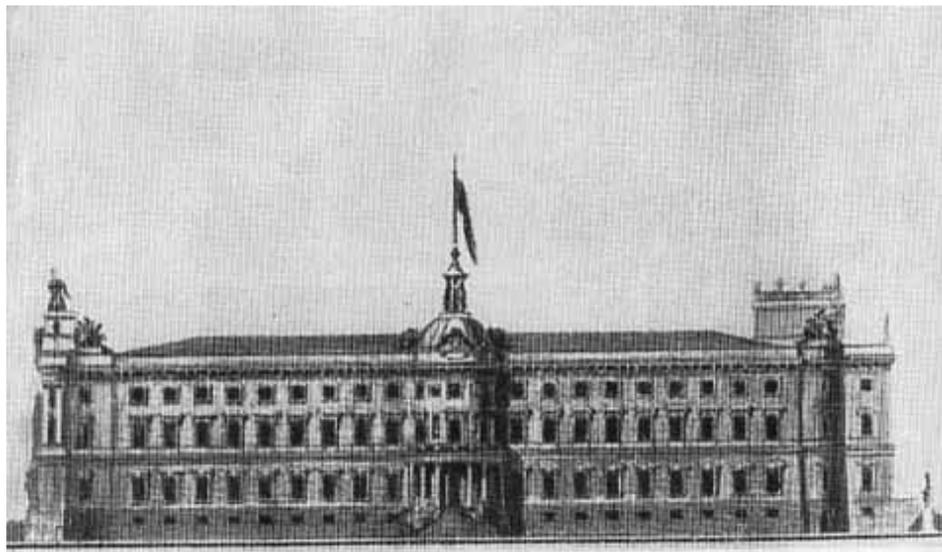
Петровское-Алабино. Колокольня. Современный
обмер.

Митрополит Московский Платон.

Колокольня и восточный фасад церкви Знамения.

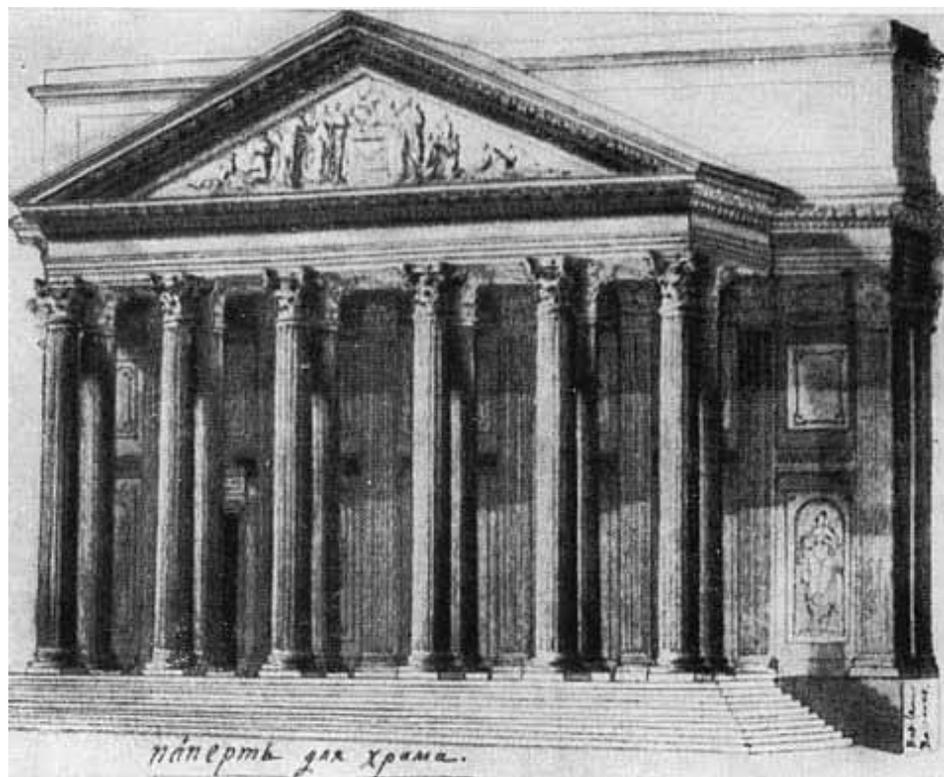
Гатчинский дворец.

Профиль Михайловского замка.

Император Павел I в орденских знаках.

«Паперть для храма». Из альбома Ф. Каржавина.

А. Н. Воронихин.

Казанский собор. Архитектор А. Н. Воронихин.

Здание Арсенала в Петербурге.

Останкино. Общий вид дворца.

№ 22. А. Снегов Архитектора Баженова
№ 12 72

Ваше уже дватцать пять лет, как я упо-
блюсь в моем художестве; между тем я был офи-
цером, учился с похвалою, и с отличными успева-
ми воздвигая отсюда в мое отечество в динго-
статском ^{по вступлении в службу} служу ныне администратором в том же
оное пред гоним суровою кесарею ниже аного зид,
гид был семь месяцев покаяние: десет лет
в теперешней еминт, до пятидесяти лет угий
удеинной вельской хористии, изной много станих
которы изрядными успеваем ошазали в службе
Императорского величества, и плудили ратили
в есоломо воем, а другие и презвали меня: так же

«Изъяснение» архитектора Баженова.

В. И. Баженов. Эскиз для семейного портрета Баженовых.

В. И. Баженов среди своей семьи (картина неизвестного художника).

notes

Примечания

1

Дом построен в 1707-1708 годах по проекту неизвестного архитектора.

2

Здание в несколько измененном виде сохранилось и поныне.

3

Эти слова взяты из стихотворения, которым сопровождается рисунок Казакова о торжествах закладки дворца. Под стихами — подпись: «А. С». Рисунки хранятся в Музее архитектуры. На них есть собственноручные пометки Баженова: «Прожект и практика архит. Баженова».

Здесь и выше приведены отрывки из выступления Баженова 1 июня 1773 года по случаю «положения первого камня». Текст выступления был опубликован в 1813 году в «Московском телеграфе» № 17. Полностью, без сокращений, «Слово на заложении Кремлевского дворца» приводится в книге В. Снегирева «Зодчий Баженов». М., 1962, с. 220–223.

5

Профанами масоны называли всех, кто не посвящен в их «братство».

Здание известно также под названием «Кухонного корпуса». Оно расположено на восточной окраине ансамбля и служит как бы его фоном. Дом соединен с дворцом галереей и хорошо вписывается в общую композицию. Залы, предназначенные для хозяйственных нужд, были обращены внутрь, в замкнутый двор.

До нашего времени в первоначальном виде сохранилась лишь наружная часть здания.

7

Это общее название восьми корпусов, спроектированных Баженовым для обслуживающего персонала. До нашего времени сохранились лишь три корпуса, да и то в плохом состоянии.

Баженов в своих отчетах «Лакейским домом» называл Второй кавалерский корпус — восьмигранное здание. Построен в 1782-1784 годах. Вокруг большого круглого зала архитектор расположил целую анфиладу других залов.

В Малом дворце Баженов повторил свои излюбленные формы: чередование прямоугольных, овальных и круглых залов, полуциркульные проемы. Белокаменные наличники, чем-то напоминающие резные ажурные деревянные украшения, практикуемые при строительстве барских сельских домов русскими народными умельцами. Полуциркульный дворец Баженова своеобразен, торжествен, но вместе с тем легок, интимен, изящен. К сожалению, о своеобразной внутренней планировке мы сегодня можем судить лишь по чертежам, ибо до наших дней сохранились только наружные стены.

Здание известно под названием «Оперный дом», так как многие исследователи полагали, что оно предназначено для театральных представлений. Но все же главное назначение здания — приемы, торжества.

Строительство «Оперного дома» Баженов в свое время почти завершил, включая внутреннюю отделку. Однако до нашего времени сохранился лишь его внешний облик, да и то в несколько измененном виде по сравнению с первоначальным планом.

Постройка относится к 1784 году. Первоначально это было двухэтажное здание, чем-то напоминавшее в своем внешнем убранстве Лакейский дом. Но в последующие времена Управительский дом подвергся значительным изменениям. Была применена штукатурка, уничтожено цветное сочетание, характерное для баженовских построек в Царицыне, построен еще один этаж и расширены окна. Естественно, этим была нарушена вся прелесть первоначального варианта здания.

12

Церковь построена в 1722 году. Ее основа — восьмигранник, увенчанный вытянутым куполом. В 1883 году к ней были пристроены колокольня и трапезная.

Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. М.-Л., 1925, т. 3, с. 263.

Ныне это здание составляет часть Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Даты приводятся по старому стилю.